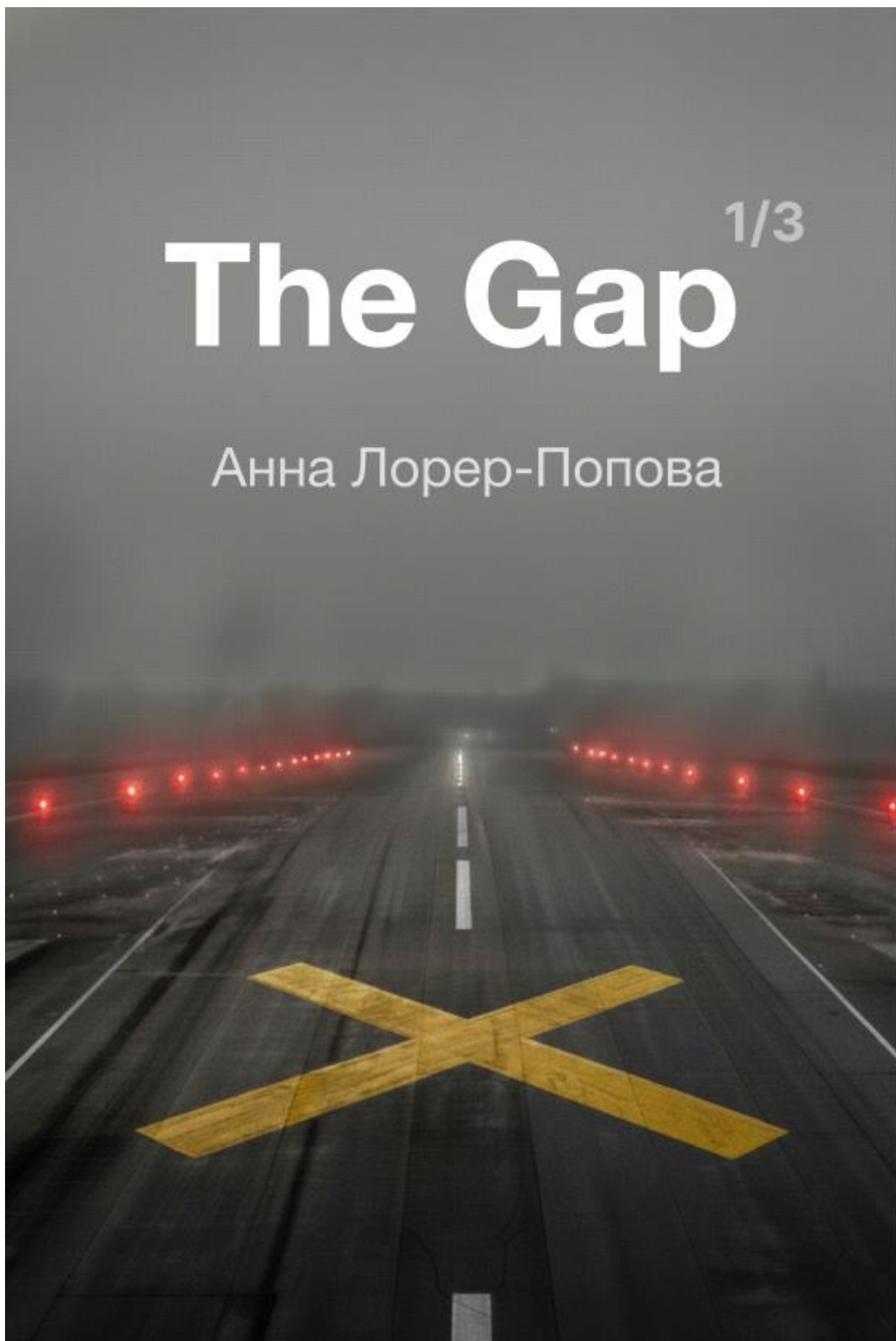

The Gap^{1/3}

Анна Лорер-Попова

The Gap 1/3

Облачный дневник Стеллы Шварц-Кэмерон, последняя открытая запись, апрель 24, 2133 год

Что ж, приходится признать, что я ошибалась: все повторяется, и намного быстрее и жестче, чем можно было представить. Они начали запрещать книги. И хотя это уже не те же самые «они», что двести, триста, пятьсот лет назад, но все очень знакомо.

Лет десять назад мне казалось, что вершина абсурда покорена. Теперь я понимаю, что это была разминка. Тогда они требовали посмертной психиатрической экспертизы (!) для моего отца, чтобы доказать, что он не сделал никакого открытия, а просто увлекательно сошел с ума. Пару лет назад за любое упоминание его имени в положительном ключе можно было лишиться работы и круга общения. С работы уволят, знакомые перестанут даже здороваться, часть — от искреннего возмущения, что кто-то может симпатизировать «этому психу и шарлатану», другая часть — от страха. А сейчас это официально стало уголовным преступлением.

Тяжело и грустно это признавать, но я ошиблась. Здесь некому и нечего объяснять. Все те, кто был в состоянии что-то понять, сделали это давно и без моей помощи. Может быть, меня услышала пара сотен человек. Это уже неплохой результат, и, наверное, все было не зря. Но сейчас я просто медленно погружаюсь в новое Средневековье вместе со всем человечеством, а заодно и в черное отчаяние, мне очень жаль себя и грустно, что все так вышло.

Итак, художественный текст, который теперь запрещен. Совершу перед утренним кофе чудовищное преступление, как настоящий неблагонадежный гражданин.

Предисловие

Начнем с ворчания: я был против придания этой истории излишней художественности. Летописи не должны быть такими, вот что я думаю. Их задача — кратко сообщать, что и в каком порядке происходило. Но большинство участников этой истории решило иначе, и я принял их решение.

Перейдем к главному: для чего вообще что-то писать о наших делах? Сейчас эта история известна достаточно хорошо. Но, если мы все-таки примем то непростое решение, к которому склоняемся, однажды от нас могут остаться только намеки на высокоразвитую цивилизацию, существовавшую в прошлом. И мы не хотим, чтобы будущие земляне, глядя на эти намеки, мучительно искали ответы на вопросы «кто они были?», «куда исчезли?», «что могли нам рассказать?». Мы решили рассказать все сами. Сами мы, конечно, не справились и почти разругались, поэтому текст в итоге получился от третьего лица, любезно написанный одной терпеливой женщиной, которую мы сводили с ума почти двенадцать лет, пытаясь изложить факты так, чтобы они хотя бы не вступали в прямое противоречие (как известно, очевидцы всегда врут). Разные печальные моменты описаны слишком подробно и, я бы даже сказал, слишком сентиментально, но все ребята, кроме меня, считают, что так и нужно. Что это объяснит, почему мы больше не хотим здесь оставаться.

Дорогие будущие земляне! В отличие от нас — тех, о ком дальше пойдет здесь речь, — ваши предки выбрали старое и привычное, и это вполне понятный выбор. Их история вам известна — пусть будет известна и наша. Делайте выводы, принимайте свои решения, живите, дышите, не ругайтесь слишком сильно, выясняя, кто прав, Аллах или Иисус (оба в чем-то правы, а в чем-то не очень), никогда не применяйте ядерного и субъядерного оружия и помните: с этой стороны другой подходящей планеты для жизни пока нет. Берегите имеющуюся. И постарайтесь не обижать друг друга. Все вы (и я тоже, пока еще могу сидеть здесь и писать это) просто напуганные заблудившиеся дети. Постарайтесь объединиться в команду, а не драться между собой. От этого только страшнее и хуже. Мы проверяли.

С любовью и надеждой, Стивен Льюис, май 2089

Мой друг Стивен написал целую речь. У меня такой все равно не выйдет, так что не буду даже стараться. В конце концов, он у нас серьезный человек, а я не очень. Единственный вопрос, который у меня возникал во время чтения, — это действительно ли я такой конченный придурок. Все время ною, бухаю или лезу в какие-нибудь горячие точки и места стихийных бедствий, после чего снова ною и бухаю. Кажется, что я сам себе немедленно зарядил бы в морду, будь меня двое! Хорошо все-таки, что я один. Всем рекомендую попросить кого-нибудь написать про вас книгу: вы просто охренеете от того, какой вы конченный человек! Возможно, это чему-то вас научит. Меня вот, как мне кажется, научило. Правда, времени для того, чтобы тренироваться быть нормальным, уже мало: тут все куда-то собираются, и я за компанию с ними. Надеюсь, вам тоже однажды представится такая возможность. Привет!

Дерек Гаррет, 2089

P. S. Опять перечитал и ору. Невыносимо просто, какой придурок!

*For we live in sin, for we will
win
I watch the president kiss his
family.*

*For we live in sin, for we will
win
I watch the president fuck
society.*

*If you were me, could you
defend
The given rights to all of men.*

*Let's fuck the world with all
its trend
They say it's all about to end.*

Daron Malakian

*Then it comes to be that
the soothing light at the end
of your tunnel
Was just a freight train
coming your way.*

James Alan Hetfield

*Ибо мы живем во грехе, ибо мы
победим
Я смотрю, как президент
целует свою семью.*

*Ибо мы живем во грехе, ибо мы
победим,
Я смотрю, как президент
трахает общество.*

*Если бы вы были мной, смогли
бы вы защитить
Права, данные всем людям?*

*Давай трахнем мир со всеми
его трендами.
Они говорят, что все это
скоро закончится.*

Дарон Малакян

*А потом оказывается,
что успокаивающий свет в
конце твоего тоннеля
был просто товарным
поездом
идушим навстречу.*

Джеймс Алан Хетфилд

Глава первая

Санта-Круз, Калифорния, май 31, 2076

Стивен запускает руку в волосы, склонившись над маленьким экраном старенького ноутбука, и прочесывает их пальцами с таким усердием, будто это не волосы, а деревья в лесу, где пропал ребенок, а он в ответе за спасательную операцию. Потом откидывается на стуле и в десятый раз перечитывает получившийся текст с расстояния, словно тот станет менее гнусным, если отодвинуться от него подальше. Снова приближается к экрану, опирается на локоть, запускает ладонь в волосы. Ноутбук примитивный, еще тех времен, когда их можно было сложить только вдвое и для них были нужны специальные сумки по размеру. Давно пора поменять его на современный, но Стивен из тех людей, которые привязываются к вещам. Ноутбук уже трижды пережил серьезный ремонт. Если вдаваться в подробности, придется признать, что от того самого ноутбука мало что осталось, кроме корпуса, но Стивен не хочет в них вдаваться. Он не отдаст свои вещи, пока ими можно хоть как-то пользоваться. Он даже с очками до сих пор не решился расстаться. В очках, влияющих на рефракцию, теперь ходят только самые отчаянные консерваторы. Во времена его молодости очки на пару лет сменились модными оправками с линзами без диоптрий, потом забылись, а после вернулись еще на пару лет в виде оправ уже вовсе без всяких стекол, после чего исчезли уже окончательно. Людей вроде него, которым очки нужны, чтобы хорошо видеть, в мире осталось исчезающе мало, и в основном это были девяностолетние мужчины и женщины, видевшие все и оттого живущие в самых малолюдных уголках планеты, куда нельзя доехать без лодки или трактора. Когда Стивену исполнилось тридцать девять и его впервые избрали в Совет президента Академии, среди его знакомых таких уже не было, а в одном модном журнале вышла статья про «десять знаменитых очкариков», в которой его скромная персона располагалась на почетном втором месте после тогдашнего премьера Великобритании.

Он снова с усилием вытаскивает ладонь из прически. Какого черта они делают на своей Аляске? Ведь у всех перед глазами пример Тайваня, чудом остановившегося в самый последний момент. Еще один шаг в этом направлении — и не было бы никакого Тайваня. Осталось бы одно название, и еще траурная ленточка в углу экрана во время новостной программы.

Печальное знание, что Академия не остановится ни перед чем, когда речь идет о защите патентных прав на все сколько-нибудь стоящие изобретения последних лет, было уже вполне будничным. И даже если ты додумался сам, а не украл открытие у Академии, перспективы твои были печальными. Как все быстро и грустно меняется. В его детстве, когда Академия только создавалась, он был в восторге. Наконец-то миром будут править не политики и авторы дурацких видеороликов, которых заботит только собственная популярность и доходы, а ученые! Нельзя и представить лучшего развития событий. Маленькому Стивену было ясно как день, что политики с треском проваливались в попытках хоть чем-то управлять. Они казались важными, серьезными и компетентными дяденьками и реже тетеньками, только когда все шло хорошо: еще не все ресурсы исчерпаны, не вся экосистема убита, нет никаких катастроф вроде войны или пандемии. Как только в конце 2019-го началась первая пандемия — совершенно левая на фоне тех, что последовали за ней, — серьезные компетентные «взрослые» в костюмах превратились в перепуганных детей. Все их действия были похожи на бег растерявшегося человека в горячей одежде: чем быстрее он бежит, тем сильнее его охватывает огонь, от чего он еще больше ускоряется. Сам он этого не застал, родившись чуть позже, но свидетельств сохранилось достаточно, чтобы сделать выводы. Потом была война, экономический кризис, передел сфер влияния, новая пандемия, и каждой попыткой решить проблему правительства создавали две новых. Когда проблем стало столько, что загрустили самые непробиваемые оптимисты, американский эпидемиолог Абена Сэнборн записала обращение к своим коллегам со всего мира.

— Почему решения во время эпидемии принимают люди, знающие, что это такое, из определения в Википедии? — спрашивала она. — Почему то, сколько денег в бюджет заложить на медицину, определяют те, кто не отличит большой круг кровообращения от малого? Почему изобретатель «гибких стен» для сейсмоопасных районов не может принять решение, где немедленно нужно применить его изобретение, а бывший адвокат по уголовным делам, выбранный президентом, — может? Где логика? Почему бы адвокату не защищать клиентов, вместо того чтобы оставлять

тысячи человек без крыши над головой после очередного землетрясения только потому, что изобретение не произвело на него впечатления, как это происходит сейчас? Концепция «мы выберем самого достойного из нас, чтобы он защищал наши интересы и выступал от нашего имени, поселим в Белый дом и будем чтить» была хороша в тысяча восемьсот тридцатом году. Давайте посмотрим правде в глаза: двести лет спустя она устарела, как устарел цилиндр. Политики — это новые короли и королевы, мы можем терпеть их существование как дань традициям, но не можем больше позволить им принимать решения, влияющие на жизни миллиардов людей. Я отказываюсь подчиняться президенту США в вопросах, связанных с эпидемией. Я призываю вас к тому же. Политики привели нашу цивилизацию к краю, и теперь остается или прыгнуть в пропасть, или попытаться взять власть в свои руки — в руки специалистов. Нам нужна власть профессионалов, а не дилетантов; власть знания, а не невежества.

Так начиналась великая история Международной академии наук. А дальше те, кто не смог остаться на теплых местах в качестве дани традициям, постепенно проникли в Академию — как организаторы, как специалисты по персоналу, как ответственные за безопасность, как юристы и психологи. Да и сами ученые оказались не святыми — компетентность в одной области не гарантирует ни компетентности в других, ни этичности и принципиальности. И вместо принципиально новой модели мира, которая сделает лучше, произошло милое маленькое перераспределение власти, постов и капиталов. В день, когда молодого ученого из Южной Африки, который сделал свою прививку от ВИЧ спустя пятнадцать лет после того, как ее запатентовали в Академии, приговорили к семидесяти пяти годам тюремного заключения за хищение интеллектуальной собственности Академии, революционерка Абена покончила с собой. В предсмертном обращении тон ее был другим; она говорила о том, что в страшном сне не могла вообразить, как «власть науки» обернется террором: или страна подписывает Конвенцию и открывает у себя отделение, поглощающее безумные деньги из бюджета, или почти официально признается «вторым миром», проблемы которого волнуют первый еще меньше, чем было во времена «власти невежества». Мальчик, который самостоятельно изобрел прививку и хотел спасти жизни граждан своей родной страны, теперь умрет в тюрьме, и не получившие прививку тоже умрут, и Абена умрет: убьет себя, глядя в глаза монстру, которого создала из лучших побуждений. ЮАР подпишет Конвенцию, сделав нужные Академии выводы из истории с прививкой. Постепенно ее подпишут все, кроме самых нищих или самых принципиальных, вроде сумасшедшей Аляски. И внутри отделений будут жить везде одинаково, и учить талантливых детей, и развивать молодых ученых, и двигать вперед цивилизацию, а вне их — как могут. И это «как могут» было таким разным, что иногда, пролетая в очередной командировке по трассе, ведущей к отделению, Стивен хотел взять пример с Абены.

Чертова Аляска. Как прокомментировать действия президента, которая решила, что сможет обойтись без Академии? И собрала блестящую группу ученых, да еще и обзавелась оппозиционной звездой — физиком Кэмероном, пославшим Академию ко всем чертям после загадочной гибели профессора Мэннинга, его учителя? Вас всех убьют и покажут в новостях, как террористов, но вы имеете право рисковать? Но это не просто красивый речевой оборот, их всех действительно убьют и покажут в новостях как террористов. А вместе с ними запросто могут задеть во время «маленькой эффективной операции по уничтожению опасных преступников» и пару тысяч жителей Аляски, которые вообще ни в чем не виноваты. Их причастность к происходящему только в том, что они выбрали в президенты смелую женщину. Да и кто бы давал такие комментарии? Неужели он, без нескольких недель пятидесятилетний невзрачный человек в мятом пиджаке, постоянный участник Совета той самой системы, которая все это проделает, не поперхнувшись? Можно, конечно, мягко посоветовать им не сходить с ума, забыть о своих намерениях, как о страшном сне, выслать Кэмерона обратно в Штаты и начать устраиваться поуютнее в своем безнадежном технологическом отставании, как делает Панама. Или отправиться на поклон к Академии, чтобы подписать Конвенцию, открыть у себя отделение и платить дань, как делает почти весь остальной мир. Но разве честно давать такие советы? А с другой стороны, осталось ли в грустном кино «Планета Земля, 2076 год» хоть что-то честное, кроме немедленного самосожжения на площади перед главным зданием Академии?

«Самое важное в данном случае — понять, о каких именно разработках идет речь. От этого зависит и моя лично позиция по этому вопросу, и позиция Совета в целом. Само по себе желание развиваться похвально, и я могу его только поддержать. Но, не зная, над чем конкретно работают

коллеги с Аляски, не могу высказаться со стопроцентной уверенностью». Как дипломатично и как тошнотворно. Он каждый день принимает участие во множестве неприятных вещей, пытаясь сделать жизнь чуть лучше для обычных, неакадемических граждан, но это уже слишком даже для него. Я считаю, что вы молодцы, но так как Академия со дня на день обвинит вас в разработке биологического, или ядерного, или квантового оружия, или отряда гигантских боевых роботов-котов, которые будут охотиться за людьми вместо мышей и приносить их отъеденные головы к двери дома президента Аляски, — и уничтожит, мои высказывания будут мягкими, как дерьмо. Может, плюнуть на дипломатию и прямо сообщить, что он думает на самом деле? Служба безопасности Академии под руководством робота по имени Бланш Бернар, на которую натянули человеческую кожу, потому что живой человек просто не может так себя вести, как это годами удается ей, все про него знает и держит в живых специально, в качестве полезной игрушки: посмотрите, какая у нас справедливость, свобода и демократия! Этот кретин против нас, а мы годами терпим его в главном органе управления! Поэтому вряд ли ему угрожает что-то серьезнее очередной беседы на тему «мистер Льюис, при всем уважении, мы были бы невероятно признательны, если бы вы любезно согласовывали свои комментарии для общественности с пресс-секретарем Совета, как это положено по регламенту». Разве что на Аляске заварят серьезную кашу, какой до этого не случалось нигде, а он одновременно с этим окончательно надоеет мисс Бернар и та решит от него избавиться, спрятав за решетку за терроризм. Стивен вдруг ясно видит заголовки новостей, как будто все уже успело случиться: шок, сенсация, чрезвычайное происшествие, **СОВЕТНИК ПРЕЗИДЕНТА ТЕРНЕРА АРЕСТОВАН ЗА ПОСОБНИЧЕСТВО ТЕРРОРИЗМУ!** На самом деле, страшнее другое: что эти сумасшедшие могут воспринять его честный комментарий как стимул продолжать в том же духе. Раз в Совете хоть кто-то на их стороне, и не просто на их стороне, а не боится сообщать это всему миру, значит, не такая уж и злая она, эта Академия, и можно посмотреть, что будет дальше. Но разве это повод врать? Разве он в ответе за решения, которые принимают другие взрослые люди, видя вроде бы уже не первый год все то же самое, что видит он? Ладно, может, не все то же самое. Наверное, есть какие-нибудь десять процентов отборной мерзости, которая открывается тебе, только когда ты внутри системы. Но остальные-то девяносто не требуют никаких специальных доступов, разговоров и знакомств. Просто открываешь глаза, смотришь и видишь. А не пошло бы все!

Он вырывает руку из волос, которая успела крепко в них запутаться, сносит первую версию текста не глядя и быстро набирает новую, шумно стуча по клавишам:

«Я поддерживаю любое стремление к развитию и прогрессу. Странам — участницам Соглашения созданы наилучшие условия для совершения открытий и внедрения новых технологий; зная это, я испытываю еще большее уважение к тем государствам, которые, не имея таких условий, продолжают попытки если не выйти на тот же уровень развития, то хотя бы последовательно совершать шаги на пути к нему. К моему глубокому сожалению, не все в Академии разделяют такую позицию, поэтому не берусь судить об успехе их начинаний и дальнейшем развитии событий, но от всей души желаю коллегам удачи».

Санта-Круз, США, август 11, 2077

Она встала из огромного кресла, потянувшись, как школьница после долгого сидения на уроках, подошла к окну. Окно в этой части ее кабинета чудесное — огромное, прозрачное только изнутри, а снаружи ничем не отличимое от зеркальной стены рядом, сделанное из пуленепробиваемого, жаропрочного стекла, способного выдержать огонь, воду и что там еще бывает. И вид из него открывается чудесный. Огни круглосуточно бодрствующего отделения самой влиятельной организации в мире, зелень парков, океан вдали. Не так много вещей маленькая улыбчивая женщина по имени Бланш искренне любила, но вид из окна кабинета был одной из них. Вид напоминал ей о том, что приносило ей удовольствие, — пожалуй, это единственное, что его по-настоящему приносило: возможность бросать этому смешному миру мячик, как хозяйка своему хорошо выдрессированному псу, и смотреть, как он несет его обратно, крепко сжав в зубах и виляя хвостом. Каких-нибудь десять лет назад она и подумать не могла, насколько же все просто устроено. У самых влиятельных людей, чьи щеки к вечеру начинают болеть от усердия, с каким они раздували их в течение дня, есть волшебные кнопки — если надавить на них, люди полетят в заданном направлении, как радиоуправляемые вертолеты. И будут думать, пока летят, что это они

сами придумали, сами захотели; что этому полету есть три тысячи логичных обоснований и веских причин. И хотя в безопасности она оказалась случайно, это волшебная случайность. Сначала была служба в миротворческом десанте французской армии в оккупированном Пакистане Афганистане, просто от нечего делать и жажды хоть каких-нибудь впечатлений. Потом учеба на юридическом факультете в Каирском университете — потянуло на родину отца, хотя мать была вне себя от негодования и требовала вернуться во Францию, — потом работа в службе охраны тогдашнего египетского президента, не просидевшего на своем посту и двух лет. Потом приглашение в охрану Совета президента Академии. А потом, в один прекрасный, без всякой иронии прекрасный день, она вовремя прыгнула вперед и уронила на пол советника Тернера, который как раз выдвинул свою кандидатуру на президентских выборах и внезапно получил очень неплохой результат, выйдя во второй тур. Советник Тернер тогда остался жив чудом, потому что ему в голову в полной тишине летела пуля, и Бланш была единственной, кто ее заметил. Ей не понравилось лицо одного человека в толпе пришедших на встречу с кандидатом. Просто не понравилось его лицо. У нее не было никаких причин останавливать на нем взгляд, оставляя без внимания все остальное, никаких причин, кроме одной: он ей не нравился. И она плюнула на все и только и делала, что боковым зрением прожигала на нем дыру, и когда из его рукава показалась короткая вспышка, она прыгнула вперед и уронила Тернера на пол. Тернер рухнул, как подпиленное дерево, на середине очень пафосной фразы про будущее планеты, Бланш — на него, пуля задела рукав двухметрового телохранителя, без движения стоявшего за спиной кандидата, как памятник, и воткнулась в стену. Уильям Тернер остался жив, выиграл выборы, стал президентом. А через день после его инаугурации Бланш получила предложение отвечать за безопасность главного отделения. К ужасу некоторых ее коллег, не только за физическую безопасность, но и за информационную, и экономическую, и юридическую, и вообще за все, что только может быть с ней связано. И, конечно же, согласилась. Еще через два года Тернер понял, что Бланш надежнее, чем все осторожные бывшие разведчики и федеральные агенты, и крепче, чем накачанные шкафы, и теперь она отвечала за все аспекты безопасности Академии во всем мире. Во всем мире! И вот тут-то она окончательно поняла, как это весело. Что может быть веселее вида взрослых людей, старательно хмуриющих брови, прежде чем погнаться за блесной, как глупенькая рыба?

Сегодня, например, те из них, кто не знал истории создания отчета об Аляске, окончательно поверили, что несчастная Аляска решила поиграть в Северную Корею. Советники президента — это не водители мусоросборочных машин. У некоторых из них интеллектуальный коэффициент перевалил за двести пунктов по результатам самого современного теста (а по результатам классического просто упирался в верхнюю границу в сто шестьдесят). И никому из них, кроме плюшевого психиатра Льюиса, не пришел в голову вопрос, зачем бы Аляске так поступать и что она может разрабатывать помимо оружия, чего никак не может допустить Академия. Хотя это вроде бы очевидно. Бедные мальчики. Впрочем, самый бедный из бедных мальчиков, конечно, Льюис. Этот все понимает, но может только хлопать глазами и яростно сверкать стеклами очков. Хотя и бедный мальчик Льюис совсем не бедный по сравнению с бедными мальчиками и девочками с Аляски. Например, с Джаспером Кэмероном. Она нахмурилась. Интересно, он внял ее аккуратным предупреждениям и унес с Аляски свой драгоценный организм? Или принципиально торчит там в позе немного укора бесчеловечной политике Академии? Наверняка второе.

— Тревор Нортон.

Часы на запястье проснулись.

— Тревор, ты не мог бы зайти?

Бланш отошла от окна, сняла пиджак, бросила на ручку кресла, вышла в центр комнаты, по очереди сняла туфли и отбросила их на добрый метр от себя, опустилась на колени, потом сцепила руки в замок, положила их перед собой. В дверях появился худой мужчина с невероятной усталостью на молодом лице, как будто ему не слегка за тридцать, а хорошо под восемьдесят, и большую часть жизни он тяжело работал и плохо ел, и тут же остановился прямо на пороге.

— Я не молось, как может показаться, и вполне могу говорить, заходи.

Тревор вошел и встал поодаль, не решаясь приблизиться. Бланш положила голову между запястьями так, чтобы та оказалась под углом девяносто градусов к полу, и медленно перенесла вес на руки.

— Сейчас я буду стоять на голове, — вежливо предупредила она. — Ширшасана. Ты, наверное, в курсе. Разговору это не помешает.

Кажется, Тревор кивнул — ей было не видно его головы, но ноги, которые она видела боковым зрением, немного расслабились. Он сбит с толку, и это замечательно: людей нужно как можно чаще сбивать с толку, а если делать этого некому, то нужно как можно чаще сбивать с толку самого себя, иначе начнешь кататься, как игрушечный поезд, по рельсам уже выстроенных нейронных связей и со временем превратишься в человека, не понимающего элементарных вещей, несмотря на айкью двести. Не очень-то разумно держаться за так называемый толк. Хуже только «здоровый смысл»: если ты проснулся в горящем здании на втором этаже в кровати у окна, правильным выходом будет вылезти в окно, тогда как в любых других ситуациях вылезать в окно ни в коем случае не стоит, но поклонники здравого смысла всегда рассуждают так, будто никаких пожаров не существует.

— Ты не знаешь, где Кэмерон? — Задав вопрос, она оторвала ноги от пола и осторожно выпрямила в воздухе, стараясь, чтобы юбка от костюма осталась на своем месте.

— Знаю, мэм.

— Кажется, я уже просила называть меня Бланш.

— Хорошо, мэм... Бланш. Он в Анкоридже. Точнее, в Палмере.

— Это плохо.

— Я полностью разделяю это мнение, мэм.

— Бланш.

— Прошу прощения.

— Ты не мог бы сесть? Я сейчас закончу думать, а вниз головой думается лучше, и дам тебе специальное поручение.

— Могу я спросить, какого рода специальное поручение?

— Очень специального.

Тревор послушно, но как-то вяло дошел до кресел для посетителей напротив ее стола и сел в одно из них. Нужно отправить парня в отпуск, вот что. Как только разберется со специальным поручением.

— Что с тобой, Тревор? Устал?

— Я так понимаю, что нужно говорить правду, Бланш? Я очень расстроен. Я до последнего надеялся, что дело до этого не дойдет. Все эти люди, которые сейчас там...

Бланш медленно досчитала до ста, согнула ноги в коленях, опустила колени на пол, вернулась в позу, в какой Тревор застал ее, войдя в дверь, потом встала. Не надевая туфли, вернулась к своему креслу и села в него. В этом кресле вид у нее становился еще более невинным — рост в пять футов и два дюйма¹ контрастировал с высоченной спинкой кресла для большого босса, — и это играло на нее. Как будто большой босс взял дочку на работу и она играет в его кабинете. Противоречие с тем, о чем она говорила, создавалось такое, что многие терялись, не в силах поверить, что это происходит всерьез.

¹ 157.5 см

— Тревор, — серьезно сказала она, — я же правильно помню, что ты один из них?

— Из них? — переспросил он, и лицо тоже ничего не выражало, и глаза смотрели вопросительно, хотя Бланш была уверена, что он понимает, о чем идет речь. Профессионал. Конечно, один из них, но работать умеет. Лучшего исполнителя для ее специального поручения не найти.

Она улыбнулась.

— Из борцов со всем плохим за все хорошее. Liberté там, Égalité, Академия, как большинство детей, не оправдала надежд родителей...

— Да, Бланш, я один из них. Полагаю, это не секрет.

— Абсолютно. Я просто хотела услышать это от тебя.

Она уставилась ему в глаза, и он выдержал ее взгляд, не поведя бровью, — так же, как до этого выслушал откровенно ироничное описание своих взглядов. Отличный он парень, хоть и немного наивнее представляет себе устройство мира, чем стоило бы. И человек честный, и профессионал что надо. Бланш наклонилась вперед и сказала тише, для создания театрального эффекта — ее кабинет никто не мог прослушать, даже появись у него такая дикая идея:

— Тогда мое специальное поручение просто создано для тебя. Но оно очень специальное, Тревор. Оно не от директора по безопасности, а от сумасшедшей женщины. Если тебя не смутит такое положение вещей.

Он нахмурился, но с явным интересом. Видимо, в этой части разговора скрывать свои эмоции ему больше было не нужно.

— Как ты понимаешь, я не могу попасть на Аляску. Они знают, как я выгляжу. А ты можешь. Мне нужно, чтобы ты встретился с госпожой Президент и предложил ей... — Она остановилась. — Хочешь продолжить?

— Не уверен, мэм. Бланш.

— Я подумала, что твоей версией будет «выдать Кэмерона», но она не вяжется с Liberté и Égalité и к тому же повлечет неизбежный отказ от дальнейших переговоров.

— Именно так.

— Я хочу, чтобы ты предложил свою помощь в спасении Кэмерона в обмен на то, что мы дадим им время эвакуировать Палмер и другие крупные города. Дадим время подготовиться, чтобы как можно меньше людей пострадали.

Тревор около минуты молча смотрел ей в глаза.

— Не буду скрывать, что я хотел бы именно такого развития событий. Но я не только частное лицо, а работаю на безопасность Академии. Боюсь, такая сделка не в ее интересах, Бланш. «Борец со всем плохим за все хорошее» не обязательно не понимает, что такое профессиональная ответственность.

— Ты очень хотел бы согласиться, но вынужден отказаться? Я верно услышала?

— Так точно... Бланш.

Она на секунду закрыла лицо ладонью. Не очень-то вежливый жест, но сдерживаться не было особенного смысла. Пусть узнает ее получше.

— Последний вопрос, Тревор. Я что, такая же, просто не вижу себя со стороны? Ни слова без двойного дна?

— Я бы даже позволил себе сказать, что мне есть чему поучиться.

— Проклятая профдеформация.

— Именно она, Бланш.

Придется подыграть ему. Она улынулась как можно шире:

— Уровень доверия Академии к тебе только что взлетел на небывалые высоты, Тревор. И я бы по этому поводу хотела пригласить тебя на ланч.

— Сочту за честь.

Она открыла ящик стола, достала оттуда квадратный ностальгический кусок белой бумаги, карандаш и что-то написала.

— Спасибо, что не подвел. До встречи.

В ее любимом египетском ресторане его встретит целая коробка подарков: паспорт на другое имя для полета на Аляску, пароль от телефонного аккаунта, звонок с которого госпожа Президент точно не оставит без ответа, и многое другое. Оставалось надеяться, что отказался он из цеховой осторожности и не будет слишком удивлен. Бланш засмеялась от картинки, на которой Тревор продолжал отказываться, считая, что это проверка и, как только он согласится, его больше никогда не увидят родные (если только они вообще у него есть). Бедный мальчик. Еще один бедный мальчик.

Дубна, Центральная Российская республика, август 12, 2077

— Добрый вечер, папа! — стараюсь звучать как можно более искренне и беззаботно, ответила Яна.

— Давай поболтаем завтра, после собрания? Сегодня у меня кое-какие планы, и еще надо приготовить все документы и одежду для завтрашнего утра.

— Я не буду тут ходить полчаса, дорогая, не волнуйся. Буквально одним глазом посмотрю, как живет мой ребенок.

Яна медленно выпустила воздух из легких, изо всех сил стараясь, чтобы это не прозвучало как вздох.

— Конечно, как скажешь. Только я буду смотреть в шкаф, а не на тебя.

— Могу я спросить, какие у тебя планы?

Как только она нажала кнопку «разрешить» и голографический Ярослав вошел в комнату, сложив руки на груди и приподняв бровь, ей сразу стало неудобно. В квартире и до него было неудобно — Яна прилетела только вчера, наполовину разобранный чемодан стоял на полу, и это была единственная деталь, намекающая на то, что это жилая комната, а не приемный покой больницы: идеальная чистота, светлые стены, красиво, пусто, холодно.

— Даже чемодан не разобран...

Яна сжала правую руку в кулак и что было силы вонзила ногти в ладонь. Только она и ее психотерапевт знают, что ее всегда безупречный маникюр на довольно длинных ногтях существует не из любви к маникюру, а в качестве способа поддерживать относительное перемирие с отцом: она ведет себя, как в его понимании должна вести себя хорошая девочка, не начинает кричать, употреблять плохие слова и биться головой об стену, даже если очень хочется, и за это ей постепенно разрешается все больше. А сейчас случился невероятный прорыв: он вдруг услышал давние просьбы разрешить ей перевестись из главного отделения в Калифорнии в Москву и милостиво разрешил, хоть и сопровождал весь процесс комментариями, что большей странности не видывал свет (он так и говорил: «не видывал свет», словно они находились в русском романе девятнадцатого века). Ведь он годами делал все, чтобы увести ее из «ужасной Москвы» в цивилизацию, а теперь ей с чего-то понадобилось проделать обратный путь.

— Два «н»: недалновидность и неблагодарность! — повторял он, наблюдая за ее последовательными и решительными действиями по переводу. Яна использовала прием с ногтями и отшучивалась.

Честно говоря, насчет двух «н» он прав: это и были недалновидность и неблагодарность. Принимая это решение, она в последнюю очередь беспокоилась о своем будущем в Академии — недалновидность как она есть. Ее волновала только возможность сбежать от него подальше, куда угодно, — и неблагодарность тоже налицо. Вообще она хотела бы сбежать не только на другой континент, но и вовсе из Академии, но это, сколько она ни изучала вопрос, не представлялось возможным. Ярослав — член Совета президента Академии, один из самых важных людей в этом уродливом мире, и служба безопасности найдет ее даже под землей и вернет отцу. Вариант с переводом в подмосковную Дубну был наиболее удачным из реальных. По крайней мере, так она физически отдалялась от места, где ее отец, объединившись с такими же людоедами в красивых костюмах, принимал решения о том, сколько людей можно съесть сейчас, а сколько отложить на потом. На расстоянии проще изображать, что не хочешь закричать «да будьте вы прокляты, сколько можно!» в ответ на его очередной рассказ о непопулярных мерах, на которые «приходится идти скрепя сердце». Во имя светлого будущего человечества. Все тут делается только ради светлого будущего человечества, если она вдруг забыла. Или она хочет как раньше? Когда миром правили идиоты, ни на что не способные, кроме интрижек с актрисами?

Ярослав ходил по комнате, все так же сложив руки на груди. Скорее всего, в этот раз он промолчит: ему не хочется, чтобы она рассердилась или, того хуже, расплакалась перед первой встречей с новой группой, в которой ей предстоит учиться, поэтому горестный монолог «не могу поверить, что ради этого ты покинула родной дом» будет немного отложен. Слово «это» он говорил так, будто она покинула дом не ради перевода, а ради употребления некачественных наркотиков в палаточном городке бездомных, а слова «родной дом» — так, что в них звучала заглавная буква: ради некачественных наркотиков в палаточном городке на дне жизни моя единственная дочь покинула Родной Дом! У человека горе, а вы шутки шутите. И еще отказалась от возможности жить в отдельном доме в Рагмино, прелестном районе, где живет все руководство российского отделения, и гордо поехала в обычный дом для студентов на противоположный берег реки. Яна снова сжала кулак — на этот раз для того, чтобы не засмеяться.

— Кажется, я задал тебе вопрос?

— Да, извини, задумалась. Хочу прогуляться, посмотреть город хоть немного.

Он все равно знал о ее передвижениях все, и лучше было работать на опережение, самой сообщая о своем неправильном поведении.

— Город? — ехидно переспросил он. — Это ты Дубну так назвала? Или планируешь вместо подготовки к важному дню уехать в Москву?

— Дубну, конечно.

— Интересные у тебя представления о городах.

Яна извлекла из шкафа короткое желтое платье в огромную красную розу, лежащее там на случай, если нужно прикинуться сумасшедшей — а с ее отцом такой случай наступал примерно раз в месяц, — и радостно продемонстрировала ему:

— Как думаешь, не очень страшно, если я надена вот это? Завтра обещают тридцать четыре градуса по Цельсию, думаю, в рубашке будет жарко.

Ярослава ожидаемо перекосило, словно стало плохо не только его сознанию, но и самой технологии, благодаря которой он тут находился.

— Если уж тебя в кои-то веки интересует мое мнение, то я думаю, что можно и потерпеть ради первой встречи с российским отделением. Это намного менее престижно, чем главное отделение, откуда ты столь оригинально ушла, но все еще Академия, а не подпольная вечеринка.

— Да, ты прав. Я так и сделаю. Надену белую рубашку и юбку.

— Рад слышать, дорогая.

Яна с ужасом ждала, когда прием «прикинуться сумасшедшей, но внять совету отца и вернуться к норме» перестанет работать — но годы шли, а академик Ярошенко снова и снова радовался, как в первый раз.

— Пожалуй, я пойду. Спасибо, что пригласила на чай. — Он улыбнулся собственной шутке.

— Как только придумают способ пить чай на расстоянии, ты будешь первым, кого я приглашу, обещаю! — Яна послала воздушный поцелуй в его сторону и нажала кнопку «закончить прием». Ярослав исчез из комнаты и появился на экране.

— Ладно, дорогая, не отвлекаю. Собирайся.

Санта-Круз, Калифорния, США, август 12, 2077

Впервые в жизни Тревор преодолел сорок семь миль ради ланча. По воздуху это было значительно быстрее, чем по земле, но все еще выглядело странным. Впрочем, что в этой истории не выглядело странным: внезапный вызов в кабинет в середине сеанса йоги? Приглашение к откровенности от женщины, которая делала все, чтобы избавиться от таких, как он? Неестественно простая и дурацкая проверка, которую он прошел бы даже в первую неделю работы, будучи совсем молодым и намного более доверчивым? Настолько простая и дурацкая проверка, что он этой ночью спал два часа вместо обычных шести-семи, раскладывая по папкам в голове мелкие детали: первая папка называлась «Это проверка, ты был прав», вторая — «Какая, к черту, проверка, кретин, она действительно что-то задумала».

Несмотря на то, что этот Салинас находился не так уж далеко от места, где Тревор провел последние восемь лет, покидая его лишь изредка для командировок, он видел его впервые в жизни. С воздуха Тревор обратил внимание на скопление белых полукруглых крыш теплиц и пары огромных складских комплексов, возле которых шевелились похожие на гусениц большегрузные автомобили. Нужная ему станция — не «Салинас», вопреки ожиданиям, а «Т&А». «Салинас» был следующим по ходу движения. Он открыл страницу станции, чтобы узнать полную версию названия. «Танимура и Энтл». А вот довольный Джордж Танимура, этнический японец, празднует свое столетие в 2014 году. А вот семья с прискорбием сообщает, что в 2016 году Джордж умер. Девяносто лет подряд парень выращивал салат, вот это постоянство. Впрочем, неудивительно, что Тревор ничего не знает об этой компании: он не поклонник листьев салата и ест их машинально, когда приходится, но чаще старается избегать. Немного отойдя от станции, он видит примерно в полумиле большой перекресток, как и говорила Бланш, с единственным рыже-коричневым одноэтажным зданием на нем. Вывеска с такого расстояния не читается, но очень похоже, что больше египетскому ресторану прятаться негде. При приближении вывеска превращается в «24 часа кафе и магазин», и никакого противоречия тут не видно: внешне это типичная забегаловка с сэндвичами у большого шоссе. Но больше ничего хоть отдаленно похожего на перекрестке нет, и Тревор направляется туда.

От жары или предвкушения встречи вместо твердой поверхности под ногами ощущалось что-то мягкое, как подтаявшее мороженое. Вывеска «24 часа кафе и магазин» приближалась, и сэндвичи, завтраки, кофе и что-то еще кричали: какой еще египетский ресторан, ты под наркотиками, наверное, давай лучше навернем яичницы с беконом, как положено, к чертям безопасность Академии! На стеклянной двери была крупная надпись «НА СЕБЯ», и он замешкался на секунду, вспоминая связанное с этим действие. Внутри было подозрительно тихо для середины рабочего дня. Когда он уже открыл рот, чтобы сдаться и попросить у девушки за стойкой яичницу и черный кофе, из-за спины девушки вынырнул невысокий брюнет с усами, но без бороды, и кивнул ему:

— Пойдемте со мной, сэр.

Тревор виновато улыбнулся девушке и послушно пошел. Будущее затягивал густой туман. Глазунья вытирала слезы куском жареного бекона и просила не уходить навсегда, а когда-нибудь к ней вернуться. Мужчина впереди нырнул в узкую дверь с надписью «Только для персонала», и Тревор последовал за ним. В длинном темном коридоре, где они оказались, была приоткрыта только одна дверь. Мельком Тревор увидел сидящего на полу сурового мужчину, тоже без бороды, но с еще более пышными усами, одетого во что-то длинное и сине-зеленое, но замедляться, чтобы рассмотреть его, было нельзя. Коридор кончился еще одной дверью. Когда провожающий открыл ее, при дневном свете на ней обнаружилась еще одна надпись «Только для персонала». Тревор остановился, разглядывая открывшуюся картину. Дверь вела в другой мир: пыльный перекресток куда-то исчез, и он оказался в большом дворе, заросшем зеленью. Вдоль дома шел навес, и под ним на приличном расстоянии друг от друга прятались в зелени столики. В центре двора был небольшой фонтан, изображающий пару рыб, одна из которых вылетала из воды, другая, наоборот, запрыгивала обратно в воду. Этот фонтан единственный хорошо просматривался от всех столов. Кроме шелеста воды, не слышно было ничего. Пахло чем-то знакомым и горьким, но запах был скорее приятным.

Мужчина с усами выжидающе посмотрел на него.

— Прошу прощения, — зачем-то сказал Тревор и продолжил идти.

В самом дальнем, темном и тихом углу, за столиком, почти полностью закрытым ширмой из какого-то вьющегося растения, сидела Бланш. Мужчина с усами кивнул ей с каким-то почти поклоном и ушел, не сказав Тревору больше ни слова.

— Привет, Тревор. — Бланш махнула рукой с зажатым в ней проводом, который другим концом крепился к стеклянной колбе, стоящей на земле возле столика. — Это шиша. Ну, хука.

Он молчал, и она засмеялась:

— Хорошо: кальян. Хочешь покурить?

— Добрый день, Бланш, — сказал он и сел напротив, не сводя глаз с трубки. — Пожалуй, нет, спасибо.

— Не смею настаивать.

— Ты ведь говоришь по-арабски? — зачем-то спросил он.

— Конечно. Обязательно возьми кунафу на десерт. — Бланш выпустила изо рта струйку дыма и откинулась на стуле.

— Не знал, что ты куришь.

— Я и не курю. Так, иногда балуюсь в качестве отдыха. Вид у тебя еще грустнее, чем был вчера.

— Мало спал.

— Кажется, я знаю почему. — Бланш улынулась, и от вида ее улыбки ему стало физически не по себе, как обычно бывало при попытке выглянуть из окна на большой высоте. — Вот мы и перешли к делу.

Он кивнул.

— После моего ухода ты посидишь здесь еще четверть часа, тебе сделают кофе, кофе тут божественный, хоть и непривычный. Когда его принесут, спроси, есть ли в кофе шафран. После этого тебе принесут подарок от меня. Откроешь здесь, внимательно посмотришь. Здесь безопасно. Насколько это вообще возможно, конечно.

— «Безопасности не существует»?

— Ты-то понимаешь. — Она улынулась.

— Бланш, я думаю, что проверка затянулась. Я не собираюсь...

— Конечно, ты собираешься. И конечно, если бы мои умственные способности разрешали мне устраивать проверки такого вот уровня, в моем любимом кресле давно сидел бы кто-нибудь другой.

— С этим трудно поспорить.

— Тогда о чем речь? У тебя максимум две недели на то, чтобы договориться, а потом у нее две недели на то, чтобы все устроить. Итого месяц. Лучше меньше.

Тревор вытащил бумажную салфетку из деревянной подставки и приложил ко лбу.

— Она может не согласиться?

— Как ты себе это представляешь? Скажет «мне не нужен Кэмерон и остальные тоже не очень» и засмеется дьявольским смехом?

— Она может согласиться, а потом придать это огласке?

— Теоретически может, но зачем бы ей это делать? Если кто-нибудь узнает, что она о чем-то договаривалась с Академией, ей же хуже. Нас там у нее не очень любят, как ты знаешь.

— Ей же хуже — но и нам тоже хуже.

— Кому — нам? Академии? Всегда можно выставить это как частную инициативу. Мне? На этот случай у меня есть план, но если он не сработает — что ж. Тебе? На этот случай у меня тоже есть план: так как человек, который должен будет с тобой разобраться, это я, то мы что-нибудь придумаем. Например, сделаем вид, что разобрались, а ты поедешь жить на ту же Аляску. Или в Панаму, если любишь потеплее. Впрочем, по твоему виду этого не скажешь. А если и этот план не сработает...

— В этом случае я тоже готов сказать «что ж». Если все пойдет по плану и никто не пострадает, кроме денег, вложенных в исследовательскую инфраструктуру, я буду готов к любому развитию событий. Я просто...

— Просто хочешь рисковать ради дела, а не ради забав женщины, которая проводит собрания, стоя на голове. Это нормально.

Тревор с облегчением кивнул.

— Третий и последний вопрос: что-то может пойти не так на нашей стороне?

— Я не смогу убедить их бомбить только то, что ты ей пообещаешь?

— Именно.

— Теоретически может. Практически — вероятность стремится к нулю.

— Но исключать нельзя?

— Нет.

— То есть мне остается только верить в лучшее.

Она подалась вперед, прижавшись грудью к столу.

— У тебя сейчас есть способ за три дня поменять директора по безопасности. Мне тоже остается только верить в лучшее. И я, как видишь, этим и занимаюсь.

Он тоже подался вперед — и впервые в жизни оказался так близко к ней. На таком расстоянии она казалась старше, чем обычный демон в теле маленькой девочки, какой ее привыкли видеть подчиненные, но и намного более похожей на человека.

— Я вижу, — подумал он вслух, — но не могу понять почему.

Она откинулась на спинку стула и засмеялась.

— А это уже четвертый вопрос. Хотя, знаешь, я отвечу. Сегодня хороший день для акции «Четыре по цене трех», не правда ли?

Тревор кивнул.

— Многие поменяли бы директора по безопасности на твоём месте. Возможно, заняли бы это место сами. В оптимистичном варианте — ценой нескольких сотен, а возможно, тысяч человеческих жизней. По-своему они были бы совершенно правы, решив, что оно того стоит. Но есть одна маленькая деталь. Они — не ты. Ты не будешь столько платить. Будем считать, что ты не настолько щедрый.

— Абсолютно. А если я решу поменять директора по безопасности после того, как они окажутся в безопасности?

Бланш улыбнулась искренней, сияющей и даже — ему тяжело было подумать это слово про нее, но выхода не оставалось — потрясающе красивой улыбкой.

— Во-первых, я знаю, ты знаешь, и я знаю, что ты знаешь: никто никогда не окажется в безопасности, пока жив. В полной безопасности можно оказаться только в гробу. А это, как я понимаю, не совсем то, за что ты борешься. Поэтому менять директора по безопасности всегда будет немного рано. А во-вторых, ты или увидишь вместо меня стандартный кусок дерьма модели «Сейчас мы всех расстреляем, а потом разберемся», или сядешь в кресло сам. А в кресле на одно приятное решение приходится девяносто девять неприятных, а ты их не хочешь. А я зло, враг, мне можно, правда ведь? Сейчас я злой полицейский, а ты добрый, которому просто не хватает власти в участке. Но что будет, когда тебе придется играть за обоих?

Дубна, Центральная Российская республика, август 13, 2077

Собраться оказалось не так легко: все вещи не на своих местах; рубашка из немнущейся ткани каким-то странным образом сумела помяться; на то, чтобы понять, где отпариватель, ушло больше десяти минут; с трудом найденный отпариватель облил ее водой, потому что управлялся не так, как она привыкла. Каждая уходящая минута сборов пищала, что в этом случае Ярослав оказался прав: стоило никуда не ходить вчера, а нормально подготовиться к сегодня. На улице дикая жара, она одета не по погоде, все невероятно бесит, к тому же Ярослав оказался прав, а она дурочка, — прекрасное, прекрасное утро. Еще и собрание группы в пятницу, чтобы потом разойтись на два дня и только в понедельник приступить к учебе. В детстве она слышала, что, если на пятницу выпадает тринадцатое число, день будет неудачным, и недоумевала, кому могла прийти в голову такая глупость, а сейчас вдруг все с самого утра пошло наперекосяк. И вход нашелся не сразу — что могло заставить обнести территорию отделения забором, если в город в принципе не попасть без пропуска? Что тут происходит такое, может, Ярослав и в этом прав и некачественные наркотики уже машут ей рукой из палатки бездомных?

Она почти вбежала в ворота, боясь опоздать, и почти сразу перешла на нормальный шаг: никто, кроме нее, никуда не торопился. Кажется, странной была сама идея — торопиться. И никто не был одет в белую рубашку — Ярослав бы поднял обе брови сразу, увидев открывшуюся картину. Майки, футболки, мини-юбки, летние платья и даже шорты. Шорты! Как будто это не собрание группы, а пикник, на котором надо показать свой загар, полученный на самых дорогих курортах планеты, а больше ничего не нужно. Яна медленно шла по тропинке к корпусу, в котором должно было быть ее собрание, стараясь коситься на стрелку направления в часах как можно менее откровенно.

— Привет! — громко сказали ей из-за плеча. За спиной стояла девушка в платье такого розового цвета, что глазам стало больно. — Ты ведь Яна Ярошенко?

Яна кивнула.

— Не думаешь же ты, что я удержалась и не посмотрела, как ты выглядишь? — радостно спросила собеседница и засмеялась. — Меня зовут Катя. Я твоя староста. В смысле, не лично твоя, а группы, где ты будешь учиться. Пойдем со мной.

Мысль о том, что кто-то заранее изучил ее фотографии, которых, благодаря параноике Ярослава, в открытом доступе почти не было, убила ее окончательно. Яна даже не спросила, куда они идут, и просто держалась за розовым пятном.

— Отлично выглядишь, — сказала Катя. — Даже лучше, чем на фото. Но еще бы дочка советника выглядела плохо, правда?

Вместо ответа у нее во рту катался звук «ээээ», и больше ничего не находилось, поэтому Яна открыла было рот, но сразу закрыла и молча продолжала движение.

— Я очень рада, что у нас теперь будет такая необычная одногруппница. Скажи мне, если не секрет: почему ты решила к нам перевестись?

— Я не знаю...

— Ты не знаешь?! — Катя звонко рассмеялась.

— Я не знаю, как ответить в двух словах.

— Можешь отвечать не в двух. — Катя вдруг перестала убегать, остановилась и изучила Яну пристальным взглядом. — Я вдруг подумала, что сейчас не самый удобный момент. Давай как-нибудь сходим на кофе и поболтаем?

— Конечно, — с облегчением согласилась Яна. Не разговаривать с Катей больше никогда явно не выйдет, но получить отсрочку, чтобы собраться с мыслями, уже неплохо.

Чтобы перевести разговор с себя куда угодно еще, она торопливо кивнула в сторону невеселого мужчины, который сидел на скамейке немного в стороне от компании и читал бумажную книгу. У бумажных книг не бывает модного пластикового корпуса, и именно поэтому большинство студентов Академии относятся к ним с презрением. Мода — странная штука. Когда вещей из нефти производилось столько, что их выбрасывали в мусорный бак, как только они надоедали, в моде были натуральные материалы. Но как только достать такую вещь стало проблемой, резиновые пляжные тапочки вдруг начали стоить тысячу долларов, а модницы обулись в сапоги из искусственной кожи. То же самое с книжками: бумажная книга не может подчеркнуть, насколько удалась жизнь ее обладателя, а он читает как ни в чем не бывало. Яна тоже любила читать бумажные книги, поэтому сразу обратила на него внимание. Помимо книги, их объединяло и кое-что другое: на нем были рубашка, застегнутая на все пуговицы, галстук, темные брюки и закрытые ботинки. Как будто на улице не тридцать четыре градуса по Цельсию. Раз уж ты одета вопреки здравому смыслу, погоде и принятому тут стилю, приятно видеть, что ты хотя бы не единственная.

— Вижу еще одного человека, который привык к градусам в Фаренгейтах! — Яна незаметно указала в его сторону.

— Где? — Катя перехватила ее взгляд. — А! Ха-ха-ха, нет. Он просто игнорирует внешний мир, привыкай. Это наш одногруппник, могу вас друг другу представить. Хотя и не уверена, что это будет приятное знакомство.

Рука старосты, с такими же нервирующе-розовыми ногтями, как и платье, взяла ее липкую от жары и растерянности ладонь, как будто они знали друг друга с первого класса, и потащила в направлении скамейки.

— Но он всегда такой, предупреждаю, — продолжала она на ходу. — Мы тут давно уже смирились с мыслью, что это просто нестандартный предмет интерьера. — Она снова засмеялась.

— Слушай, может, как-нибудь потом? Не хочется ему мешать.

— Если ты думаешь, что будет более подходящий момент, чтобы с ним пообщаться, то забудь. В его случае неподходящий момент всегда.

При мысли, что до объекта обсуждения остался десяток метров и ему наверняка слышно все, о чем они говорят, Яне захотелось провалиться сквозь землю. Но было поздно. Развернуться и убежать прямо сейчас значило поступить еще более невоспитанно, чем она уже сделала. Они остановились прямо перед скамейкой, закрыв собой солнце, но странный человек поднял голову, только когда Катя громко сказала у него над ухом:

— Привет, Игорь! Как отдохнул? Скучал по нам?

Он поднял на Катю холодные глаза. Яна впервые хорошо его рассмотрела: у него симметричное и правильное, но очень резкое лицо без читаемого выражения; он очень худой, почти нездорово худой, и какой-то неподвижно-прохладный, как свежий мертвец в гробу на похоронах. Она даже перестала так остро ощущать жару.

— Привет. Хорошо, спасибо. — Голос у него был таким же металлическим, как взгляд.

— Значит, не скучал. Ну вот, всегда так! — Катя наигранно всплеснула руками. — Я пришла познакомить тебя с нашей новенькой. Это Яна.

— Очень приятно, — сказал Игорь, по-прежнему глядя на Катю безо всякого выражения. В первый раз — и, хотелось надеяться, в последний — кто-то познакомился с ней, даже не посмотрев в ее сторону.

— Она, между прочим, дочка Ярослава Ярошенко, а не «очень приятно»! Я думаю, ты знаешь, кто это? И перевелась к нам из Штатов.

Катя совершенно не собиралась сдаваться. Яна уже открыла рот, чтобы остановить эту прекрасную характеристику, извиниться, убежать подальше и проснуться с бешено бьющимся сердцем, потому что другого объяснения этому разговору быть не могло: она нервничала из-за перевода и сейчас видит страшный сон о том, что нервничала не зря. Но тут Игорь наконец посмотрел на нее, и на его лице появилась первая за весь разговор эмоция. Это было сдержанное сочувствие. У Кати что-то зажужжало под платьем — видимо, в ослепительно-розовом пятне Яне не удалось рассмотреть карман, — и она извинилась и так же стремительно исчезла из поля зрения, как до этого появилась в нем, пообещав, правда, вернуться. Повисла неловкая пауза. Яна мучительно думала, что сказать перед бегством.

— Извините. Я... я не планировала вас отвлекать, просто неудачно пошутила, сказав, что вижу еще одного человека, привыкшего к градусам в Фаренгейтах, — наконец прошелестела она. — И, кажется, только что сделала это еще раз...

— Вполне удачно. Но в любом случае я не планирую наказывать вас за шутки новыми знакомствами.

— Это очень любезно с вашей стороны.

Собственный коммуникативный провал лишил ее последних моральных сил. Ей вдруг стало наплевать, мешает ли ему ее присутствие, и она спросила:

— Вы не будете против, если я сяду?

— Не буду, и можете говорить мне «ты». — Он пробежался глазами по странице, на которой была открыта книга, словно советуясь с ней, и продолжил: — Но считаю своим долгом сообщить, что чем дольше вы тут сидите, тем хуже для вас.

Яна тяжело опустилась на скамейку на вежливом расстоянии от него.

— Могу ли я спросить, почему? — Она потрогала лоб рукой, как будто проверяя, что он еще на месте.

Он снова немного поизучал книгу.

— У вас неплохие шансы стать самым популярным человеком во всем отделении, а я могу нечаянно этому помешать.

— Мы же договорились быть на ты?

— Это я с вами договорился. А вы со мной нет.

— Тогда я хотела бы договориться сейчас.

Реальность перед глазами приобрела приятную плавность: то ли приближался тепловой удар, то ли дикость происходящего попыталась чуть прикрыться занавеской из легкого тумана, чтобы не так удивлять.

— Хорошо.

— Спасибо.

— Не за что. Не хотелось бы, чтобы вы... ты столкнулась с тем же.

— С чем — тем же? Если это удобный вопрос, конечно.

Впервые за все время Игорь улыбнулся — но это была не улыбка, а усмешка, совсем не веселая. Она поднимала левый угол рта, в то время как правый едва двигался, и становилось не по себе, вместо желания улыбнуться в ответ.

— Лучшие из лучших были так рады меня видеть и так дружелюбно это демонстрировали, что я не выдержал и чуть не умер от радости. Восемь месяцев реабилитации, чтобы научиться снова сюда ходить. Если у кого-то есть шанс стать здесь своим, стоит им воспользоваться.

— Не могу сказать, что все поняла, но звучит не очень.

— Было действительно не очень. — Левый угол рта поднялся чуть выше. Складка, образовавшаяся между ртом и крылом носа, была как будто глубже, чем должна быть у благополучного парня примерно ее возраста. Он или ошутимо старше, или резко похудел недавно, или и то, и другое.

— Я бы хотела как-то выразить сочувствие, но не понимаю, как это сделать, — честно сказала Яна.

— Спасибо. — Он быстро посмотрел на нее; угол рта вернулся на нормальную высоту. — Само намерение дорогого стоит.

Яна кивнула на книгу в его руке:

— Я тоже читаю такие книги.

— Я почему-то так и подумал. Но не уверен, что здесь лучшее место для демонстрации этой привычки. Мне почему-то хочется, чтобы у вас все было хорошо.

— У тебя. Мы ведь оба друг с другом договорились?

Игорь с сомнением и как будто даже тревогой посмотрел на нее, а потом во второй раз улыбнулся половиной рта.

— А, да, конечно. Прошу прощения.

— Спасибо за пожелание, но это вряд ли. Как тебе уже сказали, я дочка академика Ярошенко.

Игорь снова быстро посмотрел на нее, словно что-то проверяя, вытащил из нагрудного кармана рубашки что-то блестящее, открыл форзац книги и что-то написал на нем металлическим предметом, который оказался очень тонким карандашом.

— Можно посмотреть, что ты читаешь? — спросила Яна, и он кивнул и передал ей книгу.

На развороте была надпись очень ровным разборчивым почерком: «Если я правильно понял направление мысли, то здесь не самое безопасное место, чтобы ее обсуждать». Яна для приличия еще повертела книгу в руках — это была история Древнего Междуречья, не самый стандартный выбор для будущего физика.

— Очень любопытно, — искренне сказала она.

Издаലെка надвигалось грозное розовое облако. Игорь вернулся к чтению — то ли устав от разговора, то ли заметив приближение Кати, а может, все сразу. Несколько минут стояла блаженная тишина, которую нарушали только отдельные фразы из общего гула голосов, что-то, кажется, о том, где лучше заниматься дайвингом в середине лета, а потом Катя подошла вплотную и сказала:

— Я смотрю, вы нашли общий язык. Он состоит в том, чтобы ничего не говорить! — И она засмеялась собственной шутке. — Яне нужно пойти со мной и подписать разные скучные документы, а потом мы все увидимся в четвертом корпусе.

Яна молча поднялась и пошла за Катей, как уже делала сегодня, не попрощавшись с Игорем и не оглянувшись.

Из облачного дневника Джаспера Кэмерона, запись только для автора, август 13, 2077, Палмер, республика Аляска

С утра рылся в старом барахле на облаке (зачем? не зачем, а почему — дурак потому что; давно же знаю, что первый и, скорее всего, единственный закон Кэмерона гласит: если можно избежать какого-то действия, теоретически способного повлечь неприятные последствия, его следует избежать) и нашел одну запись тринадцатилетней давности.

Я, похоже, только снаружи бородатый мужик, а в душе принцесса. Во-первых, сижу и плачу, естественно, соленой жидкостью из глаз. Во-вторых, у меня есть самый счастливый день в жизни. Я могу его назвать. Вот спросят у меня (представим, что какому-то придурку придет в голову меня о чем-то спрашивать): Джаспер, был ли в твоей жизни самый счастливый день? А я даже не задумаюсь.

Это было в сентябре шестьдесят третьего. В мае я вместо каникул стал работать — меня приняли в члены Академии, обучение закончилось досрочно. Я на несколько лет опередил даже собственную персональную программу, не говоря уже о стандартном плане. На исследования, которые были мне нужны, собирались выделять очень серьезные деньги — Академия поверила, что мои идеи могут оказаться правдой. Однорупники стояли на ушах от этой новости, учитель был счастлив, я стал звездой за несколько часов. Я не просто стал звездой, на это как раз плевать, — я стал звездой, занимаясь тем, что любил больше жизни. А если перестать кокетничать, как положено принцессе, то тем, что и есть жизнь: биологи отдыхают, потому что биология изучает отдаленные следствия, а я хотел знать причины. «Гениальный двадцатичетырехлетний физик из Калифорнии стал самым молодым членом МАН». Ну и запись из тех времен, собственно. Пишет Джаспер, который уверен, что лучшее впереди, молодой, счастливый и желающий выпендриваться в любую свободную от науки минуту, а читает спустя тринадцать лет другой Джаспер. Он уже знает, что все хорошее кончилось тогда. Вообще считать человека одним и тем же всю жизнь — абсолютная условность. Есть негласная договоренность, что я — это я, поддерживаемая и мной самим, и окружающими. Прошло почти четырнадцать лет, и уже давно ничего общего между тем Джаспером и этим, кроме примет, по которым опознают в морге.

3 сентября 2063 года, запись только для друзей, Санта-Круз, Калифорния, США:

Вот вы думаете, что я очень умный, а на самом деле нет. Меня позвали в экзаменационную комиссию, я проснулся с утра, нарядился, как на свадьбу (на похороны тоже наряжаешься, но иногда не сам), сел рядом с уважаемыми людьми старше меня в среднем вдвое. В первых пришедших на экзамен не было ничего особенного, а потом вышел мальчик («мальчик» младше

меня года на четыре максимум, что не меняет сути) и начал свою речь со слов «Предположим, что есть некое гипотетическое поле». Раздался общий нервный смешок, вы понимаете почему, но дальше мальчик начал рассказывать довольно разумные вещи, по крайней мере для двадцатилетнего студента (сказал двадцатичетырехлетний академик, ХА-ХА-ХА). Все успокоились и стали слушать. Кроме меня. Я вспомнил твою песню, Эдди, которую ты пел позапрошлым летом и достал всех до того, что тебя бросили в фонтан. Кстати, только попробуй сделать вид, что не помнишь этого случая. Я брошу еще раз, чтобы точно не забыл. «Давайте победим дефицит продовольствия, ведь мы можем выращивать гипотетическую кукурузу на гипотетических полях, гипотетически эта идея спасет планету». В общем, мне нужно было внимательно послушать парня, а потом мотивированно ответить ему, почему все его крайне интересные мысли на самом деле полная хрень (про «крайне интересные» сообщать обязательно даже в том случае, если совсем хрень, а то можно Демотивировать Будущего Великого Ученого). Но вместо того, чтобы слушать, я пытался незаметно прикусить себе язык и от боли перестать истерически смеяться. Гипотетическая кукуруза, мою задницу! Ребята, на самом деле так нельзя. Мне очень стыдно. Меня туда не для того позвали. И платят не за то, чтобы я ржал над гипотетической кукурузой... Я не должен вести себя как идиот, но иногда это выше моих сил. Зачем я опять о ней вспомнил! Сейчас начнется! Не могу больше смеяться — и остановиться тоже не могу. Прощайте. Если я умру от смеха, в моей смерти следует винить Эдварда Хоупа, больше известного как Лесоруб, потому что им он и является на самом деле, а никаким не студентом Академии, как иногда можно ошибочно решить, глядя на его серьезную вывеску.

Глава вторая

Дубна, Центральная Российская республика, август 13, 2077

Яна открыла дверь с третьей или четвертой попытки — непривычный замок, с которым она при первой встрече справилась за пару секунд, воспользовался ее усталостью и взял реванш. Она вошла в квартиру, бросила сумку и ключи куда-то на пол, не глядя, и пошла ставить чайник. Сил на то, чтобы пообщаться с чайником голосом прямо из прихожей, у нее не было. Ее давно занимал вот какой факт: прогресс движется в сторону экстравертов, которым только дай возможность с кем-нибудь или чем-нибудь поговорить, совершенно не учитывая интересы людей вроде нее, которым не только не нужна стиральная машина, способная рассказать о своих проблемах, а хочется в любой ситуации молча нажимать кнопки. Снова звонил отец, но она разрешила себе пропустить его звонок. Перезвонит позже, после прохладного душа, о котором так мечтала все утро.

В ванной царил хирургическая чистота. Смешной круглый робот-уборщик, ползающий по полу и стенам квартиры, знал свое дело. Она повесила полотенце на крючок, повернулась к душевой кабинке и вдруг увидела себя в зеркале во всю стену, про которое все время забывала. Это зеркало ужасно понравилось ей с первого взгляда на квартиру, а потом начало раздражать. Фотоаппарату или видеокамере она обычно попадалась, когда была чем-то увлечена, и это придавало ее лицу законченность и даже красоту. А в зеркало она смотрела без всяких эмоций, и лицо становилось похожим на картину профессионального художника, рисующего без вдохновения: все правильно и на своем месте, но не хватает чего-то очень важного.

Яна заставила себя раздеться, не глядя в зеркало, встала под душ, пару минут постояла под теплой водой, постепенно меняя ее на все более прохладную. С водой она дружила, и это были приятные минуты. Из комнаты раздался звук вызова. Она обреченно отметила, что терпения отца не хватило даже на час, выбралась из душа и пошла в прихожую, вытираясь прямо на ходу и оставляя мокрые следы на полу. Но вызов был не от Ярослава, а от абонента с логином «Катя-Катерина». Это звонила староста группы. Других Кать, которые могли бы так самопрезентовать, среди ее знакомых не было. Хорошо все-таки, что телефонные номера остались в истории и сейчас можно самому выбрать себе имя, регистрируясь в телефонном приложении, чтобы все сразу видели, кто им звонит. Для случаев, когда нужно остаться неизвестным, можно достать простенький аппарат с номером, хотя у нее никогда и не возникало такой потребности. А в обычной жизни всегда и для всех оставаться абонентом «Яна Ярошенко» было очень удобно.

Катя хотела напомнить про встречу группы сегодня вечером. Ее назначили в «Парке», одном из самых дорогих клубов в городе. Яна спросила, что лучше надеть, на что Катя в своей обычной манере порекомендовала ей расслабиться и надеть что угодно, потому что с фамилией Ярошенко в «Парк» пустят даже в костюме дорожного рабочего. Яна было решила попросить не напоминать ей о фамилии несколько раз в день, но Катя отключилась прежде, чем она открыла рот.

«Парк» оригинально находился в парке Авиастроителей, и одно это почему-то раздражало ее заранее. Может, наплевать и вслед за Игорем превратиться для одноклассников в предмет интерьера? Близких друзей у нее не было и раньше — все или боялись Ярослава, или слишком восторгались им, и разговаривать, не ощущая его тени, заслоняющей солнце, все равно было невозможно.

Кстати, Ярослав. Надо позвонить ему раньше, чем он сделает из ее молчания какой-нибудь глобальный вывод: например, что ее похитили и нужно срочно бросать все силы отделения на поиски. Яна развернула экран и обнаружила подмигивающее предложение принять обновление от Академии. Обновление автоматически добавляло в список контактов всех тех, к кому у студента могли возникнуть вопросы — одноклассников, преподавателей, врачей, сотрудников администрации. Думая, во что же все-таки одеться для похода в клуб, Яна приняла его и начала механически листать список имен. Дойдя до Игоря Алексева в категории «группа», она остановилась. Если она все правильно запомнила, Игорь в их группе только один.

Редко, очень редко, но ему все-таки случалось жалеть о своем решении учиться в Академии. Потом он называл себя зажавшимся неблагодарным идиотом, но в эти моменты ему больше всего на свете хотелось вернуться в прошлое и порвать договор на мелкие кусочки. Приходил бы сейчас с работы, уставший до потери сознания, быстро съедал первое, что оказывалось в холодильнике, падал в кровать и засыпал сном покойника. А если бы силы каким-то чудом оставались на то, чтобы немного подумать перед сном, находилось бы много прекрасных тем для размышления. На какие деньги завтра купить еды и сигарет, у кого занять до зарплаты, если выяснится, что не на что, и почему его начальник такой урод. А теперь он сидит в прекрасной новой квартире, одетый в дорогие вещи, и в голову ему настойчиво лезет какая-то тошнотворная муть. И сил вроде бы много, потому что не на сидение же на собрании им тратиться, но хочется одного — включить кондиционер так, чтобы в комнате стало холодно, лечь в постель, завернуться в одеяло с ног до головы и высунуть только нос. И никогда больше не видеть никого из этой группы, отделения и города. А лучше всего вообще никогда не видеть людей. Только, к сожалению, одеяла для этого недостаточно. Все равно пройдет время и какая-нибудь сволочь начнет писать, потом звонить, потом приходить и задавать вопросы. Так что лучше не заворачиваться в одеяло, а выпрыгнуть из окна.

Он тряхнул головой, дойдя до этого места в размышлениях, как будто дурацкая мысль от тряски могла вылиться из уха, как вода после ныряния. Надо заставить себя встать, принять душ, что-нибудь съесть, выпить и уснуть. Хотя времени еще совсем мало, если выпить и уснуть сейчас, можно проснуться в середине ночи. А значит, придется либо выпить еще, и тогда полная задница, угрожающая общением с добрым доктором, либо не выпить еще, и тогда просто полная задница до самого утра. Он с усилием встал, решив, что нужно начать с пункта «принять душ», а там потихоньку станет видно, стянул с себя галстук и вдруг услышал неожиданный звук. Он пошел в сторону, откуда тот донесся, в надежде, что ему послышалось.

Это был сигнал о сообщении, пришедшем от живого человека, а не автоматической системы уведомлений. Игорь так редко слышал его, что успевал забыть, как он звучит. Должно быть, это какой-нибудь новый врач, который в порыве трудолюбия знакомится с обладателями всех необычных историй болезни. Или громкая дама из администрации, которая обнаружила, что на сто двадцатой странице жизненно важного документа не хватает его подписи. Игорь подошел ближе, увидел имя на экране и уставился на него так, как будто перед ним на стол приземлилась маленькая летающая тарелка и ждет, пока он найдет в себе силы для попытки контакта с инопланетной цивилизацией. Яна Ярошенко. Что за черт? Зачем он ей понадобился? Что ей ответить? Как отвечать врачам и дамам из администрации, он уже немного освоил. Но как ответить вот этому человеку? У него даже не поворачивался язык — то есть правильнее было бы

сказать: не поворачивался мозг — назвать ее по имени. Игорь перечитал еще раз. Нет, не показалось, это она. Он торопливо постучал указательным пальцем по кнопке «показать как текст», но она почему-то не нажималась. Ткнув несколько раз подряд, он понял, что перед ним уже был текст — Яна заранее поменяла формат. А возможно, даже набрала текст руками — от человека с бумажными книгами можно ожидать всего. Он открыл сообщение, чувствуя благодарность, какой давно не испытывал.

«Привет еще раз. Катя просила передать тебе значок, но ты к тому времени уже ушел. Ты не собираешься в «Парк» вечером? Я бы хотела тебе его принести». Он начал набирать ответ, стер, снова набрал. «Привет! Нет, не собираюсь. Но могу встретить тебя по дороге и забрать, если это удобно». — «Вполне удобно, спасибо! Тогда около десяти. Я сброшу точку».

Из облачного дневника Джаспера Кэмерона, открытая запись, август 13, 2077, Палмер, республика Аляска

Все, собственно, идет по плану: нас собираются стереть с лица планеты, чтобы не мешались. Никаким оружием здесь, естественно, никто не занимается, обо всех исследованиях предлагалось рассказать с картинками, экскурсиями на объекты и подробными объяснениями для тупых. Предлагалось многократно и публично, чтобы нельзя было сделать вид, что они таких предложений не получали и «абонент временно недоступен, пожалуйста, оставьте сообщение». Итог: никто ничего не посмотрел, зато стали выходить сюжеты про то, как Аляска угрожает мирной жизни на Земле, сегодня заседание Совета, где они примут решение о каком-нибудь «последнем предупреждении» и требовании отказаться от разработки оружия, а то и сразу решат бомбить, без всяких последних предупреждений. Так как отказываться не от чего, там уже рукой подать до войны. Прощайте, дорогие читатели. Все три с половиной человека, еще не убежавшие за последние годы из моего уютного вестника отчаяния и разложения.

Вопросов нет. Да и не было. С самого дня смерти Мэннинга у меня больше нет никаких вопросов. Если бы им была нужна наука, они не убивали бы людей, способных перевернуть базовые знания о мире, только из-за того, что эти люди активно не заинтересованы в получении сверхдоходов и сохранении существующего положения вещей любой ценой. Им не нужны люди вроде моего покойного учителя. Такие люди им только мешают. Им нужны бабки. И чтобы голодающие жители города, деревни, племени и т. д. под руководством еще не голодающих, но уже не лоснящихся правительств продолжали эти бабки давать, нужно заливать им в уши побольше компота из слов «развитие цивилизации», «будущее планеты», «фундаментальные знания» и «преодоление кризиса материалов». Все. А свою гениальную революционную теорию ты, Кэмерон, можешь засунуть себе в одно из естественных отверстий на теле человека. В любое, вот хоть в ухо. На теле человека много годных отверстий. А потом еще сказать спасибо, что у тебя всего лишь теория в ухе — могли бы и убить.

Впрочем, последний пункт изменится очень скоро — я не собираюсь бежать и буду сидеть на Аляске, даже когда в нее полетят ракеты. Так вышло, что меня интересует наука, я приехал сюда заниматься ею, когда родная Академия перешла от косвенного людоедства к прямому поеданию человеческих органов на завтрак, обед и ужин, я не сделал ничего плохого и не собираюсь ни от кого бегать. На костре сжигали за открытия, и у некоторых, вечная им слава, хватало сил не отказываться от своих знаний из страха. Надеюсь, хватит и у меня. Я себя наручниками тут пристегну, если буду бояться, но не позволю себе сбежать. В конце концов, здесь погибну не только я, которому было надо сильнее всех, но и тысячи людей, не виноватых вообще ни в чем. Как мне кажется, это достаточный повод, чтобы сдохнуть тоже. На флаге Аляски звезды. Я всю жизнь любил звезды. И даже с некоторым удовольствием и гордостью умру под этим флагом.

Но как же я их ненавижу. Ненавижу их. Ненавижу. Никогда раньше не испытывал чувств такой силы — ни любви, ни радости, ни озарения, ничего. Радует, любит и думает обычно кто-то, а ненависть может существовать отдельно от человека. Джаспера Кэмерона больше нет, вместо него живет ненависть.

Дубна, Центральная Российская республика, август 13, 2077

Игорь жил минутах в двадцати ходьбы, в относительно новом районе, где раньше заканчивались жилые дома и начинались гаражи, а потом дачи — два явления, не до конца укладываемые у нее в голове. Судя по торцевым стенам и высоте деревьев в зонах отдыха на крышах, местной застройке было максимум лет десять. Игорь или недавно переехал, или присоединился к Академии, будучи уже вполне взрослым, а не в раннем детстве, как она и большинство ее знакомых. Когда она приблизилась к месту встречи, Игорь уже ждал ее во внутреннем дворе дома на скамейке, стоящей на удалении от остальных. Он был одет не так строго, как днем, но все еще чудовищно не по погоде: в темные джинсы, кеды и плотную футболку с длинными рукавами и воротником-стойкой. Открытыми остались только ладони и лицо, как будто сейчас не вечер жаркого дня. Яна подошла к нему и встала напротив — точь-в-точь как утром, когда она увидела его в первый раз. Только сейчас, к счастью, рядом не было Каги. Он поднял голову и посмотрел на нее с ужасом, словно перед ним была не одноклассница, а маньяк, планирующий через секунду привязать его к скамейке и начать отрезать куски тупым ножом. Несколько секунд Яна внимательно его изучала, а потом вместо заготовленного «привет, спасибо, что согласился прийти» спросила с неподдельной тревогой в голосе:

— Ты плохо себя чувствуешь?

Игорь продолжал молча смотреть на нее. Она заметила, как у него на лбу под линией роста волос собирается несколько крошечных капель пота. Может быть, ему просто жарко из-за теплой одежды, а может быть, правда плохо и на глазах становится хуже.

— Игорь?

Он перевел взгляд вниз и покачал головой.

— Все нормально. — Сдавленный голос говорил, что совсем наоборот.

— Ты уверен?

Игорь снова посмотрел на нее. У него был вид человека, который очень хочет уйти прямо сейчас, но почему-то не может сказать об этом, и она уже приготовилась попрощаться, чтобы ему помочь.

— Все нормально, — упрямо и почти зло повторил он.

Она опустила на скамейку рядом с ним.

— Хорошо, как скажешь. Спасибо, что согласился встретиться. Я принесла тебе значок. Но поболтать тоже буду рада.

— Не понимаю, чему радоваться, честно говоря. Говорить с предметами интерьера — не очень большое удовольствие.

— Ты все слышал, — убито констатировала Яна.

Игорь кивнул, не глядя на нее.

— И чудовищную гадость про предмет интерьера.

— Не могу назвать это чудовищной гадостью, — после продолжительной паузы сказал он. — Я сознательно добивался такого отношения много лет. Мне нравится, когда меня игнорируют. Это лучшее из того, что они могут.

— Не считаю, что это дает повод так говорить. — Она задумалась. — Знаешь, я уверена, что у нас в группе учатся отличные ребята, но... Не знаю, как объяснить. Я была на грани панической атаки утром, хотя не могу сказать, что всегда боюсь людей. Это какой-то абсурд, как в фильмах Ильясовой.

— Это точно. Но я все равно искренне желаю тебе вписаться. Непохоже, чтобы тебе хотелось стать еще одним предметом интерьера.

Яна опустила голову и сжала виски руками.

— У тебя болит голова? — спросил он.

— Немного. А почему ты спросил?

Игорь пожал плечами.

— Я иногда так делаю, когда болит. У меня это часто.

— А сейчас?

— Сейчас как будто скоро взорвется.

— Я ведь спрашивала, хорошо ли ты себя чувствуешь.

Он махнул рукой.

— Я не хотел уходить. И вообще я никогда не чувствую себя хорошо, так что все в порядке.

Яна уже почти спросила «почему?», но остановилась.

— Извини, — сказала она вместо этого после длинной паузы.

— За что?

— За утро.

— Это ты меня извини. Я бы с собой вряд ли стал разговаривать после такого знакомства.

— А я с собой.

Она улыбнулась, и он тоже — одним углом губ все еще сильнее, чем вторым, и все-таки намного естественнее.

— Я очень рада, что все нормально и мы все же разговариваем.

Он молча кивнул, не глядя не только ей в глаза, но даже в ее сторону.

— Честно говоря, ничего не нормально, — вдруг продолжила она. — Все ужасно. Сейчас идет заседание Совета, на котором Аляске объявят войну. И мой отец не только будет голосовать «за», а еще выступит с речью о том, как это необходимо. Я звонила ему часа три назад, он как раз собирался на заседание. Был полон решимости. Поэтому и сказала утром, что вряд ли у дочки академика Ярошенко все может быть хорошо.

Игорь посмотрел в ее сторону с очередным нечитаемым выражением лица.

— Извини. — Она попыталась бодро улыбнуться. — Я даже примерно не знаю твоих взглядов. Не стоит об этом.

— Можешь считать, что примерно знаешь. Они просто... — Он сбился, но быстро собрался с силами. — У меня нет никакого права их критиковать. Я обязан им вообще всем, буквально. Но мне почему-то кажется, что на Аляске нет никакого оружия, а есть несколько гениальных ученых. И им это очень не нравится.

— Очевидно никакого оружия.

— Очевиднее некуда.

— Ты не представляешь, как важно для меня, что ты тоже так думаешь. От этого не намного легче, но все же я не одна это вижу.

— Я тоже не предполагал, что ты можешь так думать. В смысле, не конкретно ты...

— Да ладно тебе. Конечно, не предполагал, я же дочка одного из тех, кто все это делает своими руками.

— Кажется, теперь я сказал то, что ты называешь «чудовищной гадостью».

— Все нормально. Я иногда спорю с ним, но это бесполезно. Как со стеной. Вот уехала подальше, чтобы не так расстраиваться. Не знаю, что еще могу сделать.

Игорь кивнул с видом человека, который тоже часто задавал себе вопрос, что можно сделать, чтобы так не было, и тоже не находил ответа.

— Наша группа сегодня встречается в «Парке», я тебе писала. И меня тоже позвали. Но так не хочется идти... Там наверняка едят мертвых динозавров.

— Извини, что?

— Я про это модное блюдо из нефти. — Она засмеялась. — Ну, гусениц. Я однажды попыталась съесть такую на одном отвратительном мероприятии, куда меня потащил отец.

— Получилось?

— Нет! Именно что «не получилось». — Она снова засмеялась, уходить хотелось все меньше. — Безумно дорогая гадкая отравка под соусом из мыслей о завидной судьбе динозавров, злой иронии времени и бессмысленности всего сущего. Вот что подают в заведениях, которые любят наши одноклассники.

— Люди отдают деньги за мысли о злой иронии времени и бессмысленности всего сущего, а мне они приходят в голову совершенно бесплатно. — Впервые за их разговор он улыбнулся без гримасы. — Отличная возможность сэкономить.

Она опять засмеялась, понимая, что так и сидела бы здесь, не видя никакого клуба, никаких гусениц и диванов и продолжая этот странный разговор, который так легко ей давался.

— Но я бы на твоём месте пошел. Я уже говорил утром, почему. Ты для них или своя, или нестандартный предмет интерьера. Мне удобнее второе, но есть свои минусы.

Один раз за этот день с ним на её глазах уже произошло превращение: из робота он стал неприветливым уставшим человеком с пугающе неподвижной половиной лица. Сейчас он изменился снова. Рядом с ней сидел совершенно не страшный, очень живой и очень несчастный человек, и этот человек уговаривал её оставить его и идти делаться «своей» для тех, кто откровенно смеется над ним, не стараясь даже говорить тише, чтобы он не услышал.

— Я бы хотела, чтобы не приходилось выбирать между такими вариантами.

— Я тоже. — Он кивнул. — И чтобы Аляску не трогали. Но нас не спросили.

— Еще раз спасибо, что согласился встретиться. — Она достала значок из потайного кармана своей маленькой сумки, где прятала его, как будто это была драгоценность, а не стандартная ерунда от администрации, поддерживающая миф о небывалом единстве всех настоящих и будущих академиков, и протянула ему. Ей очень хотелось добавить что-нибудь про то, что нужно как-нибудь еще поболтать вечером после занятий, но почему-то не выходило.

Он как-то странно отшатнулся от её руки, впервые за все время, что они были знакомы, посмотрел ей в глаза, потом собрался и осторожно взял значок, не задев её ладонь.

— Это тебе спасибо. И удачного вечера.

Санта-Круз, Калифорния, США, август 13, 2077

Ярослав Александрович Ярошенко, великий ученый и один из тринадцати самых влиятельных людей в мире, никогда не сомневался. По крайней мере в том, что не относилось к науке напрямую. В науке следует сомневаться во всем и все проверять, только так можно прийти к чему-то новому и не сесть при этом в лужу. А в жизни всегда все просто, как белый день. Если у умного человека возникает хоть какое-то сомнение, значит ему не хватает информации для принятия решения. А следовательно, нужно найти недостающую информацию, и сомнение исчезнет само. Такой взгляд на вещи упрощал и его собственную жизнь, и выбор круга общения: если человек мнетя с ноги на ногу после того, как ему разложили ситуацию по полочкам, он идиот, а следовательно, не стоит тратить на него драгоценное время. Член Совета президента Академии, чей голос значил ровно столько же, сколько и его собственный голос, психиатр и директор Института психологии человека Стивен Льюис, без сомнения, был идиотом. Другого объяснения его полной неспособности понять некоторые элементарные вещи Ярослав не находил.

Вот и сейчас Льюис сидел в своем кресле и тянул время, задавая глупые уточняющие вопросы о ситуации на Аляске. Он вообще целиком и полностью, от ботинок до затылка, относился к тому типу людей, который Ярослав не без оснований считал бессмысленным нагромождением клеток, образовавшимся из-за какой-то досадной ошибки в процессе эволюции. Льюис умудрялся появляться на работе в смятом на спине пиджаке, в пыльных ботинках, с вечно взъерошенными волосами, как будто его секунду назад вытащили из постели. Он ходил пешком и без охраны, на внутренних рейсах летал эконом-классом, разрешал прямо на занятиях обращаться к себе по имени, а не как полагалось, и играл в футбол в команде своего отделения. Бегал, понимаете ли, по полю с собственными двадцатипятилетними студентами. Как баран, которого вместе со стадом выгнали на травку, чтобы пасть.

Вообще-то Ярослав не видел в футболе ничего плохого. Для недалекого юноши, выбравшего карьеру профессионального спортсмена, или дворового мальчишки, родители которого не занимаются его воспитанием, это вполне достойное и подходящее времяпрепровождение. Эти как раз пусть бегают, все лучше, чем сидеть в душных барах с пивом, играть в гаражах вредную для слуха музыку или употреблять наркотики. Но то, что хорошо для дворовой шпаны, плохо для профессора из Совета президента Академии. А род занятий? Это только звучит солидно — «психиатр». В далеком московском детстве Ярослава, выпавшем на наполненные выхлопными газами шумные двадцатые годы нового века, словом «психиатр» назывался врач, занимающийся шизофрениками и параноиками. Он, как и положено врачу, ходил по больнице в белом халате и выписывал лекарства своим пациентам. Иногда ему приходилось иметь дело с депрессивными нытиками, но в основном он лечил людей, больных настоящими серьезными болезнями, а не выдуманной от безделья ерундой. А в Льюисе от психиатра не было ничего, кроме названия. Да и название было непостоянным — несколько раз при Ярославе его представляли психотерапевтом. Одно это, кажется, должно было все рассказать окружающим об этом человеке: если он не знает даже того, как точно называется его профессия, об остальном говорить просто смешно. В общем, Льюис был никаким не психиатром, а любителем разглагольствовать обо всякой ерунде: каких-то сопливых нытиках, выросших нытиками потому, что родители слишком строго их воспитывали. Как-то Ярославу пришлось посмотреть отрывок телепрограммы, в которой Льюис с явным сочувствием отзывался о подростках, которым нравятся люди их же пола, а не противоположного, а родители не принимают их такими и просят взяться за ум. У самого Льюиса нет детей (кстати, хороший вопрос, почему), и при этом он лезет высказываться о поведении родителей, чьи дети вздумали творить эдакую дурь! Такие вот теперь психиатры. И, что еще печальнее, такие академики.

Ярослав еще раз оглядел Льюиса и отвернулся. Он всегда не особенно его любил, а после того, как им непонятно по какой причине увлеклась его единственная дочь Яна, совсем перестал выносить. Официально озвученная причина — она обнаружила у себя какие-то трудности с психикой, требующие немедленного лечения у лучшего врача на свете, которым, по ее мнению, был один из первых учеников Льюиса. Если бы этот идиот, как и его учитель, был хорошим врачом, он помог бы Яне справиться с теми качествами, которые так мешали ей жить. С вредной привычкой лезть не в свое дело, вечно носиться с идеей помощи каким-то обиженным — обижены они были исключительно матерью-природой, не давшей им силы воли, ума и способностей, — и не ценить

того хорошего, что досталось ей от рождения. Но это не врач, а одно название, и от его «лечения» все эти проблемы только усугубились. Чего стоит, например, дурацкая идея жить в России? Сотни студентов оттуда бьются, пытаются перевестись сюда, в Санта-Круз, в главное отделение Академии, поближе к возможности работать в лучших в мире условиях и делать карьеру, а ей вдруг понадобилось обратное.

Спикер Совета Бжезинская объявила о перерыве. Все ясно, Льюис завис, пытаясь сложить в своем жалком уме два и два, и поэтому после отдыха придется начинать все сначала. Неужели не очевидно, что Аляске уже дали шанс и она отчетливо показала, что не собирается им пользоваться? Когда в подобной ситуации оказался Тайвань, им хватило одного аккуратного предупреждения, сделанного на словах. Эти северные идиоты игнорировали уже второе. Аляску профессор Ярошенко не любил, пожалуй, так же сильно, как Стивена Льюиса. Но если на Аляске он был один раз в жизни, да и напоминания о ее убогом существовании попадались ему на глаза довольно редко, то Льюис мозолил ему глаза изо дня в день уже не первый год. Вот и сейчас принятие решения затягивается из-за него. Льюис хотел бы жевать сопли, пока отморозки с Аляски не разработают свое оружие и не начнут настоящую террористическую войну против Академии. Но нельзя жевать сопли там, где речь идет о человеческих жизнях. Если бы Ярослав был не советником, а президентом Академии, отморозки получили бы ракетой в лоб через сутки после первого же предупреждения, а не спустя месяц после второго, как произойдет сейчас. Но это Ярослав, способный думать головой даже в тех вопросах, которые затрагивают эмоциональную сферу. А Льюис — другое дело. Человек, вечно выглядящий так, как будто ему за пять минут до начала заседания сообщили о том, что оно вообще состоится, и он выскочил из дома в чем был. Который ведет себя как идиот, несмотря на формальное наличие интеллектуального коэффициента выше среднего даже по Академии, не говоря про мир в целом. Хотя, как говорили в далеком московском детстве Ярослава, почему «как»? Идиот и есть. Видимо, желание жевать сопли сводит на нет любые умственные способности.

Мысли Ярослава потянулись за вспомнившимся вопросом «почему как?» и погрузились в прошлое. Прошлое выглядело настолько убого, что даже Льюис на секунду перестал казаться ему таким неприятным. Пробки, пыльный серый город, постоянная вонь от сигарет, дешевого пойла и дешевой еды, некрасивые мрачные люди, которые принимают душ раз в три дня, с выражением на лицах как у питекантропов на картинках из учебников. Жалостливые мальчики и девочки, неспособные к совершению элементарных умозаключений, почему-то тоже голосующие на выборах и рвущиеся иметь «свое мнение», а то, глядишь, и пробивающиеся в политики и журналисты. Чтобы иметь мнение, нужно иметь мозги. Этого в его детстве и молодости почему-то никто не учитывал. Отвратительный мир людей, занимающих откровенно более низкую ступень развития, чем сам Ярослав, которым некому было указать на их место. Как собаки, которых никто не дрессирует, они шумели, кошмарно себя вели, проявляли агрессию, скалили зубы в попытках получить лучший кусок. Родители Ярослава, к счастью, понимали, что должны сделать все, чтобы защитить от них себя и своего сына. Они жили в приличном районе, в квартале с охраной, Ярослав ходил в частную школу, куда его отвозили на хорошей машине. И все-таки они умудрялись достать его везде. Идиоты ходили с ним в детский сад и школу, в магазины и рестораны, нестройными — а чего еще от них ждать? — идиотскими рядами маршировали по одним с ним улицам. Они смотрели на него с телеэкрана, пялились из окон автобусов, караулили в темных подъездах. От них нельзя было скрыться нигде: ни в спортзале и в ресторане, ни в шоуруме дорогого модельера, ни на дороге, ни в магазине с дешевым пивом. Идиотом мог оказаться любой человек. К каждому приходилось в ужасе приглядываться: а что, если и этот тоже? А если это врач, от которого зависит его здоровье? Учитель в школе, от которого зависят его знания? Полицейский, от которого зависит его безопасность? Если вот этот человек, который нужен ему нормальным, совершенно нормальным, окажется преступником, или кретином, или любителем жевать сопли?

После школы он уехал учиться в Англию, тоже во многом с помощью родителей, хотя в основном это была заслуга его собственная, его неординарного ума и трудолюбия, и в некоторых вопросах стало чуть легче, но и там идиоты были повсюду. Мерзкие пьяные пятничные рожи людей, которые не способны написать без ошибок собственную фамилию и существуют на пособия, выдаваемые им соплежуйским правительством. И всему этому не было конца и края. Он всю жизнь жил бы среди них, а потом оказался бы рядом в виде пепла в колумбарии, если бы не появилась Академия. Академия спасла его, и не его одного, а всех достойных людей. Она была

абсолютным благом, даже несмотря на существование Стивена Льюиса. В конце концов, сейчас такие вот неумные жеватели соплей — считанные единицы из окружения Ярошенко, а когда Ярослав был ребенком, подростком, молодым человеком, они окружали его со всех сторон. Везде. Неудивительно, что такое устройство общества довело планету до того печального состояния, в котором она находится сейчас. Идиоты не думают о будущем. Кажется, им приходило в голову, что у цивилизации могут возникнуть некоторые трудности, но ведь наука не стоит на месте, и должно было появиться что-то новое... Вот как они считали. Придет кто-то умный и решит за нас все проблемы, а мы сможем дальше оставаться идиотами в свое удовольствие. Вот, например, нефть, не говоря уже о более сложных для понимания вещах. Из чего они собирались делать шины, пересев на электромобили? Вырезать из дерева? Заменить колеса гусеницами, как у танков? Из продуктов переработки нефти делалось все. Даже одноразовые пластиковые стаканчики, из которых они любили пить, потому что им было лень мыть посуду. Тревогу пора было бить намного раньше, но бить ее было некому: мир тогда принадлежал идиотам.

Но главный вопрос заключался не в том, откуда они берутся. И даже не в том, почему его любимая и единственная дочка больше доверяет идиоту, чем родному отцу, — в конце концов, ошибаться в людях в двадцать с небольшим лет свойственно если не всем, то многим. Главный вопрос заключался в том, как Льюису удалось попасть в Академию, стать профессором, преподавать, писать научные работы и, самое главное, быть избранным в Совет. Ярослав давно смирился, что мир напичкан идиотами, как его лаборатория электроникой. Идиотов столько, что они уже с видимым трудом помещаются на многострадальной Земле. Еще несколько десятилетий, и идиоты начнут группками по интересам отваливаться, улетать в открытый космос и распространять свой идиотизм на другие планеты, галактики и вселенные.

Но с тем, что один из этих идиотов пробрался на такую же ступень общества, как сам Ярослав, и теперь их голоса имеют одинаковое значение, смириться не так просто. Он встал, поправил галстук, чуть сбившийся от долгого сидения на одном месте, и медленно пошел к выходу из зала заседаний.

Больше всего на свете профессор Льюис не любил заседания Совета Академии. И даже не потому, что на них приходилось наряжаться в костюм и корчить выражение лица, как у президента Тернера на портрете в холле главного корпуса. Он не любил их за отвратительное чувство, что ничего нельзя сделать. Один его голос, к которому изредка добавлялся голос Магди, а еще реже, по большим праздникам разума, неуверенный голос Джонсона или Бжезинской, ничего не мог решить и существовал только для того, чтобы сказать людям, рассматривающим результаты голосования на следующий день за утренней чашкой кофе: смотрите, не все двенадцать человек хотят этого! Есть еще я, Стивен Льюис, и я против!

Льюис становился членом Совета уже в четвертый раз. Перед каждым выбором он говорил себе, что хватит — зачем тратить время на бессмысленное просиживание штанов, от которого все равно ничего не изменится, если можно заняться в это время разными нужными и интересными вещами? И каждый раз его уговаривали попробовать снова. Без вас, говорили ему, наше мнение будет некому выразить. Стивен плохо спал, сутками взвешивал «за» и «против», а потом снова выставлял свою кандидатуру. Ему уже не привыкать к Совету, а у людей, которые хотят его там видеть, будет иллюзия, что Академии есть какое-то дело до их мнения. Если бы его голос на самом деле мог что-то решить, а не существовал для утешения несогласных с президентом Тернером, места в Совете профессор Льюис просто не получил бы.

Вот сегодня, например, они хотели, чтобы он проголосовал за «военную операцию» на Аляске. Официальной причиной такого намерения была ведущаяся на Аляске разработка оружия, но Льюис не смог бы поверить в эту версию, даже задавшись такой целью. Зачем нужно оружие маленькому независимому государству, главная и почти сбывшаяся мечта которого состоит в том, чтобы все оставили его в покое? Зачем им наращивать мощности? Чтобы сойти с ума и пойти на юг с завоевательной войной, как какой-нибудь Наполеон? Заполучив звезду современной физики Кэмерона и еще нескольких очень крутых ребят, Аляска сделала огромный рывок вперед. А тот факт, что кто-то в состоянии развиваться, не располагая бюджетом и мощностями Академии,

ставил под удар весь пафос, с которым она существовала и пила кровь из стран, пустивших ее на свою территорию. И, конечно, это было в тысячу раз страшнее для Тернера, чем все оружие мира. Вот чем они были опасны. И вот за что Тернер и его Совет собирались разнести их в пыль.

Уверенность в справедливом демократическом устройстве главного органа власти на планете Земля окончательно растаяла в нем после того, как погиб профессор Мэннинг. Он выступил на заседании Совета в шестьдесят шестом, спустя год после того, как в Совет попал Льюис, с заявлением, что политика тогдашнего президента Дейла прямо противоречит целям существования Академии, заявленным в ее Уставе, и что он не собирается мириться с таким положением дел. Спустя неделю, в день очередного заседания, он насмерть разбился на машине, врезавшись в ограждение моста. Следствие установило, что в момент аварии он находился в состоянии алкогольного опьянения и превысил скорость на тридцать миль в час.

Льюис знал Мэннинга лично, хоть и не был его близким другом. Погибший почти не пил и садился за руль только в исключительных случаях, обычно его везде возил водитель. Конечно, разобранная во всех газетах и на всех телеканалах по косточкам история о том, что Мэннинг перед гибелью оказался на грани развода после двадцати пяти лет брака и сорвался, не выдержав стресса, основывалась на правде. Профессор на самом деле был не в лучшем расположении духа. Но он не был человеком, способным из-за личных проблем сначала выдвинуть безосновательные обвинения в адрес президента, а потом напиться и уехать на тот свет вместо заседания. Стивен скорее бы съел на завтрак свои носки, чем поверил, что гибель Мэннинга объясняется так, как ее стремятся объяснить полиция и пресса. А когда его попросили побеседовать с самым близким учеником профессора, который после новости об аварии молча написал заявление об уходе и отнес его в администрацию, он окончательно убедился, что никакой аварии не было. Кэмерону было очень трудно оставить все, над чем он работал. Но он сделал это, и, очевидно, не потому, что профессор выпил и сел за руль. Задачей Стивена было определить, совершает ли Кэмерон этот поступок в здравом уме — Академия всегда сомневалась, что ее можно добровольно покинуть, будучи психически здоровым. Но он посмотрел в глаза сидевшего перед ним мальчика и не смог задать ни одного вопроса. Все было ясно и так. Они просидели молча положенный академический час, а потом Стивен подписал заключение, что Кэмерон в порядке, тот поблагодарил за понимание и ушел. А теперь Кэмерон на Аляске, и скоро его убьют по решению Совета. Как убили его учителя. Может быть, не завтра, может, Стивену удастся потянуть время и выиграть для него еще несколько недель или даже месяцев. Но Кэмерон не отступит, Академия не отступит: Академия сильнее, Кэмерон умрет.

Академия — идеальная самоподдерживающаяся властная структура. Первая такая за всю историю человечества. Она отбирала в свои ряды самых способных людей, причем старалась забирать их себе в как можно более юном возрасте. Эти люди или, если речь шла о несовершеннолетних, их родители, подписывали контракт, который обещал им обеспеченную жизнь, полную плодотворной работы на благо человечества. Взамен требовалось всего ничего: разрешать службе безопасности Академии «по необходимости» в любой момент и в любом объеме нарушать тайну их частной жизни, врачам Академии — выписывать любые лекарства и накладывать любые ограничения и так далее, далее и далее. На каждого из тех, кто имел к Академии хоть какое-то отношение, будь то президент или повар из студенческого кафе, у службы безопасности было заведено личное дело. В личном деле содержалось все, иногда даже то, чего сам человек о себе не знал. Люди сто раз думали, прежде чем уйти из Академии. И в результате частенько решали, что дергаться не стоит.

Уже несколько лет заседания Совета являли собой совсем бессмысленное и утомляющее мероприятие — даже для тех, кто представлял большинство: появиться нужно было исключительно для галочки, чтобы с умным видом послушать других и поговорить самому, а потом дружно отдать свои одиннадцать голосов против одного его голоса. Иногда к нему неожиданно присоединялся странный каирский биолог Амир Магди, про которого Стивен до сих пор не мог сказать ничего определенного, или сдержанный молчаливый математик Джонсон. Или, очень редко, спикер Совета, генетик из Варшавы Айя Бжезинская. Но даже двух или трех их голосов было мало для того, чтобы повлиять на ситуацию. Решение Совета блокировалось четырьмя голосами — и каждого, кто рискнул бы стать четвертым, ожидал быстрый трагический конец. По большому счету, все это не имело никакого смысла. Но люди хотели, чтобы об их

существовании знали, хотели, чтобы кто-то мог если не отстоять, то хотя бы поотстаивать их мнение. И Стивен не находил в себе сил им отказать.

Сегодня, впрочем, случилось какое-то маленькое чудо, и когда после пламенной речи Ярослава Ярошенко Стивен предложил для начала направить им официальное требование опровергнуть обвинения в разработке оружия или прекратить эту разработку — то есть просто купить немного времени, которое позволит мирным жителям эвакуироваться, — его вдруг поддержали и Джонсон, и Магди, и Бжезинская. Заседание затянулось: сразу стало понятно, что решение о немедленном начале так называемой силовой операции откладывается на месяц, но решение о том, какие именно требования выдвинуть Аляске, заняло в итоге четыре часа. Не верится: он радуется тому, что разрушение мирной страны, которая только и хотела развивать науку самостоятельно, удалось немного отложить. Никаких операций вообще не должно быть, все это полный кошмар, в который он оказался втянут в силу желания помогать людям и представлять их интересы. И, тем не менее, это маленькая победа, не радоваться которой невозможно. У них будет время. У них будет время спастись.

Дубна, Центральная Российская республика, август 13, 2077

В клубе, как она и предполагала, оказалось мрачно. Все внутри было сделано из денег, даже охранники и официанты. Ничего, кроме демонстрации того, что у владельцев и посетителей есть много денег, клуб собой не представлял. Впрочем, дочке советника Ярошенко было к такому не привыкать. Все места, которые нравились ее отцу и его окружению, были такими. Как себя в них вести, чтобы и самой не умереть с тоски, и окружающих не шокировать, она хорошо знала: надо просто сидеть с тем честным, немного скучающим выражением лица, какое у нее естественным образом появляется в такие моменты, но не давать себе уснуть, а время от времени вставлять в общую беседу какую-нибудь историю, которые она специально копила, и смеяться хотя бы относительно забавным шуткам. Костюма дорожного рабочего у нее не было, зато был любимый прием «мне просто все равно, но со стороны это смотрится как модное все равно»: строгую юбку, в которой была утром, она сменила на самые простые джинсы, а рубашку — на другую точно такую же, повесила браслетик на запястье и немного растрепала выпрямленные для утра волосы. Вся подготовка заняла шесть минут сорок семь секунд, а эффекта — на шесть дней. Вот если бы она в таком виде ела сосиску на заправочной станции, это было бы убого, немодно и вообще «как можно так себя запустить». А иногда брать со стола коктейль за двести долларов в пересчете на привычные ей деньги в такой же рубашке, какая была на тебе утром, — шикарно, модно и «вы только посмотрите, какой небрежный шик». У нее было до странного много одинаковых вещей. Яне легко давались мучительные для других людей решения, вроде «уже пора бросать мальчика или еще посмотреть на него пару месяцев», и с огромным трудом — те, что не вызывали у большинства окружающих и минутного замешательства: белое вино или красное, а может быть, вообще розовое, или вовсе отказаться от вина и взять воды, чем обычно и кончалось дело; брюки или юбка; комедия или драма. Если решение ни на что не повлияет в дальнейшем, каким образом его принимать? «Сегодня я хочу розовое»? А если единственное, чего она хочет, — это чтобы все от нее отстали, ну и чтобы кончился тот кошмар, который происходит сейчас с жизнью людей, не прошедших отбор в Академию, а в остальном она готова выпить хоть скисшего молока, закусив тухлыми бобами? К сознательному возрасту у нее выработалась стратегия борьбы с этим странным свойством характера — она просто выучила повторяющиеся вещи наизусть. Серый, белый, чуть ниже плеч, пожалуйста, черный чай с мятой. В общем, если привыкнуть, жить было даже отлично. Никаких разочарований во вкусе незнакомой еды, никаких слез у зеркала после пристального изучения смелой стрижки. Но однажды, глядя на очередного жениха, которого ей недвусмысленно сватал Ярослав, Яна вдруг решила, что нужно рисковать хоть иногда. А если не знаешь, как выбрать, то просто ткнуть пальцем в небо. Так в ее жизни появился специальный курс у советника Льюиса, к огромному ужасу и удивлению отца, потом психотерапевт, а потом и вовсе идея удрать в Россию.

В середине вечера она зачем-то открыла новостную ленту и вместо ожидаемой войны обнаружила, что Аляске направили еще одно требование. У них есть еще минимум пара недель, а может, и месяц! Очень хотелось вскочить и обрадовать этой новостью всех, но она сдержалась.

Большинство студентов верят официальным заявлениям Академии. Отсрочку они воспримут скорее положительно, но совершенно не так, как она. Обниматься от радости здесь не с кем.

Когда все собрались расходиться, Яна отвела Катю в сторону и предложила предпринять нечто странное: зайти в паб в старом зеленом доме, который она видела по пути сюда. Катя сначала очень удивилась, но интерес к странной новенькой, которая мало того, что дочка такого человека, так еще и зачем-то перевелась в Россию, когда все из России стремятся попасть в Штаты, поближе к мировым звездам и глобальным проектам, победил. И вот Яна, Катя, еще две девочки из группы и какие-то малознакомые ребята, студенты Академии на курс младше, по навигатору идут в незнакомое место в таком волнении, словно собираются выйти в открытый космос, а не выпить пива в безопаснейшем месте в стране — закрытом городе Академии.

Проходя мимо серьезных квадратнолицых охранников на выходе, Яна не удержалась и сказала:

— Удачного вечера!

Уже на крыльце она поняла, что фраза «удачного вечера» принадлежала Игорю и она повторила ее неосознанно. Ей вдруг ужасно захотелось позвонить ему прямо сейчас и спросить, видел ли он новости и рад ли, если видел, но второй раз за вечер тревожить человека, который разговаривал с людьми явно с трудом и сам же предложил ей пойти на встречу группы, было бы дурным тоном. Захочет — когда-нибудь появится сам.

— А давайте не пешком, я на каблуках...

— Сними их и неси в руке!

— Как в кино столетней давности, может, еще и платком волосы повязать?

— Платком — это вообще про другое, ты чего...

— Пойдем пешком, — решила за всех Катя. — Экспериментировать так экспериментировать. Сейчас только посмотрю, как лучше идти.

— Боже, — сказала самая миниатюрная девочка, закатывая глаза. — Вот вы шутники.

— Нашла. На втором перекрестке направо. Говорят, эта улица раньше называлась Южная канава.

Яна засмеялась — впервые за весь вечер искренне.

— Так вот что имеет в виду мой отец, когда говорит «надо хорошо учиться, иначе умрешь в канаве».

Все тоже засмеялись.

— Я тебе скажу, лет двадцать пять назад местечко тут было еще то. Как раз подходящее для того, чтобы умереть.

— Вы тогда лежали в коляске в памперсе, если вообще родились, что за вечер воспоминаний?

— А родители не лежали и видели!

В пабе после «Парка» так кипела жизнь, словно тебя по ошибке увезли в морг, а потом спохватились и вернули в приемный покой больницы: все бегают, шумно, самого разного вида люди, некоторые из которых по меркам Ярослава явно учатся плохо и уже приближаются к второй части программы. Но это была жизнь, а не морг. Девочка, которая не хотела идти пешком, выдержала пятнадцать минут, после чего сбежала — наконец не пешком. От полноты чувств Яна выпила целую пинту какого-то необычного горького пива и согласилась на предложение Кати пойти танцевать. Жизнь становилась прекраснее с каждой минутой.

Яна медленно шла по улице в сторону дома с чувством, будто только что успешно сдала самый сложный экзамен. Переезд, из-за которого многие и там, и здесь считали ее странной, оказался самым правильным решением в ее жизни. В кармане завибрировал телефон. Яна полезла за ним и поймала себя на несбыточной надежде, что это Игорь, который вдруг обнаружил в себе силы не только отвечать, но и первым выходить на контакт. Но звонила Катя, которая ушла из «Пятницы» на полчаса раньше нее в обществе прекрасного молодого человека.

— Яна, — сказала она, и по ее голосу стало понятно, что дальше последует какое-то сообщение мирового значения. — Я тебя люблю!

— Это не те слова, которые я ожидала от тебя услышать, честно говоря. — Яна по-доброму засмеялась. — Но мне приятно.

— Нет, ты не поняла! — еще более значительным тоном продолжила Катя. Кажется, она была совершенно пьяна и настолько же счастлива. — Этот мальчик, с которым я познакомилась!

— Мне он понравился.

— Знала бы ты, как он понравился мне! И я ему, кажется, тоже! Мы завтра ужинаем вместе.

— Это замечательно.

— Ты правда так думаешь?!

— Конечно. — Яна поняла, что разговор будет длиться дольше минуты, и оглянулась в поисках места, где можно присесть. Его в поле зрения не оказалось. — А в чем дело?

— Я всегда считала, что нужно встречаться только со своими.

— Ты хочешь сказать, что люди, не попавшие в Академию, тебя не достойны?

— Ну да! — радостно подтвердила Катя. Яна в очередной раз подумала, что эта девушка восхищает и ужасает ее одновременно: восхищает своей способностью прямо и просто говорить, что думает, не собираясь с духом по полчаса, а ужасает тем, что делит людей на два сорта и не считает это чем-то неправильным. Прямо как ее отец.

— А ты не думала, что есть люди, которые отказались от нее по своей воле?

— Но это же еще хуже! Можно понять, когда человек хочет, но не может. Но если может, но не хочет?!

— Давай к сути вопроса. — Яна с детства не выносила таких разговоров. — Он тебе нравится?

— Да! Еще как! Он же такой... — Трубка начала издавать нечленораздельные звуки.

— Тогда, как ты сама любишь говорить, не забивай голову ерундой.

— Наверное, ты права. Я уже говорила, что люблю тебя? — с облегчением, будто Яна открыла ей какую-то потрясающую истину, спросила она.

— Говорила.

— Надо же, если бы не ты, я никогда бы туда не пошла! А значит... не хочу об этом даже думать! Прямо судьба! Кстати... я хотела тебе сказать, но забыла. Ты что-то сделала с Игорем: он прислал мне сегодня вечером сообщение впервые за кучу лет. Текстовое! Ты только представь! Спасибо, что не факс! Содержание в его духе, правда: что будет признателен, если я дам ему возможность самому портить впечатление о себе.

Сказав это, Катя засмеялась.

Ноги стали держать хуже. Яна снова оглянулась в поисках чего-то, на что можно сесть.

— Ладно, дорогая, я убегаю, — как ни в чем не бывало продолжила Катя. — Мне надо позвонить ему и пожелать спокойной ночи. Или не надо? Нет, надо. Обязательно! Ну все! Целую тебя!

И она отключилась, не дожидаясь ответного прощания.

Яна в задумчивости уставилась на экран, вместо того чтобы свернуть его. Бедный Игорь. Трудно придумать более неудобную, неловкую и оскорбительную ситуацию, чем сцена их знакомства. Не пошли бы они все к черту, она тоже станет предметом интерьера — это намного приятнее, чем работать над тем, чтобы стать такой же. Она доплелась до ближайшей остановки автобуса и села. Рядом никого не было, несмотря на то что автобусы ходили и ночью. Может, рискнуть возможностью получить ледяной отказ и позвать его на свидание? Или ей так больно и обидно за него не из-за симпатии к нему, а из-за несправедливости, которую она ненавидит с детства?

Чувство к мужчине, похожему на мороженую рыбу, которую разозлили перед смертью, не входило в ее планы. Яна сама была раньше похожа на такую рыбу и поэтому особенно хорошо замечала это состояние в других. Она тогда не видела выхода из золотой клетки, в которой родилась и провела всю жизнь, и была уверена, что придется в ней и умереть, так и не побывав на свободе. От ощущения, что пытаться что-то изменить бессмысленно, она впала в полную апатию. После учебы у профессора Льюиса, а потом терапии все начало меняться, очень медленно, но неуклонно. И вот сейчас, после трех лет работы над собой и переезда за Атлантический океан, она превратилась в ту Яну, которой удастся убедить компанию совершить неожиданный поступок, вызвать бурную любовь к себе за семнадцать часов и разговорить человека, который никогда ни с кем не разговаривает. Ее мысли сделали круг и вернулись к Игорю. Судя по всему, он отличный парень, самый похожий на нее из всех, кого она сегодня встретила. Но ведь ясно, что ничего хорошего не получится, даже если она вдруг недвусмысленно его пригласит, а он вдруг согласится. У нее нет столько сил, сколько нужно на отношения с ним. У нее и на свою жизнь их хватает не всегда. Яна с трудом справилась с желанием как следует стукнуть кулаком по остановке.

Она не хотела влюбляться в Игоря и продираться к нему через колючую проволоку, которой он себя обмотал. У нее нет такого запаса энергии, вся ушла на многочисленные попытки вырваться из башни, где ее закрыл любящий папочка, к нормальной жизни. Она снова сердилась на Ярослава, хотя еще несколько часов назад думала, что больше ей не придется этого испытывать. У нее в голове давно висел огромный плакат: «Все короли сажают своих дочерей в высокие башни под стражу, особенно те, чьи королевы умерли; не сердись на него, он искренне хочет, как лучше». Но в некоторые моменты плакат куда-то пропадал, и тогда ей до дрожи хотелось бросить в отца чем-нибудь, закричать, что она устала от него, от его заботы, от его лицемерных рассуждений про ее счастье, убежать и больше никогда его не видеть.

Положение осложнялось тем, что запертых в башнях девушек, согласно историческим и литературным источникам, обычно выручали заинтересованные в них молодые люди, а ее поклонники все больше старались не вытащить ее, а присоединиться к ней. Что может быть лучше тестя, способного устроить молодой семье такие сияющие перспективы, какие вообще возможны в это время на этой планете? Разве что самому стать таким тестем, но это еще неизвестно, получится ли, а Яна вот она, сидит и грустит, как полагается запертой принцессе. Стоит обратить на себя ее тоскующий взор, и жизнь уже почти удалась. А самое мерзкое, что Ярослав только радовался, видя такие настроения. Муж дочки, заинтересованный в его расположении, его бы очень устроил. От Яны можно ожидать чего угодно, даже, о ужас, желания уйти из Академии и слиться в трудовом порыве с людьми второго сорта, а если не только отец, но и муж против такого шага, шансы на возвращение к уму-разуму резко возрастают.

И вот наконец случился такой прорыв, что пора визжать от счастья: она одна, через океан от Ярослава, общается с людьми и ведет нормальную жизнь. И тут выясняется, что в первый же день ей понравился самый неподходящий во всем отделении парень. Даже если за колючей проволокой скрывается лучший человек на свете, ему придется скрываться там и дальше. Пусть любительницы издеваться над собой влюбляются в Игоря Алексева, а также ходят в клуб «Парк» и слушаются отцов. А она будет делать только что, что приносит радость. И найдет себе симпатичного жизнерадостного парня, с которым можно смеяться и ходить на вечеринки. И заниматься сексом, а не разморозкой рыбы. Интересно, Игорь вообще представляет, что это такое?

Степень социофобии, при которой от вида живого человека начинает трясти и бросать в нервный пот, не располагает к бурной личной жизни. В общем, это не тот, кто ей нужен. Придется повесить в голове рядом с плакатом про отца еще один, про Игоря, и перечитывать, пока не надоест. Она мысленно повторила, что будет встречаться с симпатичным жизнерадостным парнем, собралась встать, пойти домой и немедленно рухнуть спать, разве что умывшись перед этим, и тут перед ней нарисовался темный силуэт. Яна пригляделась и увидела мальчика с младшего курса, одного из тех, которые перебрались вместе с их компанией из «Парка» в «Пятницу».

— Привет еще раз! — Он улыбнулся, как улыбаются понравившейся девушке, а не просто приятному человеку. — Я не помешал?

— Привет, — сказала Яна и тоже улыбнулась.

Симпатичный жизнерадостный парень пришел к ней сам.

Из облачного дневника Джаспера Кэмерона, запись только для автора, август 13, 2077, Палмер, республика Аляска

Конечно, сейчас я сделаю открытую запись, в которой скажу большое спасибо Льюису, Джонсону, Магди и Бжезинской. Тот факт, что хотя бы четверо членов Совета решили дать нам время и не разносить прямо сейчас, действительно очень радует.

Но я пишу в этом дневнике не только для того, чтобы общаться с внешним миром. Я веду его для себя. И сам себе я хочу сказать вот что: мне жаль, что нам дали еще время, я бы хотел сдохнуть как можно скорее. Это растягивание неизбежного конца, лишенное всякого смысла, просто ради того, чтобы еще немного растянуть, сжигает мою нервную систему со скоростью пять километров в час. Я хожу не сильно быстрее, чем она горит. Не уверен, что нейроны могут гореть, — я считаю, что биология сосет, потому что совершенно неважно, как устроены люди, важен способ разобрать эту долбаную реальность на составные части, о чем имел не одну напряженную дискуссию, — но они именно горят, я это чувствую, я чувствую этот отвратный запах. Наверное, это показывает серьезную степень психического неблагополучия, но я испытал разочарование, услышав, что все снова откладывается. Я не могу развернуться и уехать, как сделали многие мои коллеги, которых я ничуть их не осуждаю. Я не могу эвакуироваться, как сейчас сделают все. Я могу только продолжать свои занятия, ожидая неизбежного финала, и один Зевс Громовержец знает, насколько сильно меня это утомило. А поскольку Зевса Громовержца не существует (что приходится признать, несмотря на мою любовь к молниям), то не знает вообще никто.

Я искренне благодарен четырем советникам, которые попросили дополнительное время, чтобы все взвесить, прежде чем убивать нас (приехали: я радуюсь, что некоторые из них хотя бы думают перед тем, как принимать такие решения). Но как же меня выматывает, терзает и сводит с ума эта затянувшаяся история, из которой у меня в любом случае только один выход — похороны. Если, конечно, найдется что хоронить. И кому. Здесь бы я написал свое обычное «ХА-ХА-ХА», но сегодня не могу. Не смешно.

Дубна, Центральная Российская республика, август, ночь с 13 на 14, 2077

Ее новый знакомый жил в пяти минутах ходьбы и спросил, можно ли ее проводить. Она поколебалась минуту, но согласилась. Всю дорогу Никита болтал, задавал вопросы и отпускал комплименты, а в середине пути его осенило, что Яна не видела Памятник гигантскому стулмутанту на противоположном берегу реки недалеко от главного корпуса, сохранившийся с доакадемических времен, и что нужно немедленно сесть в автобус, а лучше в такси, и исправить это. Это звучало так безумно, что в районе солнечного сплетения стали лопаться маленькие пузыри, как в свеженалитом бокале брюта.

— Придется согласиться, — кивнула она. — Такого мне еще никто никогда не предлагал.

— Рад, что сумел удивить, — сказал Никита и как-то неприятно покраснел. Как будто ставил себе цель удивить на нужное количество баллов, как на экзамене, и теперь достиг ее и доволен собой.

Всю дорогу в такси он показывал по сторонам и рассказывал не менее странные факты из прошлой жизни города, чем появление памятника стулу-мутанту. Яна честно пыталась внимательно слушать, но мысли то и дело убегали, как собака без поводка, и приходилось звать их назад, чтобы понять, о чем он сейчас рассказывает. Все мужчины, с которыми у нее что-то получалось, были похожи на этого Никиту. Не те, в кого она влюблялась, а именно те, с которыми доходило до отношений; эти две группы почему-то никогда не пересекались. Если не считать первого взрослого поцелуя в пятнадцать лет, у нее никогда ничего не было с человеком, в которого она влюблена. Пока Яна, глядя на очередного Никиту, думала, нравится он ей или нет — вроде бы очень нравится, а в то же время вроде бы и совсем не нравится и даже чем-то неуловимо раздражает, — все решалось само, без особенного ее участия. Они, в отличие от нее, не сомневались, и ухаживали, и предлагали, и настаивали, и говорили разные приятные вещи, и вкусно пахли, и остроумно шутили, и вообще блестяще воплощали представление о подходящем молодом человеке. И Яна сдавалась. У нее ведь не было уверенности не только в симпатии к ним, но и в ее отсутствии. Тем не менее, поездка к стулу оказалась веселой: стул впечатлял не только своим размером, но и диссонансом с окружающим пространством — огромный, метров десяти, старинной конструкции, из дерева, уже потемневшего от времени. Никаких табличек, объяснявших его существование, рядом не обнаружилось. Интернет сказал, что когда-то давно его установила мебельная фабрика, но ни какой логикой она руководствовалась, ни что стало с ней в дальнейшем, в сообщении не было. Яна решила почитать о загадочном стуле завтра, когда выспится: никогда не помешает знать, где живешь и чего можно ожидать от окружающих. Нет времени объяснять, руби десятиметровый стул! Никита предложил на спор попытаться влезть на него, Яна смеялась и говорила, что, если ее на вторые сутки в России заберут в полицию, Ярослав будет так рад, что ей придется вернуться обратно сразу же, как выйдет из участка, даже не заезжая за вещами.

— А в чем они тебя обвинят: наблюдала за влезавшим на стул-мутант?

— Даже если ни в чем, Ярослав все равно очень обрадуется: я не сплю по ночам, а наблюдаю за влезавшими на стулья-мутанты!

Когда он уже нажал кнопку координат, чтобы поехать обратно в сторону дома, Яна зачем-то проверила коммуникатор, хотя никаких звуков он не издавал. На экране обнаружилось нечто настолько неожиданное, что на левой руке заволновались и завибрировали часы: дыхание и пульс вышли за пределы нормального спокойного состояния. Пульс, казалось, был не в третьей зоне, а в сорок третьей, на минуту стул вместе с улицей и затылком Никиты поплыл куда-то из поля ее зрения, а во рту пересохло, как после десяти километров быстрого бега без пит-стопов. Если рассудок ей не изменил и она не сумела допить до галлюцинаций парой коктейлей и пинтой пива, в два тридцать четыре ночи ей звонил Игорь. Она сделала глубокий вдох, за ним выдох, стул немного зафиксировался на месте. Но почему она этого не слышала? Яна погасила дисплей и включила снова, на этот раз развернув в воздухе, чтобы было лучше видно, и заслонила спиной от Никиты.

Нет, не показалось, пропущенный вызов в 02:34, да еще голосовой. Около двадцати минут назад, когда она начала ходить вокруг стула, запрокинув голову. А вот и причина, по которой она его пропустила: тихий ночной режим! Ведь никогда раньше Яна не гуляла где-то в половине третьего ночи, не подготовившись к этому заранее, как к событию века, и умная система решила, что ничего неординарного не ожидается и можно не беспокоить хозяйку позже полуночи. Но она ведь не спит, а ходит! Активность регистрируется! Какого черта! Почему умная техника в самый неподходящий момент оказывается тупой техникой! Чего мог хотеть Игорь в середине ночи? Это по таким людям, как ее новый друг, всегда понятно, чего они хотят, а по нему — нисколько. Катя так вообще утверждала, что он никогда ничего не хочет, кроме того, чтобы все от него отстали. Но люди, которые ничего не хотят, вряд ли станут звонить кому-то ночью, да еще сразу голосом, без уточнения, удобно ли это. Может, у него что-то случилось? И прежде, чем эта мысль додумалась до конца, она нажала на иконку обратного вызова и свернула дисплей.

Игорь ответил мгновенно, словно сидел все время, что прошло после его звонка, и смотрел в экран не отрываясь.

— Привет, — сказал он; у него был голос не совсем пьяного, но хорошо выпившего человека, и он наконец-то звучал не совсем отстраненно. Кажется, он был искренне рад, что она перезвонила. — Прости, пожалуйста, что в такое время.

— Ничего страшного, даже не думай.

Оба замолчали, но в этой паузе не было ничего тягостного.

— Напомни, пожалуйста, адрес, — вдруг радостно попросил Никита прямо над ее ухом.

Пока она слушала голос Игоря, тот успел подойти к ней вплотную. Яна уставилась на него. Мало того что он подкрался так, чтобы собеседнику было слышно каждое слово, так еще и выбрал лучшие слова: какой-то мужчина спрашивает у нее адрес в середине ночи после того, как она ходила в дорожный клуб, и всем старше пяти лет очевидно, что это не адрес библиотеки, где они планируют до утра читать. А что они живут рядом и такси завезет домой ее, а сообразительный спутник поедет в соседний квартал, останется за скобками. Отлично сработано!

— Я перезвоню через минуту, хорошо? — сказала она Игорю. — Даже меньше, чем через минуту!

Игорь молчал, она отключилась и назвала Никите адрес, после чего отошла от него метров на двадцать — к противоположному углу стула по диагонали. Игорь не отвечал пять, десять, двенадцать, пятнадцать гудков. Она сбросила вызов и перезвонила снова.

— Прости еще раз, — сказал он уже совершенно обычным голосом, тем же, каким говорил с ней при первой встрече. — Нечаянно нажал кнопку вызова. Мне очень жаль, что побеспокоил.

— Извини, что? — переспросила она, еще не осознав, что произошло. — Нечаянно?

— Да, — подтвердил он; ее удивленный тон никак на него не подействовал. — Твое имя было последним в списке контактов, и я нажал на него по ошибке.

Она растерянно молчала — это было единственное, на что ее хватило.

— Прости за беспокойство, — повторил Игорь, и разговор оборвался.

Игорь стоял у открытого окна с телефоном в руках. Яна на самом деле шла последней в его списке контактов, в этом он не соврал. А еще она шла первой. Это был единственный человек, с которым он говорил или переписывался за пять недель, тридцать пять дней, восемьсот сорок часов, пятьдесят тысяч четыреста минут и три миллиона двадцать четыре секунды. Он попытался вспомнить, на что умножать дальше, чтобы получить доли секунды, запутался и решил делить. За девяносто шесть тысячных года в его списке вызовов появилось всего одно имя. Что, конечно, совсем не плохо, а очень хорошо, потому что за именами стоят люди.

Людей он выносил с огромным трудом. Трудно было сказать, каких людей он не выносил сильнее: мужчин или женщин, детей или взрослых, юных или зрелых, красивых или уродливых, счастливых или несчастных, умных или глупых. Сегодня вечером показалось, что ему легко выносить Яну, но теперь он почти ненавидел ее. Хотя это «почти» не шло ни в какое сравнение с тем, что он испытывал к самому себе. Он всегда себя ненавидел, а сегодня это чувство было особенно острым и чистым, как нож хирурга. Зачем он позвонил ей? Ясно же, что такой женщине есть чем заняться ночью после похода в клуб для избранных. Яна отличалась от окружающих, как породистая лошадь от пони. Можно было не знать, кто ее отец, — за сто метров по походке читалось, что он не водитель автобуса. И хотя она держалась очень просто, что-то вызывающе изящное было у нее в крови: в движениях, в наклоне головы, в линиях тела. И это в общем неудивительно, учитывая, что отец академик, мать тоже, да и бабушки с дедушками наверняка не пили дешевое пиво на детской площадке, а ходили в Большой театр и в Третьяковскую галерею. И

специально ехали в Питер, чтобы посетить Эрмитаж. С визами у таких людей никогда не возникает проблем.

Игорь еще раз посмотрел на ее имя в пустом списке вызовов. Если быть честным, он не ненавидел ее даже «почти», это его злость на себя за дурацкий неудачный звонок была настолько сильной, что хватало и на нее. А к себе у него было проверенное временем и испытаниями чувство, огромное и значительное, как главный учебный корпус их отделения. Больше всего он ненавидел свое тело. Он ухаживал за собой, как ухаживают за парализованной пожилой родственницей с мерзким характером, которая надоела до печенок еще здоровой: ответственно, но с плохо скрываемым отвращением и мелькающей нехорошей мыслью, как будет хорошо, когда все наконец кончится. Он ненавидел есть, пить, принимать душ, ходить в туалет, чистить зубы, расчесываться, бриться, мыть руки, одеваться и раздеваться и делал все это через силу, как тяжелую ненавистную работу. Бриться, кстати, давно можно было перестать. Делать несложную косметическую процедуру, после которой волосы на определенных участках тела в принципе переставали расти, и не спустя миллион сеансов, как раньше, а сразу и навсегда, уже лет двадцать назад стало чем-то настолько же естественным, как пользоваться туалетной бумагой. Но для этого нужно было собраться, пойти к каким-то незнакомым людям, поздороваться, объяснить, чего хочешь, а потом терпеть их прикосновения. На подобное действие его за последние несколько лет хватило только один раз, когда он собрался с духом и зашел стричься в первый попавшийся на глаза салон красоты. Там совершенно случайно обнаружилась сосредоточенная молодая девушка, которая отпустила его через десять минут и не произнесла за эти десять минут ни одного слова. С тех пор он всегда приходил в ее смену, молча кивал на вопрос «Как обычно?» и старался не вздрагивать слишком сильно, если она нечаянно задевала рукой его ухо.

Несколько ученых в Академии уже несколько лет исследовали связь между отношением к себе и тяжелыми болезнями. Они еще не закончили, но у них получалось, что, если как следует себя ненавидеть, можно заболеть так, что никакое лечение не поможет. Качественное, без кокетства, осознание собственной ненужности должно через какое-то время запустить механизм самоликвидации, заложенный в каждом. Эти ученые или нагло ввали, или искренне заблуждались, или он и в этом был хуже всех. У нормальных людей есть возможность свалить отсюда, не совершая резких движений, а для него такой возможности не осталось: у него куча мелких проблем со здоровьем, но ни одна из них не в состоянии его убить. Привет!

Еще один важный вопрос был в том, почему любое его действие, призванное сделать лучше, с издевательской неизбежностью делало хуже. Он уже давно это понял и много лет не дергался. И вот сегодня подумал, что нужно уговорить себя; заставить себя, если не получится уговорить; перестать врать, что все относительно хорошо и он справляется, и попросить о помощи единственного человека, которому есть до него какое-то дело. Точнее, насчет которого ему так показалось. На самом деле Яне не было до него дела, не было и не могло быть. Она просто очень воспитанная, а он, тупой ублюдок, принял ее вежливость за человеческий интерес. Сделал одно маленькое движение, и крючок тут же впился еще сильнее, еще глубже, еще безнадежнее. Стало только хуже, хотя еще вчера казалось, что хуже некуда. Он как рыба, которая умрет, разрывая собственные внутренности в попытках избавиться от крючка, потому что слишком глубоко заглотила наживку: рвется к освобождению, а приближается к смерти.

Игорь оторвался от окна, подошел к холодильнику и вытащил из него бутылку. Он пил только водку или самогон, другого алкоголя его организм не принимал. Хуже всего становилось от виски, коньяка и сладких вин, а игристое вино он боялся даже пробовать, заранее представляя, что может произойти. С большим трудом он умел выживать после джина, пива и сухого вина, но лучше водки все равно ничего не было. В последние годы он делал ее сам, чтобы избежать проблем с врачом, который запретил ему алкоголь. Наливал в широкий стакан и пил мелкими глотками, как воду. Если бы это увидел какой-нибудь другой человек, он бы сильно удивился. Но других людей вне занятий рядом с ним не случалось.

У него впереди два выходных и три учебных дня, а потом придется собраться с силами, пойти на занятия и увидеть Яну, иначе конец. Академия вкладывает в своих студентов огромные деньги, но и спрашивает соответственно. Ему официально разрешалось отсутствовать три дня без уважительной причины, при условии, что он сдает потом пропущенный материал, и это уже

считалось серьезным послаблением, многие не могли и этого. Если не прийти утром четвертого дня, начнет звонить Катя, как ответственная за группу, потом сотрудник администрации, а когда он наконец объявится, доктор Савинов заберет его с занятий, не спрашивая согласия, и устроит специальную экскурсию по аду.

Экскурсию по аду Игорь мог устроить себе сам и поэтому предпочитал лишний раз не показываться доктору на глаза.

Лос-Анджелес, Калифорния, США, август 14, 2077

— Чувак, проснись, — произнес мерзкий голос откуда-то справа, и ему захотелось не глядя звездануть источник звука кулаком. — Уже час дня.

Дерек попытался открыть глаза, но глаза не слушались. Интересно, басист приперся к нему домой или он вчера спьяну залогинил телефонный аккаунт в колонку от музыкального центра и теперь имеет удовольствие вести телефонный разговор с таким качеством звука? Хреновы изобретатели.

— Вставай, говорю. Ты проспичь концерт, сукин сын.

Концерт!

Скажи ему кто-нибудь двадцать лет назад, что перед концертом в Голливуд-боул он будет не грызть ногти от волнения, а надерется до потери памяти, он покрутил бы пальцем у виска. Но мечты иногда сбываются, он чертова рок-звезда, Голливуд-боул случался уже не один раз, и отчего бы не выпить, если все задрало до отвращения, а его лучший друг Стивен в последние месяцы близок к тому, чтобы выпилиться из-за надвигающейся чертовой войны с Аляской, которую вчера отложили большинством голосов Совета. Они со Стивеном оба вчера так обрадовались, словно решение не убивать людей прямо сейчас было чудом, а не нормой. Если в такой вечер начать ныть про завтрашний концерт, вместо того чтобы разделить с другом его состояние, то превратишься в полного мудака, каких он всегда терпеть не мог.

— Я не могу понять, это ты мне по телефону втираешь?

Ну и голос. Таким нужно озвучивать монстров в сериале про пришествие инопланетных захватчиков, а не петь на приличной площадке.

Вместо ответа его крепко схватили за ноги и что есть силы потащили куда-то в сторону.

— Да, блядь, по телефону. А сейчас по телефону я буду сбрасывать тебя в бассейн, чтобы ты продрал глаза.

Дерек сделал вялую попытку вырваться.

— Немедленно отпусти меня.

— Что будет, если не отпущу?

Сволочь. Вообще, если честно, Мэтт никакая не сволочь, а его друг, товарищ по группе и один из самых терпеливых людей на свете, но именно сегодня он играет роль настоящей сволочи.

— Получишь в морду.

Мэтт жизнерадостно рассмеялся.

— От тебя-то? Ну-ну. Для этого надо сначала научиться ползать на четвереньках, а потом принимать вертикальное положение. А потом, глядишь, нам вместе пора будет ехать на концерт.

Дерек застонал.

— Вертикальное положение! Это даже звучит невыносимо.

Мэтт снова засмеялся.

— Весело тебе, да?

— Если честно, не очень. Ты здорово задрал своей тонкой душевной организацией, старик.

— Мне, может, положено. Я гений, если ты не в курсе. — Дерек тоже попытался засмеяться, но вместо этого нахмурился от боли.

Все тело почему-то болело, как после хорошей тренировки. Нужно будет потом разузнать, что они с гребаным советником делали вчера. Вполне может быть, что танцевали танцы из индийских фильмов на барной стойке. И главное, каким образом все это вышло? Они со Стивеном начали с вполне приличного стаканчика виски в тихом дорогом месте: Стивен пил нечасто, а в таких местах и вовсе никогда, но был так поражен внезапной поддержкой коллег по Совету, что не мог дожидаться момента, когда они приземлятся за стол и сделают по первому глотку. Стивен сказал, что так удивился второй раз в жизни, а первый был, когда ему пришлось вести переговоры с христианскими террористами, угрожавшими взорвать церковь, где венчались однополые пары. И террористов ему внезапно удалось убедить. Хорошенькое дело, когда ждешь от правительства планеты такого же уровня адекватности, как от поехавшей группки религиозных фанатиков из леса. Несмотря на радостный настрой, формат вчерашней пьянки вообще не предполагал, что они нарежуются до того, чтобы не помнить конец вечера. Что могло пойти не так?

— В курсе, в курсе. — Мэтт пыхтел, удваивая усилие. Кажется, бассейн был уже недалеко. — Очень даже в курсе. Именно поэтому ты еще жив. Хотя голову полечить тебе пора уже давно, но ты же не слушаешь никого. А я тебе говорил показаться доктору сразу после возвращения из Белуджистана. От такого военные с двадцатилетним опытом лечиться идут, а тут ты. Гений, чтоб тебя.

Последний рывок. Резкая боль в пояснице — это какие-то новости, с чего вдруг спина?.. — удар, холод, и вот он уже отплеивается, вынырнув из воды.

Ежу понятно, что сейчас он как миленький придет в себя, может быть, даже встряхнется в кроссовки и пробежится, съест стакан свежевыжатого сока и плотный завтрак и к вечеру станет похож не только на человека, но и на лидера всемирно известной рок-группы. Концерт пройдет не сильно хуже, чем всегда, и вряд ли кто-то, кроме него, заметит, что он сипит на низах и лицо у него не такого однородного цвета, как должно. Но суть была не в этом, точнее не только в этом. Не в том, останутся ли довольны те, кто придет на его концерт. Суть была в том, что он сам понемногу переставал верить в то, что делает. Он подплыл к бортику, вяло взялся руками за металлическую лестницу, потом решил, что болтаться в бассейне одетым проще, хотя и противнее, чем мучительно пытаться прекратить этот процесс, расслабил руки, рухнул на спину и уставился в небо.

После того, что он видел в Белуджистане, стоило бы не врачу показаться, а пустить себе пулю в висок. Никакого желания жить на одной планете вот с этим — но, если так и сделать, станет хуже тем немногим, кому он может хоть чем-то помочь. Когда его несет в очередное место на Земле, где кто-нибудь решил в воспитательных целях уменьшить численность соседей, или отвоевать наконец независимость, как тот же Белуджистан, или просто накрылся природным катаклизмом, журналисты начинают публиковать его физиономию на первых полосах газет, и желающих прислать денег, или стать волонтером, или пустить беженцев к себе жить вдруг становится больше. И хотя ему решительно непонятно, почему без изображения перекошенного лица чувака, который пишет неплохую музыку, у многих не получается дойти до этих несложных в общем-то решений, но, пока работает вот так, придется продолжать. Даже когда совсем расхочется.

Нет, конечно, ему никогда не разонравится играть. Конечно, он всегда будет закрываться у себя в комнате с гитарой на несколько часов в день, как в детстве, и забывать выйти оттуда, чтобы пожрать. Но одно дело ковыряться в гитаре, сидя в одно лицо в комнате с плотными шторами, и совсем другое — рваться к орущей толпе. Нет, он ни в коем случае не относится к своим поклонникам как к людям второго сорта: вы тут вопите, а я звезда. Дело не в том, что ему не нравятся толпы, не в том, что ему неприятно, что так встречают именно его. Ему просто важно,

что он выходит на сцену не для того, чтобы пощекотать свое порядочно уставшее от щекотки самолюбие. А для того, чтобы что-то сообщить. Наверное, он идиот, который никогда не станет взрослым, и Джилл совершенно права, но в глубине души — хотя в какой там, к черту, глубине, он такой на сто процентов, каждой клеткой своего организма — Дерек до сих пор верит, что рок-музыка должна изменить мир. Он верит, что с его концертов люди должны выходить не просто довольными, а изменившимися, хоть немного, хоть на миллиметр. Конечно, сейчас в это мало кто поверил бы, но Дерек Гаррет никогда не мечтал о славе. Он и пальцем не пошевелил бы ради миллионных гонораров, престижных наград и толпы поклонников. Все это он проделал с единственной целью — забраться так высоко, чтобы его слова слышали миллиарды людей во всем мире. Чтобы они не отмахивались от него, когда он захочет с ними заговорить, а слушали его. Чтобы деньги, которые они ему заплатят, он тратил так, как считает нужным — на помощь таким же, как они сами. Да, Джилл права на тысячу процентов, он инфантильный идиот, который все еще верит в сказки. С ней, кстати, неизбежно придется расстаться в ближайшее время, иначе он начнет нажираться не только накануне важных концертов, но и прямо на важных концертах и даже вместо них. А это все-таки не то, что он может себе позволить.

От этих мыслей плавать в бассейне в одежде с жуткого похмелья стало совсем неприятно. Он совершил резкий бросок в сторону бортика, с трудом вылез и побрел к дому, оставляя мокрый след, который к кухне иссяк до цепочки из продолговатых лужиц. Лужицы напоминали стайку доисторических организмов, раньше срока решившихся на покорение суши. Ну и видок у него сейчас, наверное. То-то бы поржали его слушатели. Слушатели... Мечта всей жизни осуществилась — каждое его слово слышит миллиард человек, а повторяет десять миллионов. Более того, значительная часть этих людей не просто повторяют, а прекрасно понимают все его слова и искренне с ним согласны. И... что? Что дальше? Академия перестала строить шикарные жилые комплексы для студентов за счет подыхающих от голода африканских детей? Инвалидам в городе Ангарске, попадающим в восемнадцать лет в дом престарелых, потому что они не могут ходить, стало легче жить? Обитателям Аляски, которые всего лишь хотели заниматься наукой и делать жизнь лучше, а теперь их города сровняют с землей — и большое спасибо, что только города, а могли бы и их самих, начав войну прямо сегодня! — будет приятнее строить их заново? Конечно, ведь у нас есть Дерек, который рассказывает всему миру правду! Совсем другое дело. Можно, в принципе, и на улице пожить, зная, что ему не все равно. Сразу становится тепло, весело и верится в лучшее будущее. Он с отвращением выбирается из мокрых холодных штанов, оставляя их лежать на полу в увеличивающейся с каждой секундой луже. Он сделал то, о чем мечтал, и продолжает делать. Он всем все рассказал, и они даже поняли и согласились. На этом дело кончилось. Похоже, Академию можно победить только ее же методами. Поехать на Аляску, найти там опечаленных сложившейся ситуацией людей, уговорить их и вправду начать разработку оружия, долбануть ракетой по главному корпусу, плюнув на тех, кто еще не слишком хорошо все понимает, чтобы перестать там учиться, но и не сделал ничего настолько плохого, чтобы так закончить свои дни. Вот единственный способ, старик. Перестать размазывать сопли и ответить им тем же. Но это невозможно и не нужно, потому что если наши «они» и не наши «они» ничем не отличаются друг от друга, то разве не все равно, кто победит? Сделать, похоже, нельзя ничего. Ничего, ноль, черная линия, замкнутая в кольцо, внутри которого пустота. А значит, нет никакого смысла в тысячный раз идти к людям, которые и так уже с ним согласны, и говорить им очевидные вещи.

Но придется. Они, знаешь ли, уже купили билеты, уже потратили время и деньги, уже настроились и ждут тебя. Идти к ним не имеет никакого смысла, но ты не просто инфантильный кретин, а ответственный инфантильный кретин, поэтому ты пойдешь. Отличная перспектива, отличный день, отличная жизнь. Неудивительно, что в некоторые дни его начинают всерьез посещать мысли о тяжелых наркотиках и пуле в висок. Бухло в день перед важным концертом — это еще компромисс, чуваки. Это еще означает, что он старается.

Дубна, Центральная Российская республика, август 14, 2077

Яне понадобились почти сутки, чтобы переварить случившееся. Человек, который никогда ни с кем не разговаривает, судя по рассказам, позвонил ей, просто так, глубокой ночью, не совсем трезвый, как звонят только самым близким людям и только тогда, когда других вариантов не

остается. Разумеется, он ничего не нажимал по ошибке. Он хотел с ней поговорить, видимо очень хотел, раз решил, и, конечно, услышал блестящее выступление ее нового знакомого на фоне. И теперь, что тоже ясно как день, кроме сдержанного «привет» при встрече в Академии ей больше никогда ничего от него не услышать. Яна ощутила, что у нее есть ноздри, — а это случалось только в моменты самой чистой ярости. Хотелось открутить головы обоим и поменять местами, для красоты. Один, не удосужившись уточнить, кто звонит, кричит в трубку про адрес, не подумав, что это мог быть, например, Ярослав, увидев ее в сети. Второй не находит лучшего времени для внезапного коммуникационного прорыва, чем половина третьего ночи, после чего демонстративно покидает поле боя, уступая сопернику. Опять же ни о чем не подумав — например, что с ней что-то случилось, раз нужно кому-то диктовать в середине ночи адреса. Наверное, поменять головы местами недостаточно — лучше оторвать их и заменить на, допустим, куски стула-мутанта. Существенной разницы не будет — имеющиеся головы соображают примерно так же, как дерево. Теперь у нее есть мужчина, которого ей трудно выносить рядом с собой и которому она нравится, и мужчина, который нравится ей минимум как собеседник и о существовании которого можно забыть. Яна поняла, что больше всего на свете хочет подражаться или заплакать, потому что ничем другим выразить ее чувства нельзя, а делать с ними что-то надо, но слезы не появлялись. Она вообще плакала очень редко, а в случаях, когда другие люди плачут, часами сидела в одной позе, глядя в одну точку и ни с кем не разговаривая.

В восемь вечера в субботу Никита собирался в гости к своему другу, тому самому, с которым был вчера в клубе, и очень просил Яну к нему присоединиться. Яна не хотела видеть Никиту снова так быстро, но склонялась к тому, что лучше согласиться. Во-первых, ему будет приятно, а ей не так уж и трудно. А во-вторых, других вариантов все равно не было. Катя вечером встречалась со своим новым увлечением, с другими людьми из их группы Яна познакомилась не настолько близко, чтобы звонить и приглашать куда-то вечером, а про существование Игоря можно забыть. Оставалось либо пойти с Никитой в гости, либо провести вечер в одиночестве и размышлениях на фундаментальную тему «почему все так». Яна подошла к зеркалу в прихожей и принялась изучать себя взглядом, каким ее отец обычно смотрел на пассажиров общественного транспорта, когда ему еще случалось изредка им пользоваться. Какая она все-таки дурочка. Вчера ночью она не могла здраво соображать, иначе ей не пришлось бы в голову радоваться, что едва знакомый человек напился и звонит в совершенно неприличное время. И вообще, она же, кажется, твердо решила, что принимать близко к сердцу такого человека, как Игорь, значит совершать медленное моральное самоубийство.

Яна запустила пальцы в волосы и сжала голову с двух сторон, словно хотела таким образом удержать эти мысли. Она знала, что пытается себя обмануть, и от этого только сильнее раздражалась. Если бы у нее была надежда на то, что Игорь может позвонить снова, она бы послала все остальное к чертовой матери, забыв про здравый смысл. Но такой надежды не было. А значит, оставалось только убедить себя в том, что он ей не нужен. Повторив про себя несколько раз, как заклинание, что от Игоря нужно держаться подальше и очень хорошо, что все так сложилось, Яна отошла от зеркала, выпила большую чайную чашку холодной воды и вызвала Никиту.

— Привет! — сказала она, изо всех сил стараясь говорить веселым голосом. — Я все-таки надумала пойти. Где встречаемся?

— А почему ты не звонишь мне с видео? Я бы с удовольствием на тебя посмотрел!

Яна вонзила ногти в ладонь.

— Я очень редко так делаю. Предпочитаю смотреть на людей при встрече. Кстати, о встрече — так где?

Глава третья

Из облачного дневника Джаспера Кэмерона, запись только для автора, октябрь 2, 2077,
Палмер, республика Аляска

Сегодня четырнадцать лет со дня смерти Мэннинга. Говорили, должно было отпустить после пяти, но почему-то становится только хуже.

Наверное, дело в том, что это годовщина смерти не просто близкого человека, а самого близкого за всю мою жизнь. Родителей я любил, но они постоянно напоминали мне, что я получился хуже, чем должен был, по их первоначальному плану. Я всегда был Джаспером, который-не-сделал-чего-то-еще. Если я хорошо учился, то плохо убирался в комнате, если хорошо убирался в комнате — не слишком вежливо себя вел в гостях у тети Лилли, если и там вел себя хорошо — неправильно причесывался. Когда я стал постарше, то плохо стало вообще все: если у меня была девушка, то это была неподходящая девушка, а если девушки не было, они очень волновались, что я так и сдохну одиноким. Когда меня приняли в члены Академии из студентов, оказалось, что это не повод для гордости, а скверный факт, потому что «теперь от меня отвернутся все товарищи». Когда я ушел из Академии... Когда я ушел из Академии, то просто стал черным пятном на славной репутации этой добропорядочной семьи. Все, что я делал, оказывалось зря, не вовремя и не так. Все, чего я избегал, при этом нужно было делать. Никогда и никому, кроме себя, я не смогу в этом признаться, да и себе признаюсь с трудом, но, когда они погибли, мне стало легче. Я очень горевал первое время, но огромный груз упал с моих плеч, когда я понял, что больше не обречен разочаровывать их каждый день своей жизни.

А Мэннинг... Я полюбил его как родного с первых же произнесенных им слов. Мне было пятнадцать, и я просился к нему в группу, где учились ребята старше на два-три года. Он полистал мои работы, отложил их в сторону — как мне тогда показалось, намного быстрее, чем должен был, — и спросил:

— Как ты понял, что тебе интересно именно это?

А я, нисколько не задумываясь, серьезно ответил:

— Потому что это самое главное.

Он удивился и скептически уточнил (видимо, решил, что я не понимаю, о чем говорю):

— Самое главное?

И тогда я еще серьезнее объяснил:

— Ну да. Они думают, где взять энергию и новые материалы, как лечить людей и летать в другие галактики и из чего состоит шаровая молния. А я хочу знать, как так вышло, что все это вообще существует.

И тогда Мэннинг засмеялся, радостным и совсем необходимым смехом, и сказал:

— А ведь ты совершенно прав, это действительно самое главное.

И, протянув мне руку, добавил:

— Я тебя беру.

Я до сих пор храню распечатанную фотографию самого себя, которую сделал в тот день. Мне пятнадцать лет, я очень смешной, лохматый, с челкой до кончика носа, в клетчатой рубашке, и у меня такое счастливое лицо, что теперь я опасаясь ее доставать. Года три уже не видел.

С того самого дня и до самой смерти Мэннинг был моим вторым отцом. Он научил меня всему, и не только в науке, но и в жизни — чему-то специально, чему-то нечаянно, просто находясь рядом со мной и подавая пример. Он был великим человеком, а я всегда был для него молодцом. Это поражало больше всего. Профессор, которого я готов был слушать, открыв рот, никогда не ругал меня. Иногда он разбивал в пух и прах мои мысленные построения, но всегда добавлял, что я просто молодец, что об этом подумал. Наверное, поэтому я любил его так сильно — намного

сильнее, чем родного отца. Он гордился мной. Он радовался моим достижениям и поддерживал в моменты неудач. Он никогда не поджимал губы, никогда не обвинял. Я был для него любимым Джаспером. Даже тогда, когда нес полную чушь, или некрасиво себя вел, или отчаивался. Даже получая его критику, его замечания, его просьбы больше так не делать, я чувствовал, что он не перестает меня любить и гордиться мной. Удивительное чувство, которого не могли дать мои родители — что даже если сейчас я плохой и ошибаюсь, то я все равно хороший и прав, потому что «сейчас» пройдет, а «всегда» останется. Он, а не мать и не отец, пережил со мной все мои достижения в учебе, все мои победы над собственным характером, все первые и последние свидания. И даже когда я однажды подрался с оппонентом вместо того, чтобы привести ему научные аргументы, он потрепал меня по голове и сказал: не стоило применять кулаки, ведь ты мог победить его мозгами. Вот и все, что он мне сказал. Мать позвонила и визжала, что я позор семьи, потому что меня «взяли в приличное заведение, а я веду себя как уличная шпана». Одно предложение, сказанное им, научило меня большему, чем получасовая родительская истерика. Он говорил, что я мог бы поступить лучше, умнее и правильнее. Они — что я поступил неправильно, глупо и плохо, потому что это единственное, на что я способен.

Раньше я очень любил один старенький, середины нулевых, альбом отличного армянского дедушки из Лос-Анджелеса (на момент записи альбома он был еще вполне молод, но я всегда вспоминаю его дедушкой, каким впервые увидел). А теперь дослушиваю до слов «Я любил тебя вчера, пока ты не убил мою семью»² и начинаю рыдать, как маленький ребенок. Эти самые четырнадцать лет и не слушаю, хотя раньше крутил от начала до конца пару раз в неделю. Не могу. В последнюю попытку не дослушал не только до этих слов, но даже до этой песни — просто знал, что она там будет, и заплакал заранее. Я бы мог написать эти слова на лбу. Я обожал свое дело, обожал Академию, хоть и понимал, что Мэннинг прав и она все сильнее отклоняется от своих же принципов, а потом они убили его. Убили мою семью. И я возненавидел все то, что любил раньше. Так же сильно, как раньше любил. Нет, сильнее. Намного сильнее.

Четырнадцать лет, как у меня не осталось ничего. Многие не поняли, почему я ушел. И я не знаю, как им объяснить. Они убили его, моего учителя, самого дорогого мне человека. Убили за одно выступление. Им стало неважно, что он уже сделал для науки и что еще сделает, неважно, полезен ли он — один раз он открыл рот, чтобы рассказать миру об их настоящей сущности, и его не стало. Я не могу осуждать других, тех, кто остался. Они по-своему правы: мне тридцать восемь лет, и я не достиг ничего. Я знаю многих, кто хотел бы уйти из Академии, но понимает, что без них она станет еще хуже, еще опаснее, еще дальше от науки, и остается. Я несколько их не осуждаю. Иногда я им даже завидую. Наверное, было бы лучше, если бы и я смог остаться.

Но я не могу. Я любил вас, пока вы не убили мою семью.

А теперь ненавижу. И проклятое второе октября ненавижу, и, сколько бы лет ни прошло, не забуду о втором октября шестьдесят третьего.

Пойду выпью за Мэннинга. Нарезусь как следует. Говорят, что со временем должно становиться легче, но никто так и не смог внятно объяснить, с какого хрена. Если ты не впадаешь в маразм, когда становится легче по понятным причинам, с каждым годом только хуже. Скоро пройдет еще четырнадцать лет, мне будет за пятьдесят, и я так и останусь человеком, который ничего не достиг, потому что не может работать с людьми, убившими его дядю Роберта. С тех пор как я стал академиком, он называл меня «дядя Джаспер», а я его «дядя Роберт». Мне было двадцать четыре, а ему пятьдесят девять. Он называл меня «дядя» и очень гордился мной.

А через пять месяцев и неделю его убили.

² Альбом Серджа Танкяна *Elect the dead* (2007); цитируется песня *Empty walls*.

Дубна, Центральная Российская республика, октябрь 4, 2077

Яна вышла во внутренний двор в перерыве, чтобы встретиться с Никитой и пойти обедать в главный корпус. Они проводили вместе почти каждый вечер и все выходные, общались с Катей и ее парнем, тем самым, с которым она познакомилась, когда Яна утащила всех из «Парка», одноклассниками и друзьями Никиты. Катя оставила свои мысли о том, что ее внимания может быть достоин только студент Академии, научилась хоть иногда молчать и нравилась Яне все больше с каждым днем. Никита стал еще круглее и улыбчивее. Она по-прежнему не испытывала к нему каких-то бурных чувств, но привыкла и привязалась. Ярослав убедился, что ей ничто не угрожает, звонил все реже и допрашивал все менее тщательно. Если так пойдет и дальше, скоро он будет ограничиваться вопросом «как дела?» и переходить к своим новостям сразу после ответа «спасибо, хорошо». Все менялось к лучшему.

У нее оставалось только две проблемы. Первая была очень глупой и очень личной, Яна ни с кем не решалась говорить о ней. Неделю назад на вопрос Никиты, не хочет ли она отказаться от презервативов, чтобы их волшебный секс стал еще лучше, она соврала, что у нее аллергия и ей не подходит ничего из современных средств, только защищенные контакты. Соврала прежде, чем успела понять, что говорит. Теперь ей было стыдно перед ним. Стыдно за то, что она сказала неправду, даже не потрудившись подумать, как лучше объяснить свой отказ. А еще больше за то, что ей хотелось целиком заворачивать его в латекс, прежде чем ложиться в постель, чтобы получать механическое удовлетворение, не чувствуя вкуса его кожи и запаха волос.

Второй проблемой был Игорь. Как она и думала, после того ночного звонка он не сказал ей ни слова. Иногда здоровался первым, когда они случайно оказывались рядом, всегда вежливо отвечал на ее приветствие, но старался отойти как можно быстрее. Несколько раз он пропадал на два-три дня без всяких объяснений. Катя говорила, что это нормально и он делает так все время, но каждый раз, видя, что его нет, Яна чувствовала ледяную руку на сердце. Потом он так же неожиданно появлялся, худой, какой-то серый, с темными кругами под глазами, как после болезни или бессонницы, одетый в идеально чистую и выглаженную одежду, которая только сильнее подчеркивала его нездоровый вид. Он не только не разговаривал с ней, но и не смотрел в ее сторону. Даже когда она говорила на занятиях и вся группа поворачивалась к ней, он изучал пол, стенку или кого-нибудь другого. Очень редко, пару раз за эти недели, она ловила на себе его быстрый взгляд; увидев, что она тоже на него смотрит, он тут же отводил глаза.

Яна посмотрела на время. Никита не появлялся. Она подумала, что через три минуты нужно будет позвонить ему, иначе они могут не успеть пообедать, и увидела Игоря. Он, как обычно, читал, не обращая внимания на окружающее. Она давно поняла, что видела его только в трех состояниях: присутствующим на занятии, идущим куда-то и сидящим на скамейке. Он никогда не обедал, не стоял у кофейного автомата, никому не звонил и не здоровался со знакомыми. Сегодня он появился после двух дней отсутствия, за которые она успела перебрать все варианты того, что с ним могло произойти. Яна вдруг пошла в его сторону, не успев толком сообразить, что делает, и молча присела рядом, не спрашивая разрешения.

— Привет. — Игорь, не глядя на нее, закрыл книгу и собрался встать.

— Привет. Подожди, пожалуйста, — попросила она и посмотрела на него. — Можно я кое-что у тебя спрошу?

— Да, — сказал он после секундного сомнения, открыл книгу на том же месте, на котором остановился, и уставился на страницу.

— Почему ты исчезаешь с занятий?

Он перевернул лист. Было видно, что он не читает, а думает над ответом.

— Не знаю, как ответить на этот вопрос.

— Я волнуюсь, когда ты не приходишь, — тихо сказала она, понимая, что все бесполезно и сейчас он все-таки встанет и уйдет.

— Все в порядке. Не волнуйся. — Игорь снова закрыл книгу и приготовился встать, но в эту секунду над ними навис стремительно взявшийся откуда-то Никита.

— Привет, любимая, прости, что опоздал! — радостно выпалил он, наклонился и звонко поцеловал Яну в щеку, потом повернулся к Игорю и протянул ему руку: — Никита!

Игорь поднял на него глаза. Казалось, он искренне не понимает, что значит возглас «Никита!» в сочетании с открытой ладонью. Повисла тяжелая пауза.

— Меня зовут Никита, — повторил он тоном, каким медсестры в психиатрических больницах обращаются к пациентам, — а тебя?

— Вас, — сказал Игорь, глядя на него так, словно это он был медбратом в психиатрической больнице, а Никита, наоборот, пациентом, который в своем больном сознании поменялся с ним ролями. — Мы не договаривались быть на ты. Мне пора идти, извините.

Яна перевела на Никиту испуганный взгляд. Он тяжело дышал, как после пробежки в хорошем темпе.

— Слушай, ты! Может, перестанешь так себя вести и поздороваяешься с человеком, который не сделал тебе ничего плохого?

Игорь убрал книжку, не обращая на Никиту внимания. Тот вдруг развеселился.

— Что, нравится Яна, да? — Он издевательски улыбался. — Обидно, что она встречается со мной, а ты для нее пустое место?

Яна собралась вмешаться и возразить, что никто из присутствующих для нее не пустое место, но тут Игорь резко встал и посмотрел Никите в глаза.

— Все намного проще, — сказал он. — Мне не нравитесь вы.

— Ты посмотри на него! — весело предложил Никита, повернувшись к Яне. Он продолжал улыбаться, его злость выдавали только красные пятна на щеках. — Зачем таких сюда вообще берут, я не понимаю?

— Еще одно слово, и мне придется вас ударить, — сказал Игорь, не сводя с него глаз.

Он постоял несколько секунд, чтобы проверить, продолжит Никита говорить или замолчит, а потом быстрым шагом пошел к пятому корпусу, где у них по расписанию должно было быть следующее занятие. Яна проводила его взглядом.

Никита тоже смотрел ему вслед, открыв рот.

— И много у вас в группе таких? — наконец спросил он, утомленно опускаясь на скамейку рядом с ней. — Ему же лечиться надо, а не учиться!

Яна сосчитала до трех.

— Можешь мне не верить, но он умеет вполне нормально разговаривать. И вообще интересный человек.

Никита воззрился на нее так, как будто она только что сообщила, что обожает есть на завтрак живых грудных младенцев.

— Что ты сказала?

— Я думаю, ты слышал, что я сказала.

— Ты что, его защищаешь? Это, по-твоему, в порядке вещей?

Несколько секунд они смотрели друг на друга, казалось, что сейчас они впервые поссорятся. Потом Яна тяжело вздохнула.

— Давай поговорим вечером, — предложила она. — А сейчас пойдём обедать, я умираю от голода.

Вечером после занятий, когда большая часть группы уже вышла, а немногие замешкавшиеся собрались уходить, в аудиторию зашли трое мужчин. Один пониже ростом и постарше, двое высоких и молодых. Все трое были одеты в похожие черные костюмы. Игорь понял, что они к нему, еще до того, как старший улыбнулся и, глядя на него почти ласково, спросил:

— Игорь Владимирович?

Он кивнул.

— Я из службы безопасности. Вы не могли бы пройти со мной?

Игорь снова кивнул. По-хорошему, нужно было спросить, как фамилия человека, который с ним разговаривает, и что случилось. Сотрудники службы безопасности редко представлялись первыми, но были обязаны сделать это по требованию. Он почувствовал, как на рубашке под пиджаком расплываются пятна пота, еще раз кивнул и молча вышел в коридор.

Мужчина постарше шел впереди, Игорь за ним, а по бокам от него двое молодых сотрудников. Наверное, у них при себе даже было оружие, словно он опасный преступник. Они дошли до лифта, поднялись на восьмой этаж, где мало кто бывал, прошли по длинному полутемному коридору. Из кабинета, куда они вошли, вела еще одна дверь. Парни остались, а мужчина, с которым он говорил, прошел в дверь, кивнув Игорю, чтобы шел следом.

Его глазам открылась небольшая и очень светлая комната, в которой помещались огромный письменный стол, такое же огромное кожаное кресло, еще одно кресло поскромнее, для посетителей, и кожаный диван в углу. Мужчина толкнул кресло для посетителей Игорю, и он едва успел его поймать. Еще секунда, и оно врезалось бы в него на хорошей скорости.

— Садитесь, пожалуйста, — по-прежнему мягко сказал мужчина и приземлился на диван, положив ногу на ногу. — Меня зовут Александр. Отчество не обязательно.

Он улыбнулся и посмотрел на Игоря, будто ожидая от него каких-то слов.

— Вы не хотите спросить, почему вы здесь?

Игорь попытался сказать, что хочет, но не смог. Язык прилип к небу, как будто он наелся универсального клея.

— Ну и отлично. — Александр снова улыбнулся. — Игорь Владимирович, хочу сразу предупредить вас о некоторых вещах. Во-первых, не волнуйтесь. То, что вам пришлось сюда подняться, само по себе ничего не означает.

Он говорил таким вкрадчивым голосом, что становилось понятно: волноваться нужно, выйти отсюда будет нелегко, а тот факт, что Игорь здесь, означает очень и очень многое. Игорю показалось, что его желудок с разных концов выкрутили в противоположные стороны, как делают с одеждой после ручной стирки.

— Во-вторых, — продолжил его собеседник, — говорите правду. Даже если вам покажется, что она мне не очень понравится.

Холодный пот, ползущий по спине, просочился под ремень брюк и добрался до резинки трусов.

— В-третьих, если у вас возникнут какие-то вопросы, спрашивайте. Все понятно?

Игорь кивнул.

— Отлично. — Улыбка Александра стала еще шире. — Вы меня радуете, Игорь Владимирович. Я могу называть вас просто Игорь?

Он снова кивнул.

— Еще лучше. — Александр поменял ноги местами и стал серьезным. — Я думаю, вам прекрасно известно содержание вашего личного дела.

— Да, — сказал Игорь. Желудок выкрутило еще сильнее.

— И, я уверен, вы знаете, что в вашем случае особенно нежелательно привлекать наше внимание. Даже не слишком серьезными вещами.

— Я прошу прощения. — Голос Игоря звучал сдавленно, как будто его душили. — Мы не могли бы перейти к сути дела?

Александр нахмурился.

— Вы неважно себя чувствуете? Может быть, я могу предложить вам воды? Или еще чего-нибудь?

Игорь помотал головой.

Александр снова расплылся в улыбке. Игорь подумал, что этому мужчине, должно быть, очень нравится его работа — сидеть и добродушно улыбаться, наблюдая, как человек напротив от страха превращается в пятно слизи на полу. Он решил не обращать внимания на его улыбку и глубоко дышать, чтобы сохранить хоть какую-то ясность сознания. Служба безопасности могла заинтересоваться им по двум причинам: его милое увлечение изготовлением запрещенного ему алкоголя и сегодняшний случай во дворе. У некоторых студентов, среди которых был Игорь, стояло ограничение на использование средств со счета. В его случае это было ограничение на покупку алкоголя — пить ему запретил доктор, и Академия старалась контролировать запрет. Отчет обо всех операциях по его карте за месяц приходил в администрацию Академии. Если все было хорошо, его не трогали. Все было относительно хорошо — алкоголь он не покупал, но покупал сахар по десять килограммов в месяц, и рано или поздно этот факт мог привлечь к себе внимание, несмотря на попытки распределить его среди остальных заказов так, чтобы цифры не очень бросались в глаза. Если служба безопасности узнает, что сахар он кладет не в чай и не копит про запас, ему грозила в лучшем случае больница, а в худшем отчисление.

А если дело было в сегодняшнем разговоре с пухленьким румяным мальчиком Яны, ему, по выбору конкретного сотрудника, могли светить очень разные вещи. Вообще обещание дать кому-то в морду — относительно рядовая вещь даже в таком правильном хрустальном обществе, какое попадало в Академию. Но у Игоря особенный случай. Александр правильно заметил, что с таким личным делом, как у него, не только не стоит угрожать другим людям, но и дышать лучше тихо, редко и осторожно, дабы не привлекать к себе внимания. А Игорь сегодня не сдержался, и мальчик, конечно, побежал жаловаться, как только он скрылся из виду. Представить, что это сделала Яна, он почему-то не мог. Скорее всего, она в курсе и не против, но инициатива точно исходила от него.

Конечно, в любом из этих двух вариантов он виноват сам и молча поставит свою подпись под любым постановлением. Не нужно пить, если тебе запретили, и раздавать такие обещания, а если пьешь и раздаешь, будь готов к последствиям. Он был готов.

— Я вижу, вы успокоились. — Александр зачем-то посмотрел на свою правую ногу в дорогом ботинке, блестящем, как зеркало. — Это замечательно. Вы знакомы с человеком по имени Никита Лухманов? Он учится на курс младше вас, Игорь.

Все-таки пухленький мальчик Яны.

— Нет, но он пытался сегодня со мной познакомиться.

— Пытался? — Александр поднял брови. — Что это значит?

— Его желание познакомиться не было взаимным.

— Понятно, — задумчиво сказал он. — Игорь, ваше положение очень серьезно. Я надеюсь, что вы будете говорить мне правду. У нас и раньше были к вам вопросы, если вы понимаете, о чем я.

— Понимаю. И говорю правду.

Александр наклонился к нему.

— Он утверждает, что сегодня днем вы подкараулили его во дворе, когда все были на обеде, схватили и собирались избить. — Дурацкая добрая улыбка наконец убралась не только с его лица, но и из глаз. — Это довольно серьезное обвинение, Игорь. Особенно с учетом информации из вашего личного дела. Боюсь, что вас ждет не только отчисление, но и несколько месяцев тюрьмы. Разумеется, мы проконтролируем, чтобы ваши права не были нарушены и все условия соответствовали должному уровню, но вы же понимаете, что такое тюрьма, даже самая лучшая, правда?

Последние слова он слышал как будто через слой ваты. Тошнота поднималась все выше. Игорь был готов отвечать за все свои слова и действия, а личность Никиты представлял далеко не в розовом свете, но тот побежал на восьмой этаж не жаловаться. Он побежал на восьмой этаж, чтобы соврать и избавиться от него — избавиться жестоко, подло и наверняка.

— Если бы я его ударил, были бы следы. — С трудом произнес Игорь после долгой паузы. — Это ведь можно проверить.

— Он говорит, что вы не успели его ударить, он смог вырваться и убежать. Случай спорный, в том-то и дело. Проверить его слова никак нельзя. Дело происходило в одном из немногих уголков двора, куда не достреливает ни одна из камер наблюдения. Мы уже исправили это упущение, кстати. Я не исключаю, что вы не совершали того, в чем вас обвиняют. Более того, вполне может быть, что он решился выдвинуть обвинение именно потому, что откуда-то знал об отсутствии видеозаписи. В этом мы, конечно, тоже будем разбираться. Но я должен услышать вашу версию произошедшего, и хорошо бы, чтобы она звучала достаточно убедительно.

Игорь почувствовал, как тошнота становится невыносимой.

— Извините, — проговорил он, — мы не могли бы прерваться на несколько минут?

— Вам все-таки нехорошо? — Александр нахмурился. — Могли бы сказать сразу, когда я спрашивал. Принести воды? Что-то из лекарств? Может быть, проводить в туалет?

Игорь из последних сил кивнул. Дорогу он видел сквозь густую белую пелену. У двери Александр оставил его. Он закрылся в сверкающей белой комнате, упал на колени перед унитазом и понял, что успел в последнюю секунду. Его вытошнило отвратительной едкой бледно-желтой прозрачной жидкостью; она так обожгла горло, что защипало в носу, а глаза стали мокрыми. Он ужинал вчера вечером и с тех пор пил только воду, в желудке было пусто, но внутренности продолжало выворачивать наизнанку. Несколько чудовищных минут он провел, стараясь выжать из себя что-нибудь еще, чтобы тошнота отпустила, по лицу тек ледяной пот. Наконец вторая волна вонючей жидкости выплеснулась в унитаз, горло обожгло совсем невыносимо, и к поту добавились слезы. Стало намного легче, но встать было еще страшно.

Александр говорит, случай спорный, значит Никита скрыл, что Яна была свидетелем их разговора. Скорее всего потому, что она отказалась врать, но и давать показания в его пользу ей, разумеется, ни к чему. Видимо, она сказала что-нибудь вроде «разбирайтесь сами». Заявить, что у него есть свидетель, значит выставить себя полным идиотом — они оба будут отрицать этот факт, и без того кислое доверие Академии будет окончательно утрачено. Значит, варианта два: рассказать, как все было на самом деле, и надеяться на чудо, или признаться и отправиться в тюрьму. Учитывая, что личное дело Никиты практически стопроцентно такое же гладкое, как отвратительная рожа, а его собственное личное дело этим похвастаться не может, решение с вероятностью девяносто девять целых и девяносто девять сотых процента вынесут не в его пользу. Какой смысл верить человеку, к

которому есть вопросы, когда можно поверить тому, к кому вопросов нет? Ему не выйти отсюда, это ясно как день.

Игорь встал. У него противно подрагивали колени, но тошнота прошла. Он добрел до раковины, набрал ледяной воды в рот, выплюнул ее, умылся. Из зеркала на него смотрело лицо покойника. Предсказуемый финал. Глупо было верить, что он действительно станет ученым и будет жить долго и если не счастливо, то хотя бы тихо.

— Я подпишу признание, — сказал он Александру, который терпеливо ждал его неподалеку от двери. — Не вижу смысла тратить ваше время. Мне все равно никто не поверит... я не принимал участия в проекте «Равные возможности».

— Игорь. — Александр взял его за локоть и пристально посмотрел в глаза, от его взгляда снова сделалось нехорошо. — Какие, к черту, возможности?

— Равные. Вы ведь можете открыть мое личное дело. Однажды мне уже не поверили, потому что мое слово ничего не значило против слова активистки и участницы проекта «Равные возможности». Давайте сэкономим время и просто назначим мне наказание.

— Я уже читал ваше личное дело. И в последний раз спрашиваю: вы совершали то, в чем вас обвиняют? Поймите, моя задача не наказать вас, а выяснить правду. Если бы я хотел, чтобы вы признались, вы бы уже давно сделали это. Просто поверьте мне.

Игорь внимательно посмотрел на него. Может быть, все-таки стоит попытаться воспользоваться сотой долей процента, которая у него есть.

— Нет. Я обещал ударить его, если он не замолчит, но не пытался этого сделать.

Они вернулись в кабинет. Александр уселся на диван, посмотрел на Игоря и покачал головой.

— И почему вы обещали его ударить? Он вас чем-то оскорбил?

Игорь на несколько секунд замешкался, потом кивнул и тяжело опустился в кресло.

— Вы не могли бы рассказать, чем именно?

В дверь постучали.

Александр нахмурился.

— Я просил нас не беспокоить!

Стук повторился. Он резко встал и вышел, и Игорь остался в кабинете один.

Палмер, республика Аляска, октябрь 3, 2077

Тревор опустил рулонную штору, от чего в полутемной комнате стало совсем темно, и включил яркий свет над столом. То, на что можно было посмотреть за окном, не вызывало у него никакого энтузиазма. Гор на горизонте уже почти не было видно в сумерках и дымке, висевшей в воздухе из-за ночного похолодания. Словом «похолодание» Тревор мог назвать это с трудом, по его калифорнийским меркам это скорее было переходом от холода к проклятому холоду. На противоположной стороне улицы с неожиданным на Аляске названием «улица Аляски» светилась автоматическая заправочная станция с небольшим магазином и парковка рядом. Командировка затянулась даже дольше, чем он ожидал в самом оптимистичном варианте. Прошло почти полтора месяца с момента, как он вышел из самолета, в Палмере к этому времени остались только экстренные службы, военные и он. И Джаспер Кэмерон, из-за которого он тут и торчал.

От безделья и угнетающей погоды Тревор перепробовал самые нетипичные для себя виды отдыха: бегал по городу, по горам, ловил рыбу, поднимался на гору с замечательным названием Южный пик самоубийц, ходил по пешеходным маршрутам, глядя на тускло-оранжевую лесотундру. Виды

наводили лишь на одну мысль: человек на Земле только мешает. Без него намного спокойнее, чище и красивее. Несмотря на ужасное депрессивное воздействие, которое оказывала на него Аляска своим холодом и суровой, хоть и красивой, природой, он был очень рад, что Бланш тогда не шутила и не проверяла его, как он сначала решил. Ей действительно нужен был живой Кэмерон. Нужен настолько сильно, что она ввязалась в какую-то по большей части скрытую от его глаз игру и сдержала обещание: Аляске дали время, чтобы эвакуировать всех жителей, спрятать самое ценное под землю и хоть немного подготовиться к обороне. Словом «оборона» это назвать будет сложно — тут некому обороняться, да и смысла в этом мало, Академия превосходит по силам любую отдельно взятую страну мира, даже США целиком, не говоря уже про один маленький независимый бывший штат. Скорее экстренное координирование с целью уменьшения ущерба. Ужасно интересно было бы спросить, почему именно Кэмерон и какие у нее на него планы. При встрече он обязательно задаст этот вопрос, только получит ли честный ответ?

Невероятно, но он искренне радовался тому, что чудовищная, несправедливая бомбардировка, которой ожидали со дня на день, случится так поздно и почти не затронет граждан страны. Это вариант, о котором еще несколько месяцев назад нельзя было даже мечтать — тогда казалось очевидным, что в один прекрасный момент их сотрут с лица земли без предупреждения. Тревор подошел к холодильнику, достал бутылку пива с полки, целиком забитой такими же аккуратными маленькими бутылками, открыл ее и бросил крышку в небольшой контейнер с надписью «металл». Он уже много раз велел себе перестать этим заниматься и сбрасывать мусор в один большой мешок, потому что мусор, собранный для переработки сейчас, скоро разбомбят, вместо того чтобы переработать, но привычка оказывалась сильнее — он действовал по мирным правилам до того, как успевал это осознать.

В Палмере он с помощью госпожи Президент замаскировался под сотрудника пожарной службы, командированного из Джуно, — благо квалификация отлично позволяла не только маскироваться, но и поработать на настоящем пожаре при необходимости. Пожаров, правда, не случилось. Если не считать нападения вооруженных сил Академии, тут не происходило ничего плохого. Тишина, собаки, пиво, холод и очень добрые люди. Даже те трое во всей стране, включая госпожу Президент, которые знали, кто он на самом деле такой, относились к нему намного добрее, чем он ожидал и, как он подозревал в глубине души, чем заслуживал.

Дубна, Центральная Российская республика, октябрь 4, 2077

Александр вернулся в комнату, сел напротив него и посмотрел так, как будто хотел просверлить в нем дырку.

— Игорь, — сказал он, скрестив руки на груди и глядя ему в глаза, — это несерьезно.

— Не понимаю, о чем вы.

— Пострадавший отрицает существование свидетелей. Обвиняемый молчит о существовании свидетелей. Почему я узнаю о существовании свидетелей от свидетелей? — Он не отрывал от Игоря сверлящего взгляда. — Здесь что, детский сад?

Игорь молчал. Он совсем перестал понимать, что с ним происходит.

— Каких свидетелей? — неуверенно спросил он.

— Я вынужден повторить свой вопрос насчет детского сада.

— Какого детского сада?

Кажется, он близок к тому, чтобы упасть в самый настоящий обморок. Кружится голова, одновременно жутко хочется есть и возвращается тошнота, перед глазами маячит мужик в черном костюме, похожий на героя старых фильмов про мафию, и страшит то тюрьмой, то детским садом.

— Нашелся свидетель, готовый дать показания в вашу пользу. Я вообще не должен этого говорить, но с вами особенный тяжелый случай, — доходчиво сообщил Александр. — В вашу пользу, Игорь. Но, если вы сейчас не скажете мне, кто был третьим при вашем с Никитой Андреевичем разговоре, у меня возникнут сложности. Если и пострадавший, и обвиняемый отрицают, что свидетели есть, возникает подозрение, что человек врёт и свидетелей все-таки не было. Конечно, в итоге мы все выясним, но я был бы благодарен вам, если бы вы помогали мне по мере сил, а не мешали.

Игорь крепче вжался в кресло, чтобы не упасть на пол, когда сознание его покинет.

— Так что? Кто-нибудь присутствовал при вашем разговоре?

Из последних сил он попытался собраться и обдумать внезапно пришедшую ему в голову мысль. Мысль казалась совершенно безумной и не хотела обдумываться. А вдруг Никита не сказал Яне о своем визите сюда, надеясь, что с ним разберутся раньше, чем она об этом узнает? Он бы тихо исчез с занятий, и никто не стал бы рассказывать всей группе, почему. Наверняка отец Яны в обход правил может выяснить все про любого человека, но она никогда бы не стала его о таком просить, в этом Игорь был уверен. Если и Никита был уверен, что Яна не станет обращаться к отцу, он мог обвинить Игоря в расчете на то, что его посадят, а она никогда не узнает, за что, и не свяжет это с сегодняшними событиями.

— Да, — наконец сказал он. — Извините, что не сообщил сразу. Я был уверен, что этот человек не захочет, чтобы мы его втягивали.

— Уже лучше. Теперь скажите мне, кто это, и мы с вами очень продвинемся в поиске истины.

— Конечно. — Игорь посмотрел ему в глаза; обморок откладывался. — Это девушка, она учится в моей группе. Ее зовут Яна Ярошенко.

Яна подняла глаза, услышав шаги за дверью. В комнате появился улыбчивый мужчина, который разговаривал с ней в самом начале. За ним вошел Игорь. Он никогда не выглядел цветущим, а сейчас и вовсе был похож на мертвеца. Он поднял голову и посмотрел ей в глаза, второй раз за все время, которое они были знакомы, и первый с тех пор, как они попрощались у него во дворе. Он смотрел так, как будто боялся поверить, что она ему не мерещится. Как все-таки хорошо, что Катя вообще не умеет молчать. И на звонок из службы безопасности с просьбой дать Игорю неформальную характеристику ответила, что лучше будет позвонить Яне Ярошенко, единственной живой душе, которая слышала от него хоть слово. Ответственный молодой человек с восьмого этажа не мог проигнорировать такую информацию и позвонил. И Яна, конечно, сразу поняла, что за таинственный пострадавший просит привлечь Игоря к уголовной ответственности за нападение сегодня во дворе.

Мужчина усадил Игоря на стул с жесткой спинкой в одном углу комнаты, в противоположном углу поставил пустой стул, встал у двери и жестом указал Яне на стену напротив.

— Прошу прощения, но вам придется стоять, — сказал он. — Кстати, забыл представиться: меня зовут Александр.

— Очень приятно. — Яна вежливо улыбнулась. Она давно перестала бояться. Все были очень милыми, и взгляд Игоря придал ей уверенности в своих силах. — Нет проблем.

— Из солидарности с вами я тоже постою. — Александр тоже улыбнулся, вытащил телефон, сказал в него «давайте» и спрятал.

В коридоре раздались торопливые шаги нескольких человек.

— Я не понимаю, что происходит! — раздался возмущенный голос Никиты прямо перед дверью.
— Я все рассказал днем! Почему я должен испытывать дополнительный стресс, уезжая куда-то из дома в свое свободное время?!

Дверь распахнулась, и в комнату вошел Никита в сопровождении двух молодых людей. Он просто кипел от праведного гнева — до тех пор, пока не увидел Яну.

— Что ты тут делаешь? — спросил он; благородная ярость сползла с его лица.

Александр поднял руку.

— Яна, не отвечайте, пожалуйста. А вы, Никита Андреевич, присаживайтесь вот сюда. — Он указал на единственный свободный стул в комнате.

Никита сел. Он побледнел и покраснел одновременно еще сильнее, чем днем: по белому, как качественная бумага, фону пошли алые пятна причудливой формы.

— Сейчас я буду разговаривать с Яной, остальных попрошу сохранять тишину. Ваше присутствие нужно для того, чтобы посмотреть, как вы реагируете на ее слова, и для того, чтобы посмотреть, как она будет говорить при вас. Яна, посмотрите на меня, пожалуйста.

Она подняла голову и посмотрела Александру в глаза.

— Спасибо. Извините, что мучаем вас соблюдением всех правил, но иначе никак. Идеально, если вы будете отвечать не раздумывая. Все понятно?

Она кивнула.

— Вы готовы?

Она снова кивнула.

— Как давно вы встречаетесь с Никитой Андреевичем?

— Полтора месяца, со дня первого собрания в этом учебном году. — Между вопросом и ответом не прошло и секунды.

— Для вас важна разница в возрасте с мужчиной?

— Нет.

— Игорь пытался ударить Никиту Андреевича сегодня во дворе?

— Не пытался, но обещал.

— Как это произошло?

— Никита назвал его психом и сказал, что не знает, почему его взяли в Академию. Игорь обещал ударить его, если он не замолчит. Никита не стал продолжать, и Игорь ушел.

— Какие качества раздражают вас в ваших близких?

— Склонность во всем меня контролировать. Недоверие. — Она на секунду задумалась. — Неспособность принять, что я отдельный человек.

— Применял ли Игорь Владимирович к Никите Андреевичу физическое насилие?

— Нет. Только психологическое. — Она вдруг нервно засмеялась и увидела, что и Игорь, и Александр улыбаются вместе с ней.

— Вам нравится ваша группа?

— Это не такой простой вопрос, как может показаться.

— Как вы считаете, если бы Никита Андреевич продолжил оскорблять Игоря Владимировича, он мог бы выполнить свое обещание и ударить его?

— Недостаточно хорошо его знаю, чтобы быть уверенной в своем ответе, но боюсь, что да. Что еще как мог бы.

— Но он не делал этого?

— Нет. — Яна почувствовала, как у нее пересыхает в горле; казалось, Александр начинает задавать следующий вопрос прежде, чем она заканчивает отвечать на предыдущий.

— Что вы хотите получить в подарок на Новый год?

— Не знаю, у меня большие трудности с принятием решений такого рода.

— В каком порядке вы, Игорь Владимирович и Никита Андреевич оказались во дворе сегодня днем?

— Сначала Игорь, он читал, сидя на скамейке, потом к нему подошла я, последним Никита.

— Как вы оцениваете способности к учебе у всех троих?

Яна быстро посмотрела на Никиту. Контраст между белыми и красными пятнами на его лице становился все заметнее.

— Так же, как и в предыдущем ответе.

— На первом месте Игорь Владимирович, на втором вы, на третьем Никита Андреевич?

— Да.

— Вы честно ответили на предыдущий вопрос или вами руководило желание обрадовать или обидеть кого-то из присутствующих?

— Я ответила честно.

— Вы сможете подтвердить свои показания в полиции и в суде, если возникнет такая необходимость?

— Да.

— Как вы считаете, почему оба участника сегодняшнего разговора скрывали от меня факт вашего присутствия при нем?

— Думаю, Игорь не верил, что я стану выступать в его защиту, а Никита догадывался, что стану, и не хотел, чтобы это случилось.

— Игорь Владимирович сегодня предлагал подписаться под признанием в том, в чем его обвиняет Никита Андреевич. Как вы считаете, почему?

Яна впервые сделала короткую паузу перед тем, как ответить, и задумалась.

— Чтобы доказать свою правоту, нужно повторить одно и то же много раз подряд разным людям, и даже это не дает гарантий. Ему трудно общаться с людьми и проще понести незаслуженное наказание.

— Вам кажется романтичным, когда мужчины в борьбе за внимание женщины используют физическую силу?

— Нет, нисколько. Мне это кажется чем-то из области зоологии.

— Какой преподаватель из всех, у кого вы учились, дал вам больше всего?

— Стивен Льюис.

— Как вы думаете, почему Никита Андреевич решился предъявить Игорю Владимировичу несправедливое обвинение?

Яна посмотрела на Никиту. Можно было ответить что-нибудь вроде «он так испугался угрозы со стороны Игоря, что под влиянием стресса неосознанно исказил ситуацию». Можно было, но почему-то не хотелось.

— Потому что знал, что Игорь скорее признается, чем станет доказывать свою невиновность. И думал, что я не смогу связать исчезновение Игоря с нашим сегодняшним разговором.

Александр сделал долгожданную паузу.

— Большое спасибо, Яна, вы нам очень помогли. Присаживайтесь.

Он кивнул молодым людям, стоящим по разные стороны от двери, ведущей в коридор, после чего один из них повел куда-то пытящего Никиту, другой — бледного Игоря.

— Хотите воды?

Она кивнула.

Александр вышел из комнаты, вернулся через минуту со стаканом в руке и протянул ей. Яна осушила стакан в несколько больших глотков. Он пододвинул к ней один из стульев, сел напротив и посмотрел ей в глаза.

— Нет никаких сомнений, что вы говорите правду.

— Их нет, потому что я говорю правду. — Она улыбнулась.

— И ваши показания полностью совпали с показаниями Игоря, за исключением нескольких незначительных деталей.

— Вы отпустите его?

— Никиту?

— Нет. Игоря, — выпалила она и смутилась.

— Мы отпустим их обоих. Никите объясним, что будет, если он еще хоть раз скажет неправду службе безопасности, объясним очень доходчиво и в красках, а Игорю посоветуем не угрожать больше никому физической расправой, даже если его оскорбляют. Плюс записи обоим в личное дело. И вам, кстати, тоже. — Он широко улыбнулся. — Но у вас будет хорошая запись. Самая плохая будет у Никиты — он не вылетит отсюда прямо сегодня только потому, что я в хорошем настроении.

— Александр, мне нужно еще кое-что узнать.

— Я слушаю.

— Вы ведь сообщите моему отцу, да?

Он помрачнел.

— Боюсь, что придется. У нас распоряжение сообщать ему обо всех происшествиях, связанных с вами.

— Понимаю. Я бы попросила вас этого не делать, но понимаю, что вряд ли вы сможете выполнить мою просьбу.

— Увы. — Он улыбнулся, как ей показалось, виновато. — Но я постараюсь обрисовать ситуацию в как можно более мягких красках. Спасибо вам еще раз.

Александр встал и собрался выйти из комнаты.

— А можно последнюю просьбу? — неуверенно спросила Яна.

— Слушаю.

— Вы не могли бы отпустить Игоря раньше, чем Никиту? Хотя бы минут на пять? Хочу рассказать ему, что думаю о готовности признаться в том, чего не делал.

— Мы бы и без вашей просьбы отпустили его раньше. Нам с Никитой предстоит длинный и увлекательный разговор.

Увидев Игоря, Яна вышла из комнаты, и он, ничего не спрашивая, молча пошел за ней. Тот же молодой человек, что встречал ее на первом этаже, проводил их до лифта, с улыбкой попрощался и ушел, только когда за ними закрылись двери. В лифте они ехали молча и не смотрели друг на друга.

На улице было прохладно, почти холодно, но после двух часов непрерывной нервозности ей показалось, что это лучшая погода, которую только можно себе представить. Они медленно и по-прежнему молча спустились по лестнице. В самом низу Игорь остановился и тяжело сел прямо на ступеньку, как будто у него подкосились ноги. Ей вдруг захотелось не жалеть его, а подойти ближе, взять за плечи и трясти, пока голова не оторвется и не улетит в кусты. Мысль о том, что этот человек на самом деле существует, не предпринимает никаких попыток защитить себя от очевидной несправедливости, а теперь будет сидеть на лестнице, похожий на зомби из фильмов ужасов, и гордо утверждать, что у него все в порядке, жутко злила. Яна просто не могла ее думать, эту мысль — в глазах сразу нехорошо темнело.

— Ты плохо себя чувствуешь?

Он молчал.

— Если не можешь говорить, кивни. Ты плохо себя чувствуешь?

Несколько секунд ничего не происходило, и она начала считать до десяти, чтобы развернуться и уйти не оглядываясь, когда досчитает, а потом Игорь едва заметно кивнул, наклонился вперед, уперся локтями в колени и закрыл лицо руками.

— Знаешь, что с тобой?

Он пожал плечами. Что это означает, понять было невозможно: то ли что не знает, то ли что не знает, знает или нет. Плечи были такими несчастными, что хотелось немедленно их обнять — предварительно все-таки оторвав украшающую их голову. От такой головы плечи только страдают, это уже ясно.

— Врач нужен?

Игорь убрал от лица руки и помотал головой.

— Нет, — с видимым трудом произнес он. — Пожалуйста.

— Пожалуйста что? Не искать врача?

На этот раз он кивнул неожиданно энергично. Яна почувствовала, что начинает выходить из себя. Все-таки она сидела здесь не для того, чтобы разгадывать загадки.

— Тебе плохо, но искать врача не надо? — спросила она, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно. — Могу я узнать, почему? И что тогда делать — бросить тебя здесь и уйти?

— Иди домой. Ты и так, — он перевел дыхание, собираясь с силами, — уже сделала очень много. Никогда в жизни такого не видел.

— Я просто сказала правду.

От ее раздражения не осталось и следа. Вместо того чтобы идти домой, Яна придвинулась ближе и неуверенно, словно он мог оказаться галлюцинацией, положила руку ему на плечо. Он вздрогнул всем телом, как будто это была не рука, а электрошокер, но промолчал.

— Тебе неприятно? — спросила она, не двигаясь.

— Не знаю. — Было похоже, что он на самом деле не знает, а не просто стесняется ответить правду. — Это не так... легко понять.

Они посидели молча, а потом она убрала руку с его плеча и тихо, но твердо сказала:

— Врач.

— Нет. Пожалуйста, Яна. Если я сегодня попаду к врачу, будет плохо.

— Но, если ты не попадешь сегодня к врачу, тоже будет плохо! Уже плохо!

Он убито кивнул.

— Если ты хочешь, чтобы я помогала тебе в странных вещах — например, прятаться от врача, когда нужно к нему идти, — то придется рассказать мне причины. Ты скрываешь симптомы? Не хочешь, чтобы тебя вылечили? Ты под наркотиками? Не похоже, но чего только не бывает...

— Я вчера выпил, — проговорил он после длинной паузы. — Достаточно для того, чтобы это сразу обнаружили.

Яна с сомнением посмотрела на него, потом кивнула своим мыслям.

— А, — сказала она, — у тебя персональный запрет? Остальным ведь это разрешено.

Он снова кивнул. У него был очень жалкий вид большой глупенькой собаки, которая погрызла любимую игрушку маленькой хозяйки, не подумав, как горько она будет плакать.

— Ладно. — Яна вздохнула. — Ничего хорошего, но и не совсем криминал. Как именно тебе плохо?

— Очень кружится голова. И нет сил.

Яну вдруг осенило.

— Когда ты в последний раз ел?

Он растерянно пожал плечами.

— Вчера вечером, часов в девять, кажется.

— Кажется? Да ты с ума сошел, что ли? Сутки прошли! Глупый вопрос: конечно, сошел. Можешь попробовать пройти метров сто? Дальше я знаю, что делать.

Игорь медленно, словно не был уверен, что не упадет, поднялся на ноги. Яна спросила, поддержать ли его, он помотал головой и очень осторожно побрел рядом с ней, снова ничего не спрашивая, хотя для того, чтобы выйти с территории Академии, нужно было идти в противоположную сторону. Жизнь в многотысячном отделении никогда не замирала, и даже в такое время здесь находились десятки человек: дежурный врач в медицинском корпусе, охранники, заработавшиеся ученые. И неудачники вроде них, которых только что отпустила служба безопасности. В левом крыле главного корпуса было кафе, в котором обедали все студенты и сотрудники, небольшая его часть работала круглосуточно. Яна остановилась на некотором расстоянии от входа.

— Я ведь правильно понимаю, что внутрь ты не пойдешь?

Игорь кивнул.

— Тогда подожди меня здесь, хорошо? Я на минуту.

Он снова кивнул, и она почти побежала к двери. Действовать надо было быстро, и не только потому, что Игорю, судя по его виду, было нешуточно плохо, но и потому, что служба безопасности почти наверняка уже сообщила обо всем Ярославу и сейчас он по старой привычке ждет, когда она позвонит и расскажет то же самое, старательно делая вид, что не догадывается, что он уже в курсе. И если она успеет позвонить до того, как его терпение кончится, дело может ограничиться получасовой нотацией, как важно правильно выбирать круг общения.

В такое время в этом кафе редко бывали посетители, и ее заказ приготовили через считанные секунды. Получив его, она так же стремительно выскочила на улицу. Игорь сидел на каменной ограде огромной клумбы перед главным корпусом. Яна встала перед ним и молча протянула большой бумажный стакан, из которого шел пар.

— Что это? — спросил он так удивленно, как будто не знал, что в мире существуют бумажные стаканы.

— Горячий чай с лимоном. Крепкий и сладкий.

Он смотрел на нее с ужасом и недоумением, как человек, которому предлагают выпить не чая, а человеческой крови. Яна присела рядом с ним. Камень оказался холодным, но она не собиралась сидеть на нем долго.

— Ты не ел сутки, употреблял алкоголь, испытал невероятный стресс — что, по-твоему, должно с тобой быть? У тебя уже минус в печени на гликогеновом счете. Я бы сказала, что это гипогликемический криз, но не уверена, что такое возможно без диабета. У тебя ведь нет диабета? — строго спросила она.

— Нет.

— Хорошо. От сладкого чая уровень глюкозы в крови мгновенно поднимется, и на какое-то время тебе станет нормально. Потом, правда, быстро упадет обратно, поэтому лучше съесть что-нибудь сразу, как придешь домой. — И она снова протянула ему стакан. — Пей. А я пока отойду на несколько шагов. Мне нужно опередить его.

— Опередить его? — повторил Игорь и наконец забрал чай у нее из руки.

— Отца. Наш новый знакомый по имени Александр наверняка уже сообщил ему, что я у него сегодня была. — Яна не любила говорить об этом, но с ним почему-то хотелось. — И теперь мне нужно позвонить и изобразить из себя дурочку, которая ни о чем не догадывается, а хочет искренне поделиться впечатлениями с любимым папой. Если я этого не сделаю, он позвонит сам и примется меня допрашивать, а у него это получается даже лучше, чем у Александра. Он и так может приняться, но шансов все-таки намного меньше.

Она улыбнулась, на этот раз для того, чтобы подбодрить саму себя.

— Ясно. — Игорь кивнул, словно подтверждая, что ему действительно ясно, будто одного слова недостаточно. — Удачи тебе.

Яна развернула экран и отошла подальше, шагов на тридцать, на ходу вызывая отца. Она сделала это не только для того, чтобы Игорь не мог услышать ее разговор. Ей почему-то казалось, что он не станет пить чай, пока она стоит рядом и смотрит на него. В тот момент, когда Ярослав поднял трубку, Яна краем глаза увидела, что Игорь делает из стакана первый осторожный глоток, и улыбка, с которой она произнесла в трубку «привет», получилась настоящей.

— Привет, дорогая, — ответила трубка вкрадчивым голосом отца. — Рад слышать, что ты в хорошем настроении.

Он всегда разговаривал с ней вежливо и даже ласково, но она давно усвоила, что расслабляться не стоит. Прямо как в гостях у службы безопасности. Фраза «рад слышать, что ты в хорошем настроении», к примеру, означала что-то вроде «и почему тебе не стыдно веселиться после такого серьезного происшествия?».

— Я не то чтобы в очень хорошем настроении. — Привычка говорить с ним таким же образом, каким и он, выработывалась у нее долгие годы, и сбить ее с толку было нелегко. — Просто рада, что ты не занят и смог ответить.

— Как дела? Как прошел день? — осторожно поинтересовался он. Это означало, что его устроило ее объяснение.

— Честно говоря, не очень хорошо. — Яна вздохнула, надеясь, что получилось хоть сколько-нибудь естественно. — Мне пришлось провести два часа у службы безопасности.

— Что ты говоришь, дорогая! И с чем же это было связано? — Яна живо представила, как его брови медленно ползут вверх. Главное, чтобы он по своей давней привычке не переключил вызов в режим видео, чтобы наблюдать за ее реакциями.

— С одним случаем, свидетелем которого я была. Пришлось дать показания.

— Пришлось дать показания?

Конечно, он уже в курсе и своим вопросом пытается заставить ее признаться, что ей не пришлось, а захотелось дать показания, потому что ее не вызывали, она поперлась к ним по своей инициативе. Один-ноль в пользу академика Ярошенко.

— Ну, не совсем пришлось. Просто невинному человеку грозило наказание, и я решила рассказать, как все было на самом деле.

— Какая ты молодец, — мягко сказал Ярослав; эти слова значили, что он недоумевает, как его воспитание могло привести к такому неприятному и неожиданному результату.

— Ты правда так думаешь? — мрачно спросила она. Конечно же, он так не думает, но она хоть порадуется, слушая, как он будет выкручиваться.

— Конечно, — подтвердил он. — Я, впрочем, не уверен на сто процентов, что человек, на которого обратила внимание служба безопасности, действительно ни в чем не виноват. Дыма без огня не бывает, не правда ли? Как считаешь?

Яна молчала. Кажется, началось.

— Хотя стремление заступиться за товарища очень достойно и вызывает уважение, ты не задумывалась, почему, например, тебя ни разу ни в чем не обвиняли? Может быть, потому, что ты не делала ничего плохого?

Яна вонзила ногти в кулак. Как обычно на этом месте разговора, ее охватило страстное желание заорать «ну так сделаю, понятно тебе?! понятно?!» и изо всех сил швырнуть высокотехнологичный аппарат на асфальт, чтобы он развалился на части.

Некоторое время оба молчали, а потом ногти подействовали.

— Видишь ли, в чем дело, — сказала она, натянув на лицо вежливую улыбку. — Я присутствовала на месте инцидента. И могу быть уверена в невинности моего, как ты его назвал, товарища на сто процентов.

На слове «товарища» она снова сжала кулак.

— И в чем же состоял этот инцидент, если не секрет?

Если бы это могло быть секретом! Если бы хоть что-нибудь могло быть от него секретом, она была бы самым счастливым человеком на свете. Яна сделала глубокий вдох. Делать было нечего.

— В том, что молодой человек из моей группы пообещал ударить молодого человека, с которым я встречаюсь. Вернее, встречалась до этого дня.

— Как интересно, дорогая. — Ярослав удовлетворенно покачал головой; то, как он ею качает, было видно прямо через телефон даже без режима визита. — Столько новостей сразу. И за что же он пообещал его ударить?

— За крайне негативную характеристику своей личности.

Повисла пауза. Было слышно, как он раздувается от удовольствия.

— Ну что же. Очень хорошо, — наконец сказал Ярослав; Яна понадеялась, что сейчас он наконец лопнет и все закончится. — Просто замечательно. Ты встречаешься с молодым человеком, о чем мне ничего не было известно, и этот молодой человек склонен давать окружающим, как ты выразилась, негативные характеристики такой силы, что окружающие отвечают ему угрозами. Отличный выбор!

Яна старалась медленно и глубоко дышать.

— Либо, — удовлетворенно продолжал он, — второй вариант. Молодой человек дает вполне справедливые характеристики, но не все могут воспринимать правду о своей персоне и адекватно на нее реагировать.

Она молчала. Нужно было сдержаться и дослушать до конца. Если возражать, станет еще хуже.

— В любом случае к тебе возникают вопросы. Например, вопрос, что ты делала рядом с этими людьми.

— Сидела на скамейке, — вырвалось у нее. Черт! Кажется, все старания насмарку. — Рядом с этими людьми я сидела на скамейке!

Ярослав многозначительно замолчал.

— Ладно, дорогая. Я должен подумать над твоим рассказом. А ты подумай над своим поведением. Подумать никогда не бывает лишним, не правда ли?

— Совершенно верно.

— Вот и отлично. Спокойной ночи. Я позвоню тебе завтра.

И он отключился, не дожидаясь ответа.

Справившись с желанием все-таки разбить телефон, она посмотрела в сторону клумбы, на которой сидел Игорь. Он вертел в руках пустой стакан. Яна улыбнулась и быстро пошла к нему. Когда до него осталась пара шагов, Ярослав перезвонил. Она упала на каменную ограду рядом с Игорем и мгновенно вспотевшей рукой поднесла аппарат к уху.

— Дорогая, я понял, что мне будет трудно думать о твоём рассказе на расстоянии, — заговорил он в своей обычной манере. — Постараюсь что-нибудь придумать с графиком и навестить тебя. Что скажешь?

Что тут можно было сказать? «Не смей этого делать и сиди дома»? Очень смешно. Яна постаралась сделать глубокий вдох и покосилась на Игоря. Он изучал надпись на стакане и старательно делал вид, что не вслушивается в их разговор.

— Буду рада тебя видеть. — Тон, которым она это произнесла, говорил противоположное, но ей вдруг стало все равно.

— Вот и отлично, дорогая, — удовлетворенно сказал Ярослав. — О дате сообщу в ближайшие дни. Спокойной ночи.

— Спасибо, и тебе тоже. — Она первой нажала на сброс и повернулась к Игорю. — Тебе лучше?

— Да. — Он не отрывал глаз от стаканчика. — Намного. Спасибо тебе большое. А ты как?

— Если честно, не очень. Он собирается приехать. Будет есть меня за то, что я общаюсь с людьми, которые не вызывают у него доверия. — Яна вздохнула. — Кстати, знай, что он может захотеть с тобой встретиться. Будет ходить по комнате и рассказывать, что один студент делал то же самое, а потом его отчислили за асоциальное поведение и он умер под забором. У него на каждый случай находится такая история.

Она неприятно усмехнулась. После каждого ее поступка, хоть сколько-нибудь выходящего за пределы его представлений об идеальной дочери, Ярослав рассказывал поучительную историю о студенте, которому Говорили, а он не слушал, и приключалось именно то, о чем ему Говорили. Студент вроде бы был каждый раз новым, с другим именем, характером и курсом Академии, но подробности она забывала, а мифологический персонаж оставался: недалекий и самоуверенный одновременно, он представлял собой нечто среднее между Фомой Неверующим и мальчиком из сказки, который выпил воды, кажется, из лужи и превратился в козла. Хотя нет, если бы он выпил воды из лужи, то умер бы от дизентерии.

Наверное, нужно написать сказку про дизентерию взамен морально устаревшей сказки про козлов. Сестра — в оригинале, если она ничего не путает, была сестра — предупреждает мальчика, что нужно мыть руки, когда приходишь домой после того, как пускал кораблики в лужах. С корабликами не так естественно, но более правдоподобно, современный ребенок из нормальной семьи все-таки вряд ли захочет пить из лужи. Так вот, сестра предупреждает, а он не моет, хотя она желает ему добра, о чем ежевечерне сообщает с придыханием и горящими глазами. Ну и, естественно, его настигает предсказуемая и мучительная смерть от дизентерии, вдвойне мучительная от своей предсказуемости. Хотя нет, это слишком жестоко. Лучше так: у него дизентерия, сестра рыдает, мальчик обещает всегда слушать тех, кто желает ему добра и знает, как надо, его спасают, он выполняет свое обещание и быстро превращается в плотного румяного мужчину с лоснящимся галстуком и уважаемой должностью.

— О смерти под забором я могу рассказать ему больше, чем он мне. В этом можешь на меня положиться, — серьезно сказал Игорь.

Его слова выдернули ее из размышлений о мальчиках, козлах и доброжелателях, и она не сразу сообразила, о чем речь.

— И вообще. — Пока Яна соображала, он собрался с мыслями и продолжил: — Если бы я знал, что ты... что у тебя будут проблемы из-за этого дурацкого случая, я бы не стал так делать.

— Не такие уж и большие проблемы. Проблемы будут, если он начнет требовать, чтобы я вернулась учиться в Калифорнию. Но вроде бы не должен, случай все-таки не настолько серьезный.

Игорь перевернул стакан и принялся изучать его дно.

— Просто это последнее, чего я мог ожидать.

— Что — это?

— Что ты захочешь дать показания, после которых меня отпустят.

— Я заметила. Ты даже не сказал им, что у тебя есть свидетель, который подтвердит твою правоту. Они узнали об этом от меня.

— Вы встречаетесь.

— Я и Никита? Встречались. В прошедшем времени. Ты же не думаешь, что после такого номера я собираюсь продолжить как ни в чем не бывало?

Игорь растерянно пожал плечами.

— В общем, я просто сделала то, что на моем месте сделал бы любой. Ничего странного.

— Нет, это очень странно. Ты не просто сказала правду, а пошла ее говорить по своей инициативе. И знала, что твоему отцу сообщат и будет вот так, как сейчас, и все равно пришла.

— Не могла же я допустить, чтобы невиновного человека посадили в тюрьму.

— Ты поставила мое благополучие выше своего. Я такого лет пятнадцать не видел, уже забыл, что так бывает. Если вообще видел когда-нибудь, учитывая, что я тебе никто.

— Тебе грозили проблемы посерьезнее. Пришлось бы восстанавливаться на курсе, и неизвестно, получилось бы или нет. Они такие, ты же знаешь. — Яна покачала головой, стараясь не показать, как больно ужалили ее слова «я тебе никто». Конечно, он прав, они даже не приятели, не говоря о чем-то большем, но почему-то очень тяжело это слышать. — Сидеть в тюрьме, пролететь с учебой — или не пролететь, но всю жизнь болтаться в черном списке... По-моему, слишком суровое наказание за один разговор.

— Пролететь с учебой? — Игорь как-то нехорошо усмехнулся. — Я бы просто не вышел оттуда.

— Почему?

— Неважно, Яна. Я вообще не об этом. — Ей показалось, что он рассердился сам на себя. — Просто знай, что ты спасла мне жизнь и я тебе должен. Понятия не имею, чем буду отдавать, что я могу такого, что тебе пригодилось бы. Но если придумаешь что-нибудь — я все сделаю.

— Ничего ты мне не должен, — быстро сказала она. — Я же не...

— Должен. — Игорь перебил ее, но она почему-то не рассердилась. — И мне очень жаль, что у тебя теперь проблемы. Я не хотел их создавать. Извини.

— Тебе не за что просить прощения. — Она помедлила, думая, продолжать или нет, и решила продолжить: — Я знаю, что ты не мог пожать ему руку. И если бы он просто сказал «привет, я Никита», ты бы что-нибудь ответил. Может, не самое радостное, но все-таки. Я права?

— Это не очень хорошая новость, — очень тихо выговорил он после долгой паузы.

— Что не очень хорошая новость? Что это видно со стороны?

Он едва заметно кивнул.

— Думаю, мало кто видит, так что новость не такая плохая. Кстати, а почему ты сделал исключение для меня, когда мы встречались у тебя во дворе? И сегодня вечером не сказал, что тебе неприятно, хотя я спрашивала...

Яна услышала свои слова со стороны и замолчала. Как все-таки ловко она умеет все испортить своими деревянными формулировками.

— Потому что ты пришла специально. Это совсем другое.

Он терпеть не может, когда его трогают, но сделал для нее исключение. Яна несколько раз повторила про себя, что нельзя сейчас об этом думать, но мысли не слушались, как нога, затекшая от сидения в неудобной позе. И она стала думать. Точнее, мысли, обрадовавшись, что их не прогоняют, потянулись одна за другой, как нитки из старой вязаной вещи, которую решили распустить. Мысли были о том, что произойдет, если она когда-нибудь решится и попробует поцеловать его — человека, боящегося прикосновений сильнее, чем тюрьмы и смерти. И о том, мог ли у него быть первый поцелуй, не говоря о чем-то большем. И о том, что его одежда кажется висящей на вешалке, настолько он худой, и у него наверняка торчат ребра, и ключицы, и косточки на бедрах — у нее эти косточки тоже видны, но совсем чуть-чуть, а раньше, лет до двадцати, выступали так, что было больно лежать на животе. И о том, как здорово было бы когда-нибудь во всем этом убедиться.

Когда последняя мысль перестала быть мыслью, превратилась в щекотку в животе и принялась опускаться все ниже, Яна безжалостно поймала ее за хвост и выбросила вон.

— А насчет того, что ты мне должен, — чужим голосом сказала она, — даже не думай. Потому что, во-первых, не должен, а во-вторых, уж точно не мне. Ты не задумывался, откуда я узнала, что с тобой случилось?

— Пара человек из нашей группы видели, с кем я ушел. Наверное, кто-нибудь из них тебе сказал.

— Все, что они могли сказать, это что тебя забрала служба безопасности. А я ведь почти ничего о тебе не знаю и вряд ли догадалась бы, в чем дело. — Яна вздохнула. — Может, ты организовал дома подпольную лабораторию и создал новый вид наркотиков?

— Действительно, — сказал он. — Я не подумал об этом.

— В общем, не уверена, что тебя обрадует эта новость, но мне кажется, тебе стоит знать. Это была Катя. Они позвонили ей, как старшей в группе, и попросили дать тебе неофициальную характеристику. Она сказала пару слов, а потом добавила, что есть единственный человек, с которым ты разговаривал на ее глазах по доброй воле. И назвала мое имя. Тогда они позвонили мне. Рассказали, в чем суть дела, и тут уже сразу стало понятно, что произошло.

— Почему она это сделала? — неуверенно спросил он.

— Сказала, что ей не хочется, чтобы с тобой что-нибудь случилось. — Яна подумала, что он почти наверняка не поверит, но это не повод говорить неправду.

Игорь посидел несколько минут, внимательно изучая землю у себя под ногами, а потом сделал нечто настолько неожиданное, что Яна едва не съехала с камня, на котором сидела. Он вытащил из кармана брюк телефон, некоторое время смотрел на него так, словно хотел переместить взглядом куда-нибудь подальше, потом выбрал нужное имя и поднес телефон к уху. Его рука едва заметно тряслась.

— О-о-о!!! Неужели! Примешь запрос? — наконец раздалось в трубке.

Игорь дрожащей рукой нажал на «принять», и немного нечеткая в ночном свете Катя материализовалась перед ними.

— Ну дела! — радостно воскликнула она. — Ты как? Вижу, вышел?

— Да, — сдавленно сказал Игорь. — Не знаю, почему ты так поступила, но я тебе очень благодарен.

— Да ладно тебе! — от души воскликнула Катя; Яна почувствовала острый приступ любви к этой громкой, веселой и доброй девушке, которая оказалась настоящим другом именно тогда, когда это было нужно, а не тогда, когда было удобно для нее самой; чувство оказалось новым, пугающим и захватывающим. — Ты, главное, больше так не делай. Если ты что-то делал, конечно.

— У меня нет слов! — еще более радостно сообщила Катя, повернувшись к Яне. — Что ты сделала с Игорем, что он стал сам звонить людям? В жизни такого не бывало.

— Ничего, — сказала Яна, мечтая провалиться сквозь землю. — Спасибо тебе еще раз.

— А кто же это был? Таинственный пострадавший? Расскажите скорее.

— Во-первых, никакой он не пострадавший. Это выдумка. А во-вторых, это Никита.

Катя вытаращила глаза так, что, если бы это была живая Катя, а не голограмма, Яна испугалась бы, что ее глазные яблоки не смогут удержаться в глазницах и выпадут.

— Твой Никита?!

— С сегодняшнего вечера предпочитаю держаться от него подальше.

— Но что... что случилось?! С чего ему вдруг пришло такое в голову? Кошмар какой-то — он что, полный псих?

— Это долгая история.

— Охренеть! — с чувством заключила Катя. — Убиться и отдать свой труп на органы!

Яна не выдержала и засмеялась:

— Точно. Точнее не скажешь.

— Да не то слово! Ладно, ты как? В состоянии общаться? Может, приедешь ко мне?

Яна быстро посмотрела на Игоря.

— В состоянии, но не уверена, что смогу приехать.

— А почему? Приезжайте вместе! Я буду рада видеть вас обоих.

— Хорошо.

— Ну вот и отлично. Договоритесь между собой и перезвоните мне. Жду. — И Катя отключилась и исчезла, как обычно, не дождавшись ответа.

В кармане зазвонил Янин телефон.

— Только этого не хватало, — вздохнула она, глядя на имя звонящего.

Игорь посмотрел на нее с едва уловимым выражением, которое она не успела распознать.

— Внимательно тебя слушаю, — спокойно сказала она в трубку.

— Ну что, — с плохо скрываемой ненавистью проговорил Никита, — довольна? Лопаешься от гордости, что сделала доброе дело, да?

Яне вдруг стало весело. Похоже, зря она страдала от угрызений совести, что встречается с хорошим парнем, который ее искренне любит, и не может ответить ему чувством такой же силы.

— Представь себе, нет, — улыбнулась она. — Но даже если и так, что дальше?

— Да ничего. Дальше, если ты еще не догадалась, ничего! — Ей показалось, что он плюнул в трубку от злости. Или очень громко выдохнул. В любом случае, таким она его еще не слышала. — Можешь бежать к своему психопату!

— Я и сама могу тебе сообщить, что дальше ничего. — Она изо всех сил старалась не засмеяться в голос. — Если ты думаешь, что мне нужен человек, который бессовестно врет, то ошибаешься.

Несколько секунд Никита пыхтел в трубку.

— Это все, что ты хотел мне сказать? — спросила Яна. — Если да, то я отключаюсь.

— Нет, не все! Думаешь, сделала кому-то хорошо своим красивым жестом, да? Не надейся. Он псих и рано или поздно сделает что-нибудь подобное! Можешь сто раз повторить, что я сегодня наврал, но он на самом деле опасен, и когда-нибудь все равно...

— Слушай, извини, но мне не очень интересны мотивы твоего поступка. — Она почувствовала, что тоже выходит из себя. — Расскажи о них кому-нибудь другому. Службе безопасности, например. Они с удовольствием послушают.

— Ты еще пожалеешь, понятно?! Пожалеешь!

Яна улыбнулась. Долго сердиться на такой анекдот было невозможно.

— Это угроза? Или милое дружеское предупреждение из лучших побуждений?

Никита снова запыхтел.

— Знаешь, — равнодушно сказала она, — я жалею только о том, что встречалась с человеком, из-за которого парень из моей группы чуть не оказался в тюрьме, а мой отец летит сюда, чтобы читать мне нотации.

Пыхтение едва заметно сменило тон, но Яна не обратила на это внимания и отключилась.

Игорь молчал.

— Извини. — Она не смотрела на него. — Мне очень неудобно, что тебе пришлось это слушать.

— Я не слушал, — ответил он после паузы. — Все в порядке.

— И вообще. — Она уже давно собиралась это сказать и наконец решилась. — Мне очень стыдно перед тобой.

— Передо мной? За что? Это мне должно быть перед тобой стыдно.

Яна воткнула взгляд в землю под ногами.

— Помнишь, в самый первый учебный день ты звонил мне ночью?

— Да. — Игорь ответил очень быстро, как будто от страха, что она продолжит. — Помню. Не надо.

Яна попыталась что-то сказать, но он почти перебил:

— Давай не будем об этом говорить, хорошо? Никогда.

Они оба замерли и замолчали, а потом вдруг заговорили одновременно:

— Это не тот момент, о котором хочется вспоминать.

— Я тогда смотрела на памятник стулу и собиралась ехать от него домой.

Игорь быстро посмотрел на нее.

— Я понял, — сказал он. — Давай больше не будем об этом.

— Конечно. Катя зовет нас обоих в гости. Пойдешь?

Игорь задумался, а из-под ее рукава снова раздался звук вызова.

— Да что ж такое? — со вздохом спросила она у воздуха. — Опять он!

Наверное, никак не может успокоиться и придумал еще один оглушительный аргумент, после которого она точно поймет, как сильно ошиблась.

— У тебя две минуты, — устало сказала она.

— Яна, — начал Никита таким сладким голосом, как будто только что залпом высосал банку клубничного варенья. — Дорогая, послушай меня, хорошо?

Эта смена настроения была слишком неожиданной.

— Я наговорил тебе гадостей, — как ни в чем не бывало продолжил он. — Прости меня, пожалуйста. Я был очень зол и расстроен.

— Я догадалась, — ехидно сказала она; причина перемены начала доходить до ее сознания.

— И вообще, я сегодня наделал столько ошибок. — Он выдержал многозначительную паузу. — Не знаю, сможешь ли ты меня простить. Но надеюсь на это.

Яна молчала. Нужно было дослушать до конца, не расхохотавшись и ничем себя не выдав.

— Я никогда так больше не поступлю. Это урок для меня на всю жизнь. — Он снова сделал паузу глубиной с Марианскую впадину. — Я люблю тебя. Не уходи от меня, пожалуйста.

— Не только не уходить, но и познакомить с великим и прекрасным академиком Ярошенко, да? — не выдержала она. — Представить, так сказать, отцу возлюбленной. Устроить милый семейный ужин.

Никита сбился.

— Ну, если ты сама этого хочешь, то я был бы рад. Я очень серьезно к тебе отношусь, ты же знаешь.

— Замечательно, — с глубоким удовлетворением в голосе произнесла она. — Так мы и поступим. Я представлю тебя отцу. А еще обязательно скажу, какой ты способный студент и амбициозный человек, он любит таких. Может, предложить ему почитать какие-нибудь твои работы, как думаешь?

— Даже не знаю, дорогая. Но мне очень приятно, что ты обо мне такого мнения. — Она так и представила его наливающимися краской щечки. — И что тебе приходят в голову такие мысли.

И тут Яна не выдержала и все-таки расхохоталась.

Она смеялась так увлеченно, что на глаза навернулись слезы. Смех был истерическим и не слишком радостным, но остановиться она не могла.

— Я сейчас умру от смеха! — наконец выдохнула она в трубку, осторожно вытирая слезы.

В трубке царило ледяное молчание.

— Никита, я что, похожа на полную дуру? Мне казалось, что нет.

— Я поражен, — пафосно сказал он. — До глубины души.

— Я тоже.

— Я искренне извинился, между прочим.

— Действительно? Это очень мило с твоей стороны!

— И не намерен продолжать разговор в таком тоне.

— А я, если ты не заметил, вообще не намерена его продолжать. Ни в таком тоне, ни в каком-нибудь еще. Могу дать контакты отца, чтобы ты объяснился ему в любви и восхищении напрямую, без моей помощи. Глядишь, проникнется.

— Не понимаю, чем заслужил такое отношение! — проговорил Никита тоном человека, с которым через секунду делается разрыв сердца от осознания несправедливости мира.

Яна опять засмеялась, но уже не так бурно — силы стремительно оставляли ее.

— Говорю медленно, чтобы все было понятно: если я еще хоть раз услышу тебя в своем телефоне, академик Ярошенко, которого ты, похоже, видишь во сне каждую ночь, не проникнется к тебе никогда, потому что я расскажу ему обо всех твоих сегодняшних подвигах в поэтических подробностях.

Она закончила разговор и замерла в ожидании. Вдруг она все-таки ошиблась и дело не в отце, а Никита правда за несколько минут изменил свое мнение? Тогда его не напугает ее угроза и сейчас он позвонит в третий раз. Но он не звонил. Каждая уходящая секунда бросала горсть земли на гроб с ее надеждой на то, что когда-нибудь ей встретится человек, заинтересованный только в ней самой, а не в ее отце и не в них обоих.

Яна уперла локти в колени, некрасиво согнулась и спрятала лицо в ладонях. За несколько секунд, которые прошли с окончания разговора, ей стало плевать совершенно на все. Хотелось только одного — чтобы темнота под веками превратилась в черную дыру и проглотила ее.

— Яна, — тихо позвали рядом с ее ухом; она даже не сразу сообразила, кто это. — Я могу тебе чем-нибудь помочь?

Она подняла голову и удивленно обернулась на голос.

— Хочешь, я с ним что-нибудь сделаю? — Рядом с ней по-прежнему сидел Игорь.

— Что сделаешь? — Она невежливо усмехнулась. — Все-таки ударишь в обеденном перерыве на радость службе безопасности?

— Могу утром или вечером, чтобы не повторяться. И не «ударю», а размажу об асфальт.

— Ты не шутишь, что ли? — Яна взяла себя в руки, пристально посмотрела ему в лицо и нахмурилась.

— Не веришь, что я смогу с ним справиться? — Он пожал плечами, как ей показалось, уязвленно.

— Верю, хотя мне даже думать об этом не хочется. — Она вздохнула. — Еще не хватало второй раз поиметь из-за него проблемы. Пусть живет и мучается.

— Незаметно, чтобы он мучился, — мрачно сказал Игорь и отвернулся.

— Ты меня пугаешь. — Яна покачала головой. — Насилие — плохой способ решения проблем. И вообще, меня никто не заставлял с ним связываться. Сама себе сделала такой подарок.

Она замолчала. Игорь тоже молчал, глядя в сторону.

— Это я во всем виновата, — раздраженно сказала она. — Надо отучиться обманывать людей. От этого всегда только хуже.

Он посмотрел на нее.

— Ну да, — продолжила Яна. — Если человек хороший, потом мучает совесть. А если не очень, потом вот так, как сейчас. И в любом случае хочется провалиться сквозь землю.

Игорь молчал.

— Ты так странно на меня смотришь. — Она поежилась. — Я знаю, что это ужасно. Я всю жизнь встречаюсь с мужчинами, которые мне не нравятся. Вот ни капельки. Но я нравлюсь им, или они делают вид, что нравлюсь, и я думаю: а почему бы и нет? А потом такое отвратительное чувство... Извини. Не знаю, зачем рассказываю все это.

— Ничего страшного. Продолжай, если хочешь.

— Не думаю, что тебе интересно, — быстро сказала она, не глядя на него.

— Почему? — спросил он каким-то необычным тоном.

Яна заставила себя на него посмотреть. Она только что сказала жуткую, непоправимую гадость, и все снова испорчено на много месяцев вперед, а может быть, и навсегда.

— Потому что все это далеко от меня, как какой-нибудь чертов Плутон от Солнца, да?

— Я не хотела тебя обидеть. — Ей стало так неловко, что она едва не прикусила себе язык. — Я не имела в виду, что ты...

— Яна, — без всякого выражения сказал Игорь, продолжая смотреть перед собой, как будто она стояла там, а не сидела с ним рядом. — Кажется, ты только что говорила, что не надо никого обманывать.

— Извини. Я подумала, что ты вряд ли можешь понять меня, потому что вряд ли бывал в такой ситуации.

— Впервые слышу, что я урод, у которого ничего не может быть с другим человеком, в такой щадящей формулировке. — Он нехорошо усмехнулся. — Я знаю, какое впечатление произвожу. Но могу тебя понять. К сожалению, могу.

Она ничего не ответила, и он тоже молчит, отвернувшись в сторону. Лучше бы она сегодня не приходила и его посадили в тюрьму из-за этого лоснящегося мудака. Но она пришла, и они зачем-то сказали друг другу все это, и теперь остается только послать Академию ко всем чертям, чтобы никогда больше не попадаться ей на глаза. Он не может вспомнить, что нужно делать, чтобы дышать, как персонаж анекдота, который научился дышать жопой, сел и задохнулся, в глазах темнеет. Очень обидно задыхаться прохладной ночью, когда воздуха вокруг столько, что можно дышать ртом и жопой одновременно и останется еще на миллион таких же фокусников.

Самое страшное было не в ее вежливо сформулированном предположении, что распад уранового ядра он представляет себе красочнее, чем отношения между людьми. Самое страшное было в том, что в предыдущие три раза ему не показалось. Когда Катя тащила ее за руку, рассказывая на весь двор, какой он забавный кусок дерева, и ему вдруг захотелось вскочить и убежать; или заорать на Катю, чтобы немедленно закрыла рот и дала ему возможность самому продемонстрировать, что он не человек, а предмет, на который не стоит обращать внимания; или сдохнуть, чтобы они подошли к нему и увидели, что он стал предметом в буквальном смысле слова, — Игорь сказал себе, что это случайность. Что он просто отвык за каникулы от всех них, от их шуточек, голосов и лиц, и теперь нужно несколько дней, чтобы привыкнуть обратно. И когда он отказался от особенно привлекательной в ту ночь идеи прыгнуть в окно только из-за того, чтобы не дать ей повода задуматься, имеет ли их ночной разговор какое-то отношение к его смерти, то подумал, что это просто еще одно следствие перебора с алкоголем. Он тогда впервые за несколько лет всерьез захотел шагнуть из окна, с удивлением понял, что жутко боится боли от удара, и с еще большим удивлением — что готов жить только для того, чтобы она не догадалась, как сильно его расстроил тот неудачный звонок. Катя наверняка уже рассказала, что он отправил ей дурацкое пьяное сообщение, и Яна сразу сложит два и два: весь день он вспоминает, как его смешали с дерьмом перед тем, как представить ей, напивается, наезжает на Катю, потом звонит ей, потом глупо врет, что позвонил по ошибке, — и в этот же вечер делает бутерброд из асфальта и своих мозгов. Придется жить из вредности, чтобы не дать им всем понять, как больно и сильно это его задело. А когда этот кошмарный сукин сын назвал его психом и он вдруг понял, что разорвет его на сочные куски мяса голыми руками, но не позволит больше безнаказанно себя унижать у нее на глазах, то решил, что это просто особенно противный сукин сын и особенно неудачный день.

Но сейчас, когда ему до темноты в глазах захотелось доказать ей, что у него есть что-то общее с нормальными людьми, приходилось признать: все эти три раза в нем дергалось давно забытое самолюбие. Он так давно убил его, закопал и с наслаждением плюнул сверху, что не сразу узнал при встрече. За много лет, которые прошли с их расставания, он вырос, пусть и непонятно во что, но все-таки вырос. Он вырос, а самолюбие осталось прежним. Это было большое забытое самолюбие некрасивого подростка с глазами голодной уличной собаки, жалкой и злой одновременно, нескладного, никому не нужного, отчаянно, до спазмов в горле стыдящегося себя. Оказывается, оно не сдохло много лет назад, а просто затаилось. Выгрызло нору в его внутренностях и уползло в нее заливать раны, чтобы однажды в солнечный летний день, когда Академия наденет самые идиотские цветные майки, которые только найдутся в шкафах, вылезти и укусить его за сердце своими острыми крысиными зубками. Что в ней такого, в этой странной девушке? Ничего подобного до ее появления не случилось. Он как будто отсиживался в темной комнате, а теперь в этой комнате включили свет и стало некуда себя спрятать. Стало видно, что он безнадежно неловкий, угнетающе неполноценный; какой-то неудачный. Бывают неудачные дни, неудачные шутки и идеи, а он неудачный человек. Брошенная в кладовке пыльная тряпичная кукла без пола, имени, характера и лица, которую зачем-то начали шить, а потом раздумали и забыли.

— И ты правда меня понимаешь? — спрашивает она.

Он уже не ждал, что она что-нибудь скажет. Она всегда отвечала быстро, иногда задумывалась, но ненадолго, не так, как сейчас. Он удивленно вслушивается в звук ее голоса, вдруг вспоминает, что

нужно делать, чтобы вдохнуть, долго с облегчением дышит, как человек, который уже почти утонул, а потом его вытащили на берег и вылили воду из легких, и кивает.

— Спасибо, — тихо говорит она. — Это очень важно.

Он ничего не делает, только дышит.

— И мне правда очень стыдно за эти слова. И за весь рассказ.

— Мне было интересно. Не думал, что у тебя...

Он сбился на середине предложения и сердито замолчал. Это было не в его привычках: обычно он договаривал построенную в голове фразу до конца, даже если понимал в процессе, что в этой фразе что-то не так.

— Что у меня есть какие-то проблемы?

— Да, — с видимым облегчением сказал он и тут же снова смутился. — То есть нет, конечно. Я не думал, что у тебя вообще нет никаких проблем.

— Но не такие? Не в этой сфере?

— Да.

— А почему? Мне уже стало казаться, что у меня все написано на лбу большими красными буквами.

— Не написано. — Он покосился на нее, как будто хотел убедиться, что правильно помнит, как выглядит ее лоб.

— Я буду с этим бороться. Но это следующий шаг, я до него еще не дошла.

— Следующий шаг?

— Да. У меня целый план. — Она улыbnулась. — Сначала мне нужно было убедить Ярослава отпустить меня сюда. Потом перестать быть удобной, как тапочки, воспитанной девочкой, которая не может возражать, говорить что думает, в общем ничего не может, только кивает и улыбается. И я уже неплохо продвинулась на этом пути. Надеюсь, что смогу продвинуться и дальше.

— Здорово звучит, — искренне сказал он. — Хорошо, когда знаешь, что делать.

— Я не всегда знала. — Яна виновато пожала плечами, как будто хотела извиниться за то, что знает. — Пойдешь со мной к Кате?

— Не думаю, что это хорошая мысль.

— Почему?

— Ты правда не понимаешь? — Он быстро посмотрел на нее, как ей показалось, с надеждой, и тут же отвел взгляд.

— Правда не понимаю.

Он поднялся на ноги.

— Передай ей большое спасибо за приглашение.

— Ты поедешь или пойдешь? — Она тоже поднялась и вдруг поняла, как сильно замерзла.

— Пойду. А ты?

— Не знаю. Но подумываю вообще поехать на такси. Нет сил и холодно.

— Ясно, — сказал он, и они, не сговариваясь, медленно пошли по дорожке к выходу.

— До тебя идти больше часа, ты точно пешком? — зачем-то спросила она, когда они вышли на улицу, хотя знала ответ.

Он кивнул. Они повернулись друг к другу, пора было прощаться. Яна посмотрела ему в лицо — от голода и усталости оно стало еще более резким, чем обычно, — и едва устояла на ногах. Она должна подняться на цыпочки с плоской подошвы, из-за которой ее голова кончается там, где начинается его острый подбородок, схватить его за плечи и поцеловать. Прямо сейчас. Она почти начала движение вверх, а потом вспомнила вещи Никиты в своем шкафу, его зубную щетку у себя в ванной, его зеленый чай на кухне, который она не любила. Постель, на которой еще сегодня утром они проснулись вместе. Слишком быстро. Нельзя сегодня никого трогать. И особенно нельзя сегодня трогать такого человека, как Игорь. Сколько раз нужно повторить себе, что пора научиться отвечать за свои поступки и только потом совершать их?

Она повторила себе несколько раз, что сегодня нельзя делать ничего подобного, всматриваясь в свое новое чувство. Это было не привычное желание получить удовлетворение, расслабиться и уснуть, и не безумная страсть, и не влюбленность. Это было странное чувство долга, выполнить который будет самым большим удовольствием на свете. Она должна любить этого странного человека. Просто должна, и все.

Яна сжала руку в кулак и вонзила ногти в ладонь. Стало немного лучше, и нужно было быстро пользоваться моментом.

— Придешь завтра? — спросила она, не глядя на него.

— Не уверен.

— А можно я позвоню узнать, как ты, если не придешь?

— Конечно, — сказал он и первым протянул ей руку. — Спасибо тебе еще раз. За все.

Это был неожиданный ход. Прикасаться к нему было страшно, а избежать прикосновения нельзя.

— До завтра. — Она сжала его ладонь и, не оборачиваясь, быстро пошла в сторону улицы, на которой можно было поймать такси.

Катя открыла со словами «не прошло и года!», что было очень в ее духе, молча втащила Яну на кухню, сварила кофе и недрогнувшей рукой влила в него столько коньяка, что вместо кофе с коньяком получился коньяк с легким кофейным привкусом.

— Ну, — сказала она, усаживаясь напротив и подпирая щеку рукой, как героини русских народных сказок на картинках, — слушаю.

Яна внимательно посмотрела на нее, как будто видела первый раз в жизни. Кате будет трудно понять примерно половину ее рассказа. Она считает, что иметь такого отца, как Ярослав, потрясающая удача, Никита — отличный парень, без которого Яна не представляет своей жизни, а Игорь — просто сумасшедший, которого жалко, потому что очень уж он сумасшедший. Яна решила, что будет опускать некоторые подробности этого безумного вечера, а потом открыла рот и рассказала все как было, ничего не пропуская. Все время, пока она говорила, Катя сидела напротив и слушала, не отводя глаз и не меняя позы, а когда Яна замолчала, подошла и, не говоря ни слова, крепко ее обняла.

Яна хотела освободиться от этого неожиданного объятия, но вместо этого почему-то обняла Катю в ответ. Это было поразительное ощущение. Ярослав прикасался к ней очень редко. Целовал в щеку, вручая подарок на Рождество, Новый год и день рождения, и еще пару раз в год, когда считал, что она заслужила похвалу. Но это было прикосновение, полностью лишенное содержания, по крайней мере так она чувствовала. Словно он однажды уяснил, что хорошие отцы должны иногда целовать своих дочерей со словами «молодец, дорогая» или «поздравляю, дорогая», в

зависимости от ситуации, и старательно следовал этому правилу. Когда она была совсем маленькой, лет до десяти, он брал ее за руку, когда они куда-то шли, но точно так же он брал за ручку свой портфель, чтобы взять его с собой.

Она вдруг подумала, утыкаясь лицом в Катин колючий из-за шерстяной кофты живот, что, вполне возможно, все ее отношения с нелюбимыми мужчинами случались именно потому, что ей ужасно не хватало ласковых прикосновений. От этой мысли в горле как-то подозрительно запершило, и Яна осторожно выскользнула из рук подруги, чтобы сдержаться и не заплакать.

— Хочешь еще кофе? — спросила Катя, послушно отпуская ее.

— Такого же, как предыдущий? — Она засмеялась и почувствовала, что слезы отступают. — Спасибо, я столько не выпью!

— История, конечно, что надо. — Катя села на свое прежнее место. — Но ты не думаешь, что Никита был прав?

— В чем? — Началось. Сейчас она скажет, что Игорь действительно псих, и придется долго и с чувством с ней спорить, потому что промолчать она не сможет.

— В том, что ты ему нравишься. Игорю. Иначе какой смысл ему кидаться на твоего парня?

Яна с облегчением перевела дух, как после быстрого бега.

— Не говори ерунды.

— Ладно, — ответила Катя, совершенно не обидевшись. — Тебе виднее. На этот раз чайку, да?

— Только сделанного из воды и собственно чая.

Какое счастье, когда можно попросить не говорить ерунды, услышав ерунду, и на тебя не обидятся на всю оставшуюся жизнь. Катя — второй важный и близкий человек в ее жизни после доктора Льюиса, несмотря на привычку говорить ерунду примерно раз в пятнадцать минут.

— Может, ты есть хочешь? — вдруг спохватилась Катя и зачем-то вскочила со стула, не дожидаясь ответа.

Ее сходство с героиней народных сказок стало настолько роковым, что Яна глупо захихикала.

— Не хочу, спасибо.

— Хорошо. — Катя села и посмотрела на нее прищуренным глазом. — А чего смешного?

— Ты такая забавная. Как девица из старой сказки. Тебе еще волосы надо отрастить и косу заплести. Только не обижайся, хорошо? Я любя.

— Держите меня втроем, на что тут обижаться? — Катя отмахнулась. — А косу отращивать не буду. У меня уже была коса, больше не надо. Сплошное мучение!

— Немедленно покажи фотографии!

— Потом. — Катя скорчила до боли знакомую гримасу, которую она не сразу смогла распознать, и противным голосом добавила: — После того, как ты покушаешь, моя сладкая!

Яна снова засмеялась.

— Это тоже что-то фольклорное сейчас было, да?

Катя в изумлении воззрилась на нее.

— Ты что, с другой планеты прилетела? Признавайся, с какой! Есть такой вымирающий вид, называется «русская бабушка». Сейчас бабушки другие пошли, такие же, как мы с тобой, только в три раза старше. А я свою прабабушку застала живой, и она была настоящей. Носила платок на

голове, даже летом всегда надевала, и заставляла кушать. И пирожки пекла. В духовке. — Катя вздохнула и потянулась к чайнику.

— Он только что вскипел, — осторожно подсказала Яна.

— А, точно. — Катя встала и полезла за чашками в шкаф над раковиной. — Святая женщина была, честное слово.

— У меня все бабушки и прабабушки умерли до моего рождения, так что я ничего в них не понимаю.

— Жалко. Бабушки — это отлично. Тебе какой чай, зеленый или черный?

— Черный. Я зеленый и раньше не любила, а сейчас он у меня с Никитой ассоциируется. Вообще его больше пить не буду.

— Слушай, я вдруг поняла, что не знаю, где твоя мама, — просто, без предисловий, поинтересовалась Катя, наполняя жгуче-малиновые чашки кипятком.

— Я тоже не знаю, где она, — так же просто ответила Яна. — Но надеюсь, что где-то есть.

— В смысле? — Катя повернулась, не выпуская из рук чайника.

— Умерла, когда мне было три года. Я очень смутно ее помню, и больше по фотографиям и видеозаписям, которые остались.

— Извини, что спросила, — необычно тихо сказала Катя и вернулась к чаю. — Я думала, ты просто про нее еще не рассказывала.

— Ничего страшного. Я знаю, что это ужасное событие, и даже знаю, какие у меня проблемы из-за этого, но совсем плохо ее помню. Я даже не знаю толком, какая она была. У нее был дневник в интернете, но отец зачем-то его удалил после ее смерти.

— Наверное, не хотел перечитывать и расстраиваться. — Катя шлепнула перед ней дымящуюся чашку.

— Но я бы хоть немного познакомилась с ней, когда выросла. Поняла, о чем она думала.

— У Игоря тоже мама умерла. Он вроде бы вообще в детском доме жил, когда был подростком. — Катя задумчиво подула на чашку. — Может, он поэтому тебя и воспринимает? Чувствует родственную душу?

— А откуда ты знаешь? Вряд ли он стал бы тебе об этом рассказывать.

— Нет конечно. — Катя наконец перестала дуть и сделала глоток. — Мне говорила тетенька из администрации. Она зачем-то, уже не помню, читала его личное дело, и оно ее так тронуло, что она немедленно решила поделиться со мной. Ты ее знаешь, кстати, это Вероника.

— Мне иногда хочется, чтобы началась третья мировая и все человечество умерло, — призналась Яна. — Быстро, но мучительно. Это же нарушение закона. Почему она треплется о содержании чужих дел и еще не за решеткой, ты можешь мне объяснить?

— Янка, ты чего? — удивленно спросила Катя, как будто она сказала что-то запредельное. — Ну, у нее есть доступ к личным делам. Ясный хрен, она не выдерживает и лезет в них.

— Ясный хрен? — Яна подалась вперед и уперлась грудью в стол. — По-моему, ясный хрен, что за такие штуки положено судить, и это придумали не из вредности!

— Я тебя боюсь. У тебя так глаза горят, как будто ты своими руками завтра начнешь третью мировую. — Катя передернула плечами и сделала новый глоток. — Я ж не говорю, что так и надо. Понятно, что она овца. Но зачем так расстраиваться? Тем более что она не про тебя треплется.

— Попробовала бы она про меня потрепаться, — зло сказала Яна, тоже сделала глоток, обожглась и разлилась еще больше. — Все бы тут же вспомнили, что это нарушение закона.

— Он тебе все-таки нравится, — обреченно констатировала Катя.

— Дело не в этом. Если она завтра про тебя начнет рассказывать, я расстроюсь не меньше.

— Про меня? Пускай болтает на здоровье, раз скучно. Я и сама все про себя тебе расскажу!

— Верю. Но это ты, а он другой.

— Да я уже поняла. Страшно даже представить, что он сделает, если об этом узнает. Уж если ты так волнуешься! — Катя осуждающе покачала головой и на секунду снова стала похожа на — как там она говорила? — вымирающую русскую бабушку.

Глава четвертая

Санта-Круз, США, октябрь 6, 2077

— Спасибо тебе, что ты есть, старик, — совершенно убитым голосом говорит ему в ухо Дерек. — Черт, это правда важно, что ты был против.

Стивен сглатывает слюну, чтобы заговорить, но все равно поначалу получается невнятное бульканье.

Все как он и предполагал, словно они распечатали ноты из его головы и старательно по ним сыграли. Обвинение в разработке оружия, предупреждение, еще одно, еще одно, последнее. И вот сегодня все кончилось — против Аляски объявлена военная операция. И еще большая радость, что сейчас, когда они успели подготовиться и эвакуировать мирных жителей. Тем не менее, это будет почти полностью разрушенная страна. Растерянные люди, которым нужно или бежать, или восстанавливать свою страну из руин. Годы на то, чтобы вернуться на прежний уровень. А учитывая скорость, с которой развивается наука в Академии, возможно, сравняться с соседями не получится уже никогда.

— Кому важно? Думаешь, приятнее смотреть на руины, если кто-то возражал?

Дерек долго молчит, что вообще-то совсем ему не свойственно: этот человек-батарея способен часами прыгать по сцене, часами болтать, часами разгребать разрушенные дома в составе отряда добровольцев, часами идти пешком по пустыне и много чего еще. Он не просто так стал рок-звездой — кажется, что если бы он ею не был, то просто лопнул от переполняющей его энергии. Но сейчас он просто молчит, и мир сжимается в точку.

— Мне было бы приятнее. Правда. Я понимаю, что там не я, но, мать твою, я считаю, что должен был это сказать.

На этот раз долго молчит Стивен.

— Спасибо. Я не могу сказать, что это что-то меняет, но спасибо тебе. Ты настоящий друг. Как всегда.

— Но и это ничего не меняет.

— Как всегда. — Стивен снимает очки, бросает их на пол, покрытый ворсом, не боясь, что они разобьются, — впрочем, именно сегодня они могли бы и разбиться, и он бы не обратил на это внимания, — трет лицо рукой. — Спасибо тебе еще раз, и на этом до завтра. Прости. Я сегодня не в состоянии нормально коммуницировать.

— Не проблема. Я понимаю тебя, ты же знаешь.

— Знаю. Нет слов: в две тысячи семьдесят седьмом году эти уроды все еще не знают другого способа решения проблем, кроме войны.

— Я охреневаю от этого всю жизнь. И чем больше езжу туда, где война, тем больше охреневаю.

— И снова знаю.

— Хочешь, приезжай ко мне? Поохреневаем вдвоем.

— Спасибо. Я позвоню, если надумаю. А пока просто посижу в тишине.

Из облачного дневника Джаспера Кэмерона, запись только для автора, октябрь 6, 2077, Палмер, республика Аляска

Кажется, у меня скоро случится нервный срыв, я уеду в психиатрическую клинику и буду там тихо лежать и смотреть в стенку. Сегодня очередное заседание Совета, тема все та же: пора ли уже переходить от предупреждений к боевым действиям против злостных террористов, засевших на Аляске. И знаешь, Дорогой Дневник (решил иногда писать «Дорогой Дневник», раз уж я принцесса), я почему-то думаю, что уже пора. Нет никаких шансов, что у них что-то изменится всерьез. А значит, все это — просто утомительное откладывание неизбежного. Я больше не хочу и не могу откладывать неизбежное. Я готов его встретить.

Очень хорошо, что все это длилось так долго: у нормальных людей, которые просто жили тут, занимались своими делами, ни во что такое не лезли, была возможность спокойно подготовиться и убраться отсюда подальше — либо в другую страну, либо в такие части этой, которые никогда не станут трогать. Они ею воспользовались. Я не знаю никого, кто хотел бы, но не успел. Здесь остались только упертые, только принципиальные, только понимающие, что и зачем делают, — только те, кто все это *специально*. И я считаю, что уже пора.

Из облачного дневника Джаспера Кэмерона, запись только для автора, октябрь 7, 2077

Ну что, Дорогой Дневник. Мечты сбываются. Я хотел, чтобы это прекратилось, — и вот оно прекратилось. Вчера на очередном заседании Льюиса не стали слушать и пяти минут. Все доказательства получены, все очевидно, здесь террористы, которых необходимо уничтожить ради мирной жизни на Земле. Честно говоря, я удивлен, что Льюису удалось морочить им голову так долго — обычно от него отмахиваются намного быстрее. Здорово, что у людей, которые хотели спастись, было на это время. Здорово, что тем, кто спастись не хочет, больше не придется ждать. Думаю, все случится через несколько часов.

Скорее всего, это последнее, что я пишу. Безумно страшно, причем страх чисто физиологической природы, даже интересно находиться в таком состоянии. Никакого сожаления, желания что-то исправить, остаться в живых — ничего нет. При этом пульс как после бега. Ненавижу бегать. Еще, кажется, давление под двести. Как у моего дедушки в старости. Но измерить нечем, могу и врать. Гипертонический криз от ужаса. А что, в этом что-то есть — умереть раньше, чем все начнется.

Эмоций при этом ноль. Разве что немного жаль, что так вышло. И что организация, созданная, чтобы двигать науку, теперь за нее преследует и убивает, и чего уж теперь стесняться, что лично у меня не получилось вообще ничего из того, о чем я мечтал. И не только того, о чем мечтал, — вообще ничего. Летом мне исполнилось тридцать восемь, у меня нет даже кота (я всегда хотел завести красивого толстого кота, почему не завел?), что почему-то именно сегодня расстраивает сильнее, чем все остальное. Ни стоящего научного достижения, подтвержденного исследованиями, только болтовня, ни любимой женщины, ни достаточно близких друзей, чтобы сейчас звонить мне и требовать уносить отсюда свою задницу. Причем я отлично осознаю, что друзей растерял сам: часть отвалились, когда я стал академиком в двадцать четыре года, а мне показалось унижительным гоняться за ними, объясняя, что я все еще их друг, хоть теперь и звезда, другую часть я стал игнорировать, когда ушел из Академии после убийства моего учителя. Я же, мать мою, гордый, я не могу показываться даже самым близким людям в недостаточно бодром расположении духа. Не смог вынести мысли, что друзья будут видеть меня не таким, к какому привыкли, а депрессивным

неудачником. Через несколько лет отстали даже самые настойчивые, и вот я сижу тут, и мне лень даже дойти до бомбоубежища. В городе к этому моменту остались только самые упертые, но сейчас даже упертые эвакуируются на север или прячутся под землей, и только я торчу тут и зачем-то пишу все это.

Кстати, про женщин: вспоминал недавно историю, отлично иллюстрирующую всю мою жизнь. Уже здесь, в Палмере, у нас в команде была девушка, довольно приятная, из России, по имени Соня. Мы с ней неплохо общались, обедали вместе, иногда врезали по пиву в пятницу. Не могу сказать, что общались как-то особенно много, — у меня здесь со всеми примерно одинаковые отношения. Потом она получила предложение от Тайваня, а там люди медленно, но верно ковыряются в вещах, оставших от нас лет на десять, а от Академии — на все пятнадцать, и к ним у Академии претензий пока нет. И согласилась. Сказала, что там не так интересно, зато безопасно. Я прекрасно ее понял, мы попрощались, проводили ее всей компанией, она уехала. Спустя полгода мой напарник мне говорит: болтал вчера с Соней, она расспрашивала, как у тебя дела, наверное до сих пор в тебя влюблена. Я едва не упал со стула. Потом он мне полчаса объяснял, что все в радиусе десяти километров от нашей лаборатории знали, что Соня меня обожает, уже не знает, что еще придумать, чтобы я обратил на нее внимание, пару раз приглашала меня на свидание (!), но я отвечал вежливым отказом (!!!). Особенно про приглашения хорошо. Причем я допускаю, что имели место примерно такие разговоры, которых я не помню, потому что вообще не придавал им значения:

— Джаспер, что делаешь в пятницу? Может, сходим в кино?

— Спасибо, но настроение вообще не для кино, давай как-нибудь в другой раз.

И вот я вдруг Все Понял: несчастная девочка приглашала меня не просто как грустного коллегу, которого хочется развеселить, а как симпатичного ей мужчину. А потом, наверное, еще переживала, что «ну вот, я ему не нравлюсь» и все такое. Да я понятия не имею, нравилась она мне или нет. Может, и нравилась. Я просто забыл об этом подумать. А после разговора с напарником понял, что подумать не мешало. Правда, совершенно неясно, к чему мне это понимание полгода спустя, когда Соня уехала на другой конец планеты в намного более спокойное место и счастливо там живет. Мой мозг вообще интересно работает: он может очень многое, но для этого его нужно сосредоточить на объекте осмысления. Четко и ясно: все бросил и думаешь вот над этим! А пока этого не происходит, я глупый, как аквариумная рыбка.

Но теперь это не важно, потому что совсем скоро меня не станет. Круто. В конце концов, в этом есть свои плюсы. Жить довольно утомительно. Если совсем честно, мне никогда не нравился этот процесс. Эй, сучки, давайте там быстрее, хватит тупить. Дядя Джаспер намерен отдохнуть.

Палмер, республика Аляска, октябрь 7, 2077

Интересное чувство: когда всю жизнь готовился к моменту, в который действительно сможешь на что-то повлиять, кого-то спасти, сделать лучше. И все, безусловно, так и получилось — не растерялся, согласился вписаться в очень рискованную авантюру, спас тысячи жизней мирных людей, потому что Бланш — не зря он ей вдруг поверил — сдержала свое слово и выторговала для Аляски драгоценное время на эвакуацию и подготовку. Одним словом, не Тревор, а настоящий герой. Вот только незадача: сам этот роковой момент выглядит настолько специфически, что весь вкус правильности происходящего теряется. Да что уж там «странно» — ужасно выглядит, прямо скажем. Он состоит в том, что ему надо незаметно влезть в дом к человеку, который явно сообщил, что хочет умереть, и не дать ему этого сделать. А потом еще и нанести ему такие травмы, чтобы он поверил, придя в себя, что чудом выжил под завалом. М-м-м, Тревор, как тебе такое участие в исторических событиях? Взять subtilного ученого и методично, пока он без сознания, нанести ему травмы внутренних органов, сломать ребра, желателен побольше ребер... Сотрясение мозга тоже бы не помешало. Немного не так ты себе это представлял, не правда ли?

Тревор усмехнулся своему отражению в зеркале и вяло удивился, как изменилось его лицо за последние восемь недель. Как будто прошло восемь лет, и все эти восемь лет он только и делал, что ломал людям ребра ради добра. Он еще раз проверил содержимое карманов, положил вторые

перчатки, потом вытащил их и оставил у раковины. Уже у двери развернулся, снова зашел в ванную и все же взял вторую пару перчаток. Кто их знает, этих ученых. Бланш утверждает, что Кэмерон, возможно, понял, откуда взялся мир. И не в значении «что-то ебануло, и Вселенная появилась из сингулярности и стала расширяться», как это понимают все, а в настоящем — откуда взялось это что-то, почему ебануло, как мы оказались запертыми в этих довольно убогих телах, окруженные темнотой и ужасами, почему мы до сих пор не встретили другую населенную планету, сколько ни искали. Правда, даже он не знал ответа на вопрос, что со всем этим делать дальше, но того, что знал, уже было достаточно, чтобы за него была готова рубиться сама Бланш, редко вникающая в такие мелкие, с ее точки зрения, детали, как жизнь одного конкретного человека.

Всегда тихие улицы Палмера словно вымерли. Он шел сложным маршрутом, где-то прижимаясь почти вплотную к стене, где-то обходя дом со стороны двора, чтобы не попасть ни на одну уличную камеру. Схема их расположения у него была — помощь в подготовке спасения Джаспера входила в договоренность с Ирмой. Углы губ сами собой поползли вверх. Не Ирмой, конечно, а госпожой Президент, но так вышло, что для него она теперь просто Ирма. Наверное, она и сама удивлена такому повороту сюжета: стать почти родной матерью для сотрудника организации, из-за которой ее страна скоро превратится в черные дымящиеся руины. Но он старался не тратить время на Аляске зря, помогал в подготовке, строил планы эвакуации, показывал ей неочевидные минусы в тех планах, которые уже были готовы и ждали своего часа в Министерстве обороны, — в общем, делал все, чтобы извлечь из своей странной командировки как можно больше пользы для всех. И вот Ирма уже передает ему домашний джем из черники.

Дом Кэмерона находится в четырех с половиной милях от Южной улицы Аляски, где все это время жил Тревор. В норме для Тревоора это час пятнадцать — час двадцать быстрым шагом, но сегодня, уклоняясь от взгляда уличных камер, он надеялся уложиться в два часа. Погода выдалась менее отвратительной, чем бывало тут очень часто, целых пятьдесят градусов³, на некоторых поворотах в лицо дул неприятный холодный ветер, но намного слабее, чем он ожидал, выходя из дома. Дом Кэмерона на углу Кива и Куинсборо был совсем небольшим — Тревор слышал, что Джаспер вообще поначалу отказывался жить в доме, считая это неоправданно дорогим, чтобы позволять Аляске столько тратить на его персону, — но, познакомившись с городом поближе, понял, что вариантов немного. Неброский бежевый домик с небольшой террасой у входа, двумя небольшими этажами и пристроенным гаражом. Тревор так хорошо изучил его заранее, что не задумывался, прижимаясь к стене, чтобы обойти вокруг, оставшись незамеченным. Замок на раздвижной двери, которая вела во двор, к одинокой скамейке на лужайке, где почти никогда никто не сидел, сколько Джаспер тут жил, поддался через двадцать две секунды с негромким щелчком. Джаспер был наверху — об этом Тревору моргал выведенный на телефон датчик движения, установленный еще месяц назад. Он прокрался внутрь, аккуратно закрыл за собой дверь, но не до щелчка, в два больших шага метнулся к кухонному островку и укрылся за ним. Достал противогаз, на счет «три» надел его и нажал на клапан во внутреннем кармане куртки. Довольно вредный способ отключить человека, но ничего лучше не придумать: если подобраться к Джасперу и прижать что-нибудь к лицу, он может потом вспомнить последние секунды перед отключкой и задаться вопросом, кто и с какой целью это сделал. Его воспоминания должны обрываться на моменте, когда еще ничего не происходит, и возобновляться уже в больнице, после «чудесного спасения». Лучше было бы, если бы он запомнил взрывы и грохот обваливающихся стен, но, как Тревор ни прокручивал разные варианты, ему так и не пришло в голову, как это можно было бы устроить. Когда Джаспер выключится и он увезет его на безопасное расстояние в лес, на который уж точно никому не придет в голову сбросить бомбу, ему придется добавить еще настоящего наркоза, какой используется для операций, — потому что ломать человеку ребра, не жалея его и не опасаясь, что он проснется, можно только будучи уверенным в очень глубокой седации. Пульс участился. Несмотря на пройденный вводный курс по полевой анестезиологии для военных, он не то чтобы был полностью уверен в своих силах. Выдать такую дозу наркоза, от которого Джаспер уснет так, что спокойно перенесет все издевательства, которым Тревору предстоит его подвергнуть, а потом выйти из него, — задача не из легких. Вот будет номер, если в итоге Джаспера убьет не ракета Академии, а его собственное дилетантство.

³ Плюс десять градусов по Цельсию.

Сверху раздался тихий стук — это Джаспер, сидевший перед компьютером в кабинете на втором этаже, уронил голову на клавиатуру. Тревор тихо выбрался из-за кухонного уголка, пересек гостиную, поднялся по довольно крутой лестнице на второй этаж. Джаспер, как он и ожидал, лежал головой на столе, словно уснув за ночной работой. Под столом стояли три пивные бутылки. Открытая четвертая стояла на столе, сантиметрах в пяти от руки Джаспера, и была почти полной. Шесть порций алкоголя перед наркозом. Не то чтобы неожиданно, но еще усложняет задачу. На самом деле Тревор боялся думать, что в такой ситуации мог бы употребить он сам. Самоубийство, которое предполагает долгое ожидание, кого угодно заставит приложиться к бутылке, и в его случае это запросто могла бы быть бутылка бурбона, а не какое-то там пиво, словно сегодня обычный вечер пятницы, а не день гибели. Пиво было интересным — его варили местные ребята совсем небольшими партиями. Горькое и хвойное, как будто лижешь срез только что срубленной ели, но не очень крепкое при этом, обычные 5.5. Тревор не очень любил настолько горькое пиво, но попробовал его с большим интересом в свой третий день на Аляске — привлекла необычная этикетка с нарисованным мелкими силуэтом горы.

Он аккуратно нащупал пульс на шее Джаспера, наклонился, чтобы послушать дыхание. Убедившись, что все в порядке, откинул тело с клавиатуры на спинку кресла на колесиках, откатил кресло от компьютера и присел перед ним на корточки.

— Вот так, — зачем-то вслух сказал он, как будто ученый мог его слышать, — а теперь пора идти.

Тревор посмотрел на часы. До начала так называемой операции оставалось сорок семь минут. Он бережно просунул руки между подмышками Джаспера и спинкой кресла, наклонил его, отчего голова качнулась вперед и упала к нему на плечо. Потом медленно встал, перенося вес тела Джаспера себе на плечи. Немного подвинуть его назад, чтобы центр тяжести оказался у него на правом плече, а Джаспер расслабленно повис, согнувшись почти пополам в пояснице.

— Вот так, — повторил он.

Самым сложным в его путешествии до гаража была лестница — достаточно крутая, чтобы запросто упасть, даже когда не несешь на плече второго человека весом почти с тебя. Он спустил левую ногу на ступеньку ниже, посмотрел, куда ставить правую, спустил и правую. Пусть вниз занял несколько минут. Начинили болеть мышцы.

Оказавшись на первом этаже, он с облегчением выдохнул, покрепче перехватил колени Джаспера и уже быстрее направился к гаражу. Камера на круговом перекрестке Восточной Богарт и Транк роуд была выведена из строя им же самим сутки назад, а чинить ее перед войной было некому и незачем — он специально дождался, пока Академия на заседании Совета проголосует за бомбардировку, прежде чем трогать ее. А больше камер на их пути не было. Услышав щелчок, с которым над головой Джаспера закрылся багажник его же собственной машины, Тревор быстро вернулся к раздвижной двери, через которую попал в дом, спустился с крыльца, наклонился и поднял небольшой предмет, завернутый в пакет. Вернулся в комнату, еще раз прикинул, где лучше оставить подарок, чтобы тот находился прямо под креслом, на котором сидел Джаспер, осторожно развернул пакет, положил предмет на пол и нажал на незаметную кнопку сбоку. Они должны быть уверены, что дом разрушит взрывом. Чтобы раненый Джаспер, чудом выживший под завалом, смотрелся максимально естественно. Он немного подержит его в лесу без сознания, потом нанесет ему пару травм, похожих на те, что люди получают при взрыве дома, а потом вернет назад, заботливо прикрыв каким-нибудь обломком, как мама в детстве прикрывала одеялом. А потом его быстро найдут, потому что все знают, что Джаспер остался в Палмере, игнорируя просьбы Ирмы, Совета, каких-то киноактеров, рэперов, и мастеров паркура, и вообще всех на свете. Как только по Палмеру станет можно безопасно передвигаться, в сторону дома Джаспера выдвинутся спасатели, в числе которых, вполне вероятно, будет и сам Тревор, замаскированный Ирмой под отправленного из Джуно пожарного. Так что у него будет совсем мало времени, чтобы вернуть Джаспера на место. Но он постарается не облажаться. Облажаться в таком деле на финальном этапе было бы совсем глупо. Удивительные дела: взрывать дома и ломать ребра ради блага. Он тряхнул головой, отвернулся от оставшегося на полу предмета и быстро пошел обратно в гараж.

До взлета первого бомбардировщика с базы в Уайтхорсе оставалось шестнадцать минут.

Лос-Анджелес, США, октябрь 7, 2077

На следующее утро после разговора со Стивеном ему позвонила Джилл — как ни в чем не бывало.

— Привет! Пойдем со мной к Айтам? Будет отличная вечеринка, а мне не хочется идти одной.

Дерек закрывает глаза и считает до пяти.

— Тебе не хочется идти одной, а мне не хочется идти вообще. Извини.

— Что-то случилось? — недоверчиво спрашивает Джилл после паузы. — Ты какой-то особенно мрачный.

Счет перестает помогать.

— Во-первых, да, случилось: по Аляске сегодня ебанут ракетами. Во-вторых, что значит «особенно»? Я что, всегда мрачный?

— Пф-ф-ф! Да, ты всегда мрачный. Но сегодня особенно.

— Может, найдешь себе кого-нибудь повеселее?

— Подумываю об этом.

— Знаешь, что? Иди-ка ты к черту.

Он хочет еще что-то добавить, но понимает, что разговаривает уже сам с собой. Тогда он приходит в еще большую ярость, чем неизбежно пришел бы, продолжай она говорить, и зачем-то перезванивает ей сам.

— Какого хрена ты отключилась?

— Я пошла к черту, как ты и попросил.

— С чего вдруг столько внимания к моим просьбам?

Пока Джилл обиженно дышит в микрофон, Дерек вдруг вспоминает, что она не только страшно раздражает его, но и очень возбуждает. Он представляет себе, как она сейчас сердито качает ногой, — ему не видно ее ног, телефон лежит на столе, и Джилл на экране выглядит как острый подбородок, нос-кнопка, несколько белых длинных прядей, закрывающих плечи, вырез майки, на который невозможно перестать пялиться, и две тонкие руки. Раздражение начинает потихоньку проходить.

— Вот скажи мне, твоей Аляске станет легче, если мы поссоримся? Ракеты улетят назад?

— Нет.

— Тогда зачем ты портишь мне настроение?

— А как мне его не портить? Собраться, вытащить из шкафа дебильную улыбку, нацепить ее и пойти бухать с твоим сборищем телок в футболках с блестками?

— Айты — не телки, это семейная гетеросексуальная пара. Ты даже не услышал, куда я тебя зову!

— Оу, да это в корне меняет дело. Ради того, чтобы посмотреть на семейную гетеросексуальную пару, я готов на все!

— Знаешь-ка что? Сам иди к черту! А я пойду выпивать со своими, как ты выразился, телками. Они, может, и телки, зато не сидят с кислыми лицами из-за выпусков новостей!

— Какое потрясающее достоинство!

— Да уж какое-никакое, а все-таки достоинство! Проваливай из моего канала связи.

На этот раз первым молча отключается Дерек и, уже глядя на погасший дисплей, бубнит себе под нос «да с удовольствием». Последнее, что должно было произойти, чтобы этот день из просто ужасного превратился в один из самых ужасных, случилось. Джилл позвонила и разнылась из-за того, что он сидит дома и отказывается радоваться жизни. Впрочем, не кретин ли он? Он вообще видел, кто такая Джилл, когда приглашал ее на первое свидание? Она же тоже звезда. Снимается в фильмах про таких же, как она сама, для таких же, как она сама. Ее фотографии в блестящих майках публикуют на обложках средней популярности дамские журналы — до обложек самых популярных журналов ей еще предстояло дорасти, но он не сомневался, что у нее на это уйдет не больше пары-тройки лет, — а под обложками она глубокомысленно сообщала в интервью, что «не представляет своей жизни без брата и родителей» и «на самом деле очень домашняя, хоть и обожает шумные вечеринки». Что его теперь удивляет? Что автор этих высказываний считает нецелесообразным сидеть дома в день начала так называемой военной операции? Проклятый Лос-Анджелес вместе со своим проклятым Голливудом.

И главное, что в любой другой день он пошел бы играть на гитаре, или пить пиво с ребятами из группы, или позвонил Стивену и через десять минут забыл и о Джилл, и об очередной ссоре с ней. А сегодня ему не хочется никуда идти, ничего играть и никому звонить, а хочется только немедленного нападения на Землю инопланетной цивилизации.

Чтобы Аляска не чувствовала себя одиноко.

Дубна, Центральная Российская республика, октябрь 10, 2077

Ярослав прилетел через неделю, брезгливо осмотрел квартиру дочери, как будто она жила в коллекторе теплотрассы, а не в прекрасном новом доме, посетил российское отделение Академии, совместив личные дела с рабочими, прочитал ей персональную лекцию о том, что будет, если что-нибудь в таком духе повторится, и повозил на машине с охраной. Почему-то тот факт, что она ходит пешком в его отсутствие, он воспринимал относительно спокойно, но при этом не мог вынести, чтобы она шла пешком одновременно с тем, как он подъезжает к Академии в кортеже из шикарных тачек, полных широкоплечих молодцев из службы безопасности. Яна знала, что отказываться бесполезно: если она не сядет в машину через секунду после того, как та остановится, один из молодцев откроет перед ней дверь и усадит внутрь, аккуратно взяв за локоть. Ни с Игорем, ни с Никитой Ярослав встречаться не стал, видимо, решив, что это ниже его достоинства.

На следующий день после случая с Никитой Игорь не пришел на занятия, и она позвонила ему спросить, все ли с ним в порядке, как обещала. Он сказал, что все в порядке, хотя и не слишком уверенно, после чего они проговорили целых двенадцать минут и сорок четыре секунды, она хорошо запомнила эту цифру, показанную телефоном после отбоя. С тех пор они каждый день обменивались несколькими фразами, а иногда говорили подолгу. Когда Игорь не появлялся в Академии, она звонила ему, и каждый раз ей казалось, что он ждал ее звонка. Ее странное чувство к нему выросло во что-то настолько огромное, что не было видно начала и конца. Ей даже расхотелось совершать какие-то резкие движения: лезть к нему с поцелуями, тащить в постель, рассказывать, как он ей нравится; одно то, что он разговаривает с ней и улыбается при встрече, было настолько важным, что рисковать не стоило.

Чуть меньше, чем через месяц после того, как Яна вытащила его от службы безопасности, ему представилась возможность помочь ей в ответ, которой он немедленно воспользовался. Выступая перед группой с одной из своих работ, она допустила ошибку в расчетах, дурацкую и обидную. Совершенно ясно, что она допустила ее по недосмотру, но эта ошибка при плохом раскладе могла стоить ей года обучения в Академии.

Игорь сидел в самом конце аудитории, как обычно, и переводил взгляд с Яны на профессора Левицкого, на лице которого медленно рисовалась злая раздосадованная улыбка. Левицкий был

отличным преподавателем и талантливейшим ученым, но старался не прощать студентам никаких неточностей, объясняя это тем, что сегодня он закроет глаза на их ошибки, а завтра они взорвут Академию к чертовой матери, потому что, как обычно, что-то перепутали. Игорь вытянулся вперед и стал ждать, что она заметит. Ошибку, оперативно исправленную автором работы в процессе защиты, Левицкий мог не только простить, но и благосклонно прокомментировать: не ошибается тот, кто ничего не делает, но главное — быть внимательным и вовремя замечать, что ошибся, и прочий пафосный бред в таком же духе. Но минуты шли, а Яна как ни в чем не бывало оперировала заведомо неверными цифрами.

И он решил. Безжалостно оторвав от книжки, которую читал в обеденный перерыв, кусок страницы, он быстро переписал поперек строчек злополучный кусок ее расчетов, убрав ошибку, поднял руку, дождался кивка Левицкого и быстро пошел к выходу, не обращая внимания на изумленно поднятые брови профессора. Услышав в аудитории шаги, Яна повернулась, сделала шаг назад, и тут Игорь столкнулся с ней, изо всех сил стараясь сделать вид, что это получилось нечаянно. Одной рукой он схватил ее за плечо, чтобы поддержать, а другой быстро прижал листок, скомканный в крошечный шарик, к ее открытой ладони. Она все поняла и сжала кулак, а он громко сказал «извини, пожалуйста» и быстро выскочил в коридор.

Если профессор догадается — а он догадается, в этом не могло быть никаких сомнений, — то служба безопасности поднимет видеозапись занятия, на которой с вероятностью девяносто восемь процентов будет видно, как все было на самом деле, и ему придет конец. Академия с одинаковым рвением купала честных студентов в мармеладе, а нечестных в дерьме. И все-таки он не мог этого не сделать.

Яна не стала смотреть, что передал ей Игорь. Ясно, что на глазах у всей группы и одного из самых строгих преподавателей он может пытаться сообщить только об одном: она допустила серьезную ошибку и не замечает ее. Она постаралась продолжить, как будто все в порядке, а минут через пять сделала вид, что засомневалась в своих словах, взяла черновик и уставилась в него с неподдельно серьезным видом. Конечно, лучше всего было бы развернуть записку. Наверняка там не признание в любви, а коротко и ясно изложенный комментарий к ее работе. Но это огромный риск, идти на который нельзя. Она пробегала глазами строчку за строчкой.

— Яна, что-то не так? — не выдержав, спросил Левицкий, с подозрением глядя на нее.

Она в ужасе подняла глаза. Нельзя же ответить «я знаю, что допустила ошибку, но еще не поняла, какую». Бумага стала влажной в том месте, где соприкасалась с ее рукой. Профессор смотрел на нее не отрываясь, как хищник на свою жертву перед прыжком из засады. Яна открыла рот, чтобы продолжить, и вдруг увидела. Она еле сдержалась, чтобы не подпрыгнуть от радости. Все-таки ее не зря взяли в Академию. У нее есть не только известная фамилия, но и собственные мозги.

— Я только что обнаружила, что допустила ошибку.

— Только что? — спросил Левицкий, улыбаясь широкой ядовитой улыбкой. — Вот прямо сейчас?

— Да, — ответила она, стараясь дышать как можно глубже.

— Интересный случай!

— Согласна.

Несколько секунд он смотрел на нее, пытаясь заставить ее проколоться, а потом повернулся к аудитории.

— Ну, что же. Лучше поздно, чем никогда. Послушаем, в чем состоит ваша ошибка. Но в следующий раз старайтесь разбираться с этим не у нас на глазах, хорошо?

Игорь вернулся на середине ее рассказа и принялся слушать с таким видом, как будто для него это было такой же новостью, как и для остальных.

До того момента, как Левицкий попросил их двоих после занятия зайти к нему в кабинет, все было замечательно. Они молча прошли по коридору, нашли дверь с фамилией профессора, постучались и после возгласа «Входите!» оказались в полутемном помещении, центр которого занимал массивный письменный стол. Перед столом, словно специально ожидая их, стояли два кресла, на которые Левицкий указал рукой. Яна устало села, не оглядываясь на Игоря. Кажется, все. Как ни странно, она почувствовала облегчение: если ее отчислят, Ярославу будет нечем больше ее пугать и она наконец-то сможет принимать решения без оглядки на то, как он на них отреагирует. Если, конечно, найдет ответ на вопрос, как жить без Академии, к которой она привыкла с раннего детства и ничего другого себе просто не представляла.

Профессор неспешно сел в свое кресло с другой стороны стола и внимательно посмотрел сначала на Игоря, потом на нее. Ждать было невыносимо, и она спросила:

— Юрий Сергеевич, что-то случилось?

— О да, — с видимым удовольствием ответил тот, не сводя с нее глаз. — И вы прекрасно знаете, что.

— Не уверена, — искренне сказала Яна, глядя ему в глаза. В конце концов, она даже не открывала записку, а додумалась до всего сама.

— Начнем с небольшого замечания, что в моем кабинете нет камеры видеонаблюдения. Ее сегодня утром унесла служба безопасности, с ней какие-то проблемы. Скоро принесет обратно, но пока можете не стесняться. Никто не услышит того, о чем мы будем говорить.

Профессор удовлетворенно кашлянул.

— А теперь перейдем к делу. Вы сегодня подсказали Яне, что она ошибается. — Теперь он смотрел на Игоря. — Я прав?

Они промолчали, не переглядываясь.

— Причем, я уверен, у вас не было возможности объяснить ей, в чем именно. Скорее всего, вы просто указали ей на ошибку, и она исправила ее сама.

Яна как следует вонзила ногти в ладонь, как всегда, когда ей мучительно хотелось выступить с каким-нибудь ненужным эмоциональным заявлением. На этот раз ей хотелось спросить, почему он говорит о ней в третьем лице, как будто ее здесь нет.

— В общем, не буду вас мучить, скажу сразу. Я собираюсь предложить вам вполне конструктивное соглашение, не подразумевающее радикальных мер.

В первый раз за день они переглянулись. Такого хода трудно было ожидать.

— Дело в том, что я неплохо знаю своих студентов, и мне даже не нужно обращаться к Савинову, чтобы узнать о вас некоторые вещи, — вполне миролюбиво продолжил он. — Тот факт, что вы, Игорь, добровольно решили кому-то помочь, настолько удивителен и достоин поощрения — поймите меня правильно, достоин поощрения не в том смысле, что нужно и дальше пытаться обмануть Академию, а в том, что стремление помогать людям ценно в своей основе, — что я согласен закрыть на него глаза.

Они снова переглянулись.

— При двух условиях. — Левицкий не спеша и с достоинством крутанулся в кресле, чтобы рассмотреть их обоих, не совершая лишних движений. — Во-первых, если вы решите еще раз кому-нибудь что-нибудь подсказать на моем занятии, это будет последнее занятие в вашей жизни. Я ясно выражаюсь?

Игорь помедлил несколько секунд и кивнул.

— Отлично. А во-вторых, я объединю ваши усилия для написания курсовой работы, несмотря на расписание не попытаюсь заставить вас, Игорь, работать в группах. Скажем всем, что это ваше собственное добровольное стремление.

— Но я не... — начал Игорь и сбился на середине фразы. — Не уверен, что из этого выйдет что-то хорошее.

— А я уверен. — Левицкий удовлетворенно откинулся в кресле. — Вы думаете, здесь собрались дураки? Думаете, практика совместных работ придумана просто так? Нет, она придумана для того, чтобы ваши способности, на развитие которых мы тратим время и деньги, развивались быстрее и лучше. Ничто так не помогает работе, как возможность поспорить с другим умным человеком. Посмотреть на свои идеи и выводы со стороны не на стадии презентации работы, когда исправлять что-либо уже поздно, а на стадии ее создания.

Он вздохнул.

— У вас прекрасные способности, Игорь. И мне надоело смотреть, как вы с ними обращаетесь.

— У Яны тоже прекрасные способности, — зачем-то возразил Игорь, хотя профессор не утверждал, что у нее их нет.

— Не спорю. И именно поэтому хочу объединить вас в команду. — Левицкий поднял брови и улыбнулся. — А этими словами вы еще больше убедили меня в целесообразности моего предложения. Ну, я могу считать, что мы договорились?

Повисла пауза.

Игорь поднял на нее затравленный взгляд, было ясно, что он до смерти не хочет соглашаться, но не видит другого выхода. Яна почувствовала укол в сердце и сказала себе, что она полная идиотка. Можно ли обижаться на то, что он не в восторге от необходимости с ней работать, когда речь идет о таких вещах, как возможность завтра же вылететь отсюда с отпечатком ботинка на заднице?

— Да, — сказал он, не глядя на профессора. — Конечно. Спасибо, Юрий Сергеевич.

— Замечательно. Рекомендую вам подумать над темой и через неделю представить мне варианты. Будем работать. Сегодняшний случай останется между нами. Слова «между нами» подразумевают «между нами», о нем будем знать только мы втроем. Во всяком случае, если все пойдет по плану.

— Левицкий улыбнулся искренне. — А теперь мне пора.

Он поднялся из кресла, по очереди пожал руки им обоим и проводил до двери кабинета. Яна вывалилась в коридор и облегченно перевела дух. Слова о том, что все останется между ними, вселили в нее робкую надежду, что Левицкий не примется звонить Ярославу, как только за ними закроется дверь. Они не только давние знакомые, но и оппоненты по ряду ключевых научных вопросов и недолюбливают друг друга чуть сильнее, чем требует этот статус, так что шанс есть.

— Спасибо тебе за помощь. Мне очень жаль, что тебя заставили со мной работать.

— Дело не в этом. Не в том, что заставили, — сказал он, растирая запястье левой руки, как будто она затекла. — Просто ты замучаешься.

— Почему?

— Увидишь. — Он отпустил руку и добавил: — Это было глупостью, конечно. Надеяться, что он не заметит.

— И все равно спасибо. — Яна старалась говорить уверенно. — Он, кстати, был прав. Я на самом деле не читала, что ты написал. Просто поняла, что что-то не так, раз ты решился мне подсказать, и сама нашла ошибку.

— Я вообще уверен, что ты ее сделала случайно. Ты же всегда все делаешь правильно.

— Как видишь, не всегда.

Он собрался возразить, но раздумал и замолчал.

— Это все из-за того, что я занимаюсь физикой и математикой, как отец. Потому что он на этом настоял. А хотела бы бороться с болезнями, как мама. — Яна перехватила его взгляд и продолжила: — Она умерла, когда мне было три.

— Но у тебя очень хорошо получается. — Он как будто пропустил мимо ушей слова про маму, но Яну это совершенно не задело: он просто не знал, что можно сказать на этот счет, и решил не говорить ничего.

— Неплохо. Но это не совсем то, о чем я мечтала. Я хотела бы помогать людям. Все эти абстракции третьего порядка... Я понимаю их, но не очень люблю.

— А я очень люблю абстракции. А людей, наоборот, не очень.

Она улыбнулась.

— Я знаю.

— А почему ты его послушалась?

— Отца? Это было условием для того, чтобы отпустить меня в Россию. А я очень хотела сбежать. А почему он так решил, не знаю. Каждый раз, как речь заходит о том, чтобы я хоть в чем-то повторила путь мамы, он приходит в ярость.

Но на этом сюрпризы не закончились, и Яна с удивлением обнаружила, что Игорь специально дождался ее после занятий.

— Давай выйдем на улицу, — предложил он и быстро пошел к выходу за территорию, не дожидаясь ее согласия.

Яна пошла за ним, стараясь не отставать. Все это начинало раздражать и веселить одновременно.

— Вышли, — сказала она. — Что-то изменилось?

— Да. Я не хотел говорить при камерах, а теперь мы там, где их нет. Думал написать тебе письмо, но это тоже ненадежный способ.

— Внимательно слушаю.

— Меня кое-что беспокоит в создавшейся ситуации. Думаю, ты уже поняла.

Она подумала, что правильнее было бы сказать «в созданной мной ситуации», потому что ситуация создалась не сама, но заставила себя успокоиться и кивнула.

— Во-первых, то, что я на самом деле всегда работал один и понятия не имею, как это делается с кем-то вдвоем.

— А во-вторых?

— А во-вторых, то, что теперь ты так или иначе узнаешь многое о моем... — Он запнулся, подбирая слова. — Образе жизни.

— И что? — Она удивленно подняла голову. — Случится что-то плохое, если я узнаю?

— Не обязательно.

— Но может случиться? — Яна на секунду остановилась, пораженная догадкой. — Ты что-то скрываешь от Академии, да?

Он молчал.

— И боишься, что я сочту нужным кому-нибудь рассказать?

— Не потому, что в этом есть что-то опасное для других, — быстро сказал он и пнул непонятно откуда взявшуюся ветку, лежавшую на тротуаре. — И я уже говорил тебе этом.

— Ты про алкоголь? Ну, если тебя это всерьез беспокоит, подумай о том, что ты тоже знаешь обо мне кое-что, чего не знает Академия. Что я допустила сегодня совершенно дурацкую ошибку и обманула преподавателя, сказав, что обнаружила ее сама. По-моему, это достаточная причина не болтать.

— Ты не понимаешь. — Он покачал головой.

— Кажется, да. — Она сделала шаг вперед и заглянула ему в глаза. — И в этом нет ничего удивительного. Может, ты объяснишь мне, в чем дело? Так, чтобы я поняла?

— Попробую, — сказал Игорь после долгой паузы. — Ты сегодня сказала, что нужно встречаться, чтобы что-то написать, хотя бы иногда. Встретиться с тобой в каком-нибудь месте, ну, в кафе, не знаю, или зайти к тебе домой я не могу. Встречаться в Академии не хочу, потому что там можно встретить одногруппников и преподавателей и послушаться дурацких вопросов. Всем сразу надо будет знать, что мы делаем, и на какую тему, и почему вдруг вместе. Летом можно было бы разговаривать на улице, а сейчас нельзя и этого.

Он сделал паузу, но, кажется, чтобы передохнуть. Яна решила молча ждать продолжения; такого количества текста на тему, не связанную с учебной программой, она еще никогда от него не слышала.

— Остается только одно: пригласить тебя зайти ко мне.

Он снова замолчал.

— Не вижу в этом ничего страшного. — Яна с искренним удивлением смотрела на него. — Ты недавно сказал, что не занимаешься ничем опасным для других людей. Все остальное — твое личное дело.

Игорь как-то странно усмехнулся. Как показалось Яне, с облегчением.

— Достаточно один раз сходить к доктору Савинову.

— Чтобы сказать «а Игорь нарушает»? И что будет дальше? Разве станет легче, если я тебе устрою проблемы с медкорпусом?

Он задумался, а потом тихо сказал, пожав плечами:

— Чтобы помочь мне.

— Я, наверное, чего-то не понимаю, — она вздохнула, — но мне почему-то кажется, что помогать взрослому человеку против его воли можно только в том случае, если он опасный пациент психиатрической больницы, а ты его врач. Все остальное — не помощь, а насилие, к которому я вроде бы не склонна. Если ты когда-нибудь захочешь, чтобы я помогла, я буду рада. А пока — что тут можно сделать, чтобы стало лучше, а не хуже?

— Звучит неплохо. — Он вымученно улыбнулся.

Пару минут они молча шли рядом, а потом Яна спросила:

— Ну так что? Остановимся на чем-нибудь?

— Если тебе удобно, заходи сегодня.

— Удобно. Во сколько?

— Давай часа через три. Чтобы у тебя было время поужинать и отдохнуть, ну, и вообще.

— Хорошо. — Она внимательно посмотрела на него снизу вверх. — Тогда до встречи.

Она уже сделала несколько шагов, когда Игорь окликнул ее. Точнее, не окликнул, а просто громко произнес ее имя. Она повернулась. Он стоял на том же месте, по-прежнему пряча руки в карманах. Какое-то время они смотрели друг на друга, не двигаясь: Яна из принципа, а Игорь в каком-то странном оцепенении; потом она поняла, что он так и будет стоять, если не подойти к нему самой, поколебалась еще секунду и сделала шаг в его сторону.

— Да?

— Я должен сказать еще кое-что. — Если обычно он говорил с трудом, то сейчас это был не труд, а медленное самоубийство.

— У меня такое чувство, что я тебя пытаю. — Она покачала головой. — Давай откажемся от этой несчастной работы?

— Я правда ни с кем не общаюсь. — Тихо и виновато сказал он, как будто когда-то раньше обещал ей общаться со всеми направо и налево, а потом обманул.

— Неправда. Со мной иногда общаешься.

— Иногда. Когда получается. Когда есть настроение разговаривать. А теперь придется все время, даже когда его нет.

— Ну уж прямо-таки все время! Нас же не в одну камеру посадили. Не волнуйся на этот счет. Не будет настроения разговаривать сегодня — поговорим завтра. Не будет завтра — поговорим послезавтра. Сроки пока еще не поджимают. Если почувствуешь сегодня, что устал и не готов меня видеть, просто позвони и скажи об этом.

— Но тебе же нужно как-то планировать свое время.

— Обойдусь, — равнодушно сказала она. — Если бы я не была такой дурой и не потратила две недели на работу, в которой с первого дня появилась ошибка, ничего бы этого не было, так что даже не думай. Ты и так меня вытасил.

— Я был должен.

— Я так не считаю, но не будем спорить, ладно? — Она устало поправила сумку на плече. — Ты, кажется, хотел еще что-то сказать.

— Да, — неуверенно проговорил он. — Насчет того, что я попросил тебя зайти.

Она посмотрела ему в глаза.

— Я знаю.

— Я бы не хотел, чтобы ты подумала, что...

— Ты попросил меня зайти только потому, что другие варианты для тебя еще хуже. Ты уже говорил, — перебила Яна, не в силах смотреть, как он мучается, пытаюсь выжать из себя стройную и необходимую фразу о том, что вообще-то она не нужна ему у него дома. — Я все понимаю.

Она вдруг подошла ближе, повинуясь порыву, и взяла его за локоть спрятанной в карман руки.

— Ты попросил меня зайти не потому, что хочешь видеть у себя в гостях. Я это понимаю, и все хорошо.

— Хорошо, — послушно повторил он. — Извини.

— Это ты извини, спасибо, что помог, и до вечера. — Яна отпустила его руку и сделала шаг назад.
— А теперь я пойду отдыхать и ужинать, как ты и советовал.

Снова пройдя несколько шагов, она обернулась и крикнула ему в спину:

— Звони, если что, ладно? Договоримся на другой день.

Он обернулся, кивнул, и она почти побежала, все яснее понимая, что ей хочется не отдохнуть, а заплакать.

Но он не позвонил. У двери подъезда, который она помнила по их второй встрече, Яна позвонила ему сама.

— Что-то случилось? — без приветствия спросил он после бесчисленного количества длинных гудков.

— Номер квартиры, — в тон ему ответила она.

— Сто четырнадцать. Извини, что забыл сказать днем.

— Набираю.

— Десятый этаж.

Войдя в лифт, она вспомнила какой-то старый фильм, где герой изображал свое присутствие в соседней комнате, записав несколько фраз и включив запись, чтобы за дверью звучал его голос. Их разговор был похож на две таких записи, говорящие друг с другом.

Игорь ждал ее в приоткрытой двери единственной на этаже квартиры.

— Ко мне очень давно никто не приходил. — Он сделал несколько шагов назад, встал в дверном проеме, ведущем из прихожей в комнату, и сложил руки на груди. — Так что извини, если я забуду что-нибудь важное.

— Что, например? — как можно веселее спросила Яна, засовывая в рукав стянутый с шеи платок.

— Что нельзя готовить из гостей еду?

— Нет, это я помню. Весь день себе повторял, что нельзя. — Игорь забрал у нее пальто с какой-то неестественной готовностью, как будто выполняя вбитый самому себе в голову сценарий.

— Это главное. — Она вдруг поняла, что он только что пошутил. Он иногда улыбался в ответ на ее шутки, но сам почти всегда говорил серьезно. — Куда идти?

— В смысле? — не сразу понял он, но быстро исправился: — Думаю, лучше в кухню. Это прямо.

Яна осторожно прошла вперед и оказалась в помещении с абсолютно белыми стенами и большим окном с широким и пустым подоконником. Слева от двери в углу стоял высокий холодильник, к нему прижимался стол с двумя стульями. Вдоль стены справа тянулся ряд навесных шкафов с металлически-серыми дверцами, под ними были точно такие же со встроенной плитой и раковиной. Между ними стояли чайник и кофеварка. Кроме этого, подставки для солонки, салфеток и белоснежного полотенца на стене у мойки, мелких предметов в комнате не было. Растерянно оглянувшись, Яна медленно выдвинула один из стульев, тот, что позволял сесть лицом к входу, и опустила на него. Игорь куда-то исчез. Она еще раз осмотрелась. Понятно, почему стол по-дурацки придвинут к холодильнику. Чтобы не ставить третий стул и не видеть каждый день напоминание, что некоторые люди смеют есть не только с кем-то на пару, но даже втроем.

Он снова появился в кухне.

— Извини.

— За что? — Она подняла на него глаза. — Почему ты стал все время извиняться?

Он пожал плечами.

— Ну, за то, что пригласил тебя прийти, а потом оставил и ушел.

— Со мной ничего не случилось, пока тебя не было.

— Это хорошо.

Их разговор становился все более напряженным.

— Хочешь кофе?

— Не откажусь.

Он повернулся к ней спиной, чтобы зарядить кофеварку, а она принялась рассматривать его. На нем были наглухо застегнутый свитер на молнии с длинными рукавами и высоким горлом, джинсы и кеды. Набор одежды, очень похожий на тот, в каком она видела его тогда во дворе. Он сделал шаг в сторону, чтобы достать ложку из ящика стола, и в тонкий зазор между обувью и штаниной выглянул плотный черный носок. Интересно, он всегда так ходит по квартире или оделся к ее приходу?

Игорь снял откуда-то сверху высокую белую чашку и пакет с зернами и повернулся к Яне.

— Сахар нужен?

— Спасибо, нет. А почему только одна чашка? Ты не будешь?

— Буду, — не поворачиваясь, ответил он. — Но не кофе.

Игорь поставил перед ней дымящуюся чашку, вытащил из шкафа широкий стакан, такой, из которых обычно пьют виски, с выражением какой-то нездоровой решимости на лице достал из морозилки форму для льда и прозрачную запотевшую бутылку, наполнил стакан до половины и с сомнением посмотрел на лед. Как будто собрался добавлять его только потому, что Яна сидит рядом.

— А можно спросить, что это?

Он посмотрел на нее тоже с сомнением, словно она была говорящим куском льда, неожиданно выскочившим из формы и приземлившимся на стул, и вместо ответа повернул к ней самодельную этикетку.

— Будешь? Извини, что сразу не предложил. Почему-то решил, что ты не пьешь крепкий алкоголь.

— Нет, спасибо. — Она с улыбкой покачала головой, пытаясь скрыть удивление от количества, которое он собрался употребить. — Ты решил правильно.

Игорь кивнул, с треском вытащил три куска льда из формы, кинул в стакан, убрал форму обратно в морозилку и сел.

— Мне нельзя пить, — сказал он, поворачивая стоящий на столе стакан по часовой стрелке мелкими равномерными движениями. — Вообще. Если Савинов узнает, то сначала уложит меня в больницу, а потом будет год вызывать к себе и сверлить дырки в голове на тему «почему вы это делаете» и «давайте обсудим ваши проблемы». И это еще в лучшем случае. — С этими словами Игорь поднял стакан. — Твое здоровье.

И сделал внушительный глоток.

— Если он и узнает, то не от меня. — Яна попыталась придать лезущим из орбит глазам нормальный размер. Она много раз видела, как некоторые удивительные люди пьют эту гадость, но никто на ее глазах еще не делал этого такими темпами, не разбавляя и не закусывая. — Я ведь уже несколько раз сказала, что ты можешь не думать об этом.

— Это хорошо. Потому что я не хочу обсуждать свои проблемы с доктором Савиновым. Я вообще ни с кем не хочу обсуждать свои проблемы. — Он сделал новый глоток.

— А у тебя есть проблемы? — спросила она и немедленно пожалела об этом.

Игорь посмотрел на нее с неподдельным изумлением.

— А что, не видно?

Яна вдруг поняла, что это не первая его порция за сегодняшний вечер.

— Давай сменим тему, если ты не против, — неожиданно равнодушно предложил он. — Я правда не очень хочу это обсуждать.

— Конечно. Извини.

— Наплевать. — Он снова отпил из стакана. — То есть, я хочу сказать, ничего страшного. Лучше расскажи, что ты думаешь насчет темы нашей работы.

И она рассказала.

Он закрыл за ней дверь, послушал, как уезжает лифт, сел на пол, прислонившись к стене спиной и затылком, и закрыл глаза.

Яна не умела мешать. Может, дело было в том, как качественно ее выдрессировал великий академик Ярошенко: иногда она напоминала ему дворецкого из анекдота про Англию, который во время наводнения представляет подступающую воду словами «Темза, сэр!». А может быть, в том, что она сама, от природы, была такой Темзой. Он почему-то вспомнил, как мама в детстве подставила его обожженную руку под струю холодной воды, и сначала стало жечь еще сильнее, так, что хотелось выть, реветь и драться, а потом боль постепенно отступила. Яна попадала в самые больные места, заставляла лезть на стену, а потом успокаивала, как вода.

Игорь нащупал телефон в кармане джинсов. Нужно постараться не быть полным уродом и поблагодарить. Он вжал голову в стену так, что она заболела, и поднес телефон к уху.

— Привет еще раз, — почти сразу сказала она. — Я что-то забыла?

— Нет. — Откуда, интересно, взялись все эти кретинские выражения вроде «легко говорить, тяжело делать». Найти бы сволочь, которая первой решила, что говорить легко, и от души повозить лицом по какой-нибудь твердой поверхности. — Я хочу сказать, что даже рад, что так получилось.

— Ты имеешь в виду, что так получилось с Левицким и работой?

— Да.

— Думал, будет труднее?

— Намного.

— Здорово. — Ее голос в трубке улыбнулся. — Я тоже рада.

— Спасибо, что зашла.

— Не за что. Спасибо тебе, что позвонил.

— Ты уже дома?

— Нет, но подхожу.

Повисла пауза.

— До завтра, — быстро говорит он, чувствуя, как силы стремительно кончаются. — Увидимся или созвонимся.

— До завтра, — повторяет она, ее голос льется ему в ухо, как теплая вода из душа, и это одновременно очень приятное и очень некомфортное ощущение.

Лос-Анджелес, США, ноябрь 5, 2077

С каждым годом их с Гарретом встречи все больше и больше напоминали не встречи старых друзей, а похороны.

Они были знакомы уже четырнадцать лет — всего на год меньше, чем Стивен сидел в Совете, с тех наивных времен, когда за Дерекком еще не гонялись папарацци, а ему не приходилось раз в месяц отбивать очередную атаку Бланш Бернар, настоятельно рекомендующей ему перестать выпендриваться и согласиться на круглосуточную личную охрану. Четырнадцать лет назад они верили в то, что скоро, спустя считанные месяцы, все изменится. Семь лет назад — что все изменится не слишком быстро и невеселой ценой. Теперь они понимали, что, вполне возможно, ничего не изменится никогда. Или изменится, но в худшую сторону. Страны, которые отказывались подписывать Конвенцию, не трогали только в том случае, если те сидели совсем уж тихо, постепенно исчезая с политического и экономического горизонта, а смельчаки вроде Аляски заканчивали очень быстро и очень плохо. И все больше и больше маленьких бедных стран, полных проблем, нищеты и несправедливости, обрекали себя на еще большие проблемы, нищету и несправедливость, кровью и слезами подписывая соглашение о вступлении в Союз. Скажи кто-нибудь Стивену пятнадцать лет назад, что почти вся Африка из последних сил начнет строить отделения, он не поверил бы. Они что, сошли с ума? Африка сопротивлялась до последнего, и этим последним стала прививка от ВИЧ-инфекции, изобретенная талантливым мальчиком из Йоханнесбурга спустя пятнадцать лет после того, как ее запатентовали в Академии. Академия распространила ее только по странам — участницам Конвенции, а позже талантливый мальчик сделал свое собственное изобретение и открыл его министерству здравоохранения ЮАР. За что был арестован и осужден на семьдесят пять лет лишения свободы, а после довольно скоро погиб в тюрьме. По непроверенной информации, которой располагал Стивен, покончил с собой. Теперь практически во всей Африке в столицах сияли отделения Академии, а люди снова начали умирать от голода. Что почему-то не волновало Академию — видимо, под записанными в ее уставе словами «благо человечества» понималось не все человечество, а определенные его части. Например, жители более цивилизованных континентов, которые не замечали, когда в Африке умирал голодной смертью очередной ребенок, но зато очень расстраивались из-за угрожающей всему миру пандемии ВИЧ. Если смотреть на все под этим углом, то, безусловно, Академия отлично служила благу человечества. Все чаще по утрам Стивен просыпался с ощущением, что не хочет вставать и не радуется наступившему дню. Он по-прежнему любил свою работу, по-прежнему был счастлив, видя, как жизнь его учеников и их клиентов меняется в лучшую сторону, но это были капли. Капли в огромном мрачном океане больных, голодных, живущих в нечеловеческих условиях, представления не имеющих не только о том, как решить свои психологические проблемы, но и о том, как не работать по шестнадцать часов в сутки и доживать хотя бы до пятидесяти лет. Ничего не изменится или станет еще хуже. Сорок лет назад казалось, что в мире все плохо, — оказывается, все было хорошо. Существовали какие-то если не противоборствующие, то разнонаправленные силы, у стран были разные интересы, они объединялись или враждовали, но каждая из них могла что-то сама по себе. А теперь Академии не мог ответить никто. Продайся нам — или сдохни в канаве на обочине дороги, ведущей в светлое будущее. Система непобедима, а он — ее часть. Он живет внутри этой системы, ненавидя ее всей душой, потому что так у него есть возможность делать хотя бы что-то. Он частично распоряжается бюджетом своего института, он учит людей, он имеет возможность открыто высказывать свои взгляды, пусть и в тщательно выбранных выражениях, тем самым хоть понемногу, но распространяя их. Он ездит по всему миру и может пусть точно, пусть локально, но сделать лучше. Тысяча, две, десять, двадцать тысяч человек в год, жизнь которых стала легче. Да, это чертовски мало, но разве правильнее будет хлопнуть дверью и уйти из системы, чтобы на его место через пять минут поставили того, кто не поможет даже этим двадцати тысячам? Иногда он по-хорошему, белой завистью завидовал своему другу. Гаррет хлопнул дверью Академии так, что

вздрыгнула вся структура до фундамента, и не только не проиграл, но и получил возможность помогать еще большему количеству людей, чем Льюис. Но он гений, без преувеличения. Стивен хоть и любил подкалывать Дерекка по поводу тонкой душевной организации, свойственной всем творческим людям, но на полном серьезе считал, что друг у него гениальный.

— Старик, хорош, — говорит Гаррет, вырывая его из уже ставших обычными печальных мыслей.
— Хватит впадать в мировую скорбь. Уже пять минут как твой ход.

— Как тут не впадать, дорогой мой, — бормочет Стивен и уставляется в карты, которые все это время мял в руке.

— Да я сам на грани, так что не провоцируй.

Стивен отрывается от карт и смотрит на друга.

— А у тебя чего?

— Ну, во-первых, то же самое, что и у тебя. Начнем с очевидного, так сказать. — Дерек тянется за стаканом, обнаруживает в нем апельсиновый сок, который сам же организовал под лозунгом «хватит бухать, можем мы хоть раз встретиться и не выпить?!», морщится и отставляет его в сторону.

— А во-вторых?

Дерек небрежно машет рукой с картами.

— Осторожно, засветишь. С девушкой расстался?

Гаррет смеется.

— Мы с тобой скоро будем собираться и молча сидеть с мрачными мордами, потому что и так все понятно. Еще не расстался, но дело стремительно к этому идет.

— Даже не знаю, что сказать.

— Решительно нечего. Все бабы в какой-то момент понимают, что мне всегда будет важнее раздать еду пострадавшим от землетрясения, чем пойти с ними в клуб, и впадают в печаль. Стадия печали длится от одного до трех месяцев, после чего наступает фаза активного сопротивления — на ней меня пытаются мягко или твердо наставить на путь истинный. Иногда сначала мягко, а потом твердо. Эта стадия тоже длится от одного до трех месяцев. После чего я обычно встаю и говорю «проваливай отсюда на хер, пока я не рассердился». Если на этой стадии не настоять на своем, а попытаться что-то там «начать сначала» и прочая тошнота, то весь цикл повторяется вдвое быстрее и переносится вдвое тяжелее, после чего все действующие лица, уже не особенно сдерживаясь, орут друг на друга матом и выбегают в ночь в нижнем белье.

— Хотел бы я посмотреть, как ты выбегаешь в ночь в нижнем белье.

— Становись моим мальчиком, дорогой, и быстро увидишь. — Дерек протягивает руку, чтобы потереть его за подбородок; Стивен уворачивается.

— Полегче, я еще не согласился.

Оба смеются, но как-то совсем вымученно.

— Вот скажи мне без дебильного юмора: может хоть в чем-то быть все нормально? Ну, в мире пиздец — в личной жизни все меняется к лучшему, или в личной жизни пиздец — в мире все меняется к лучшему? Или всегда везде пиздец и так и должно быть?

— Во-первых, почему это я должен тебе сказать, я что, главный эксперт по пиздецу?

— Ты главный специалист по человеческой психологии. А поскольку человеческая психология — это пиздец, то вот мы и подбираемся к тому, что ты главный специалист...

В Дерекета летит монета из стопки справа, он ловит ее и аккуратно возвращает к остальным.

— А во-вторых, — серьезно продолжает Льюис, — почему везде? Вот в музыке у тебя все отлично, например. Многие люди не знают, что бы с собой такого сделать, чтобы у них так получалось, а у тебя все само.

— Ну уж и «само»! Подрочи-ка гитару шесть часов подряд шесть дней в неделю двадцать четыре года, у тебя тоже все само начнет получаться.

Стивен машет рукой.

— Брось заливать. Я не хочу сказать, что ты лентяй, просто если человеку не дано, он может хоть обдрочиться.

— Я тебя понял. В мире пиздец, в личной жизни пиздец, зато Дерек делает хорошую музыку.

— Ну как-то так, ага. По крайней мере, так было всегда, сколько я тебя знаю. Ты, кстати, не хочешь посмотреть в карты?

— Да что я там не видел?

Распад и отчаяние. Распад и отчаяние везде. Вот и этого веселого энергичного чувака они сумели догнать и уже вцепились острыми зубами в его джинсы.

Так будет со всеми. Сначала мы будем радоваться, потом надеяться, потом бороться, потом плакать и драться, потом скулить, потом тихо тосковать, потом выцветем, а потом превратимся в пыль, и нас вытрут во время очередной мирового масштаба генеральной уборки. А потом наведут новый порядок, и нужно молиться всем богам всех народов мира, чтобы этот порядок был не безжалостнее предыдущего.

Дубна, Центральная Российская республика, ноябрь 11, 2077

С этого дня они почти по-настоящему подружились. Думая об этом, она всегда добавляла слово «почти». Игорь никогда не спрашивал про ее жизнь до переезда в Россию, хотя всегда слушал, если она сама решала о чем-нибудь рассказать, не обнимал, как Катя, видя, что ей грустно, почти ничего не рассказывал о себе. Она приходила к нему по вечерам после занятий несколько раз в неделю, они обсуждали работу, иногда устраивая многочасовые споры, после которых даже Яна уставала говорить. Левицкий, прочитав первую часть, пришел в полный восторг.

Чуть меньше чем через месяц после того, как она в первый раз оказалась у Игоря дома, в начале ноября, рассылка из администрации дежурно сообщила ей, что у него день рождения, как сообщала про любого из группы. Яна весь день ломала голову, что можно подарить такому человеку, как он, потом решила остановиться на самом простом варианте и пришла к нему вечером с карточкой самого большого в городе книжного магазина. Он очень удивился, потом долго отказывался принимать подарок, потому что ему неудобно, и непонятно, зачем она потратила время и деньги, и вообще это никакой не праздник, потом извинился и поблагодарил.

Первое время Игорь пил каждую их встречу, а если они просиживали подолгу и решали, что нужно перекусить, извинялся и уходил есть в другую комнату, оставляя Яну наедине с тарелкой. Через две недели он так увлекся — или сделал вид, что увлекся, понять по его лицу было трудно, — что пришел за ноутбуком с кружкой чая и бутербродом, а еще через неделю она застала его на кухне и получила приглашение поужинать вместе с ним. За едой он, конечно, смотрел в книжку, а не в тарелку и уж тем более не на нее, и все-таки это был настоящий ужин.

А еще через две недели в разгар очередного выяснения, кто из них ошибается, они вдруг обнаружили, что уже два часа ночи. Транспорт ходил круглосуточно, но ждать его ночью можно было долго, намного дольше, чем днем, пешком идти минут сорок, а на следующий день на занятия, и спать ей останется каких-то четыре с половиной часа. Тогда Игорь сказал, что она может остаться у него, он уложит ее на диван в гостиной, а утром они вместе пойдут учиться. Она

три раза переспросила, удобно ли это, все три раза получила утвердительный ответ и осталась. Спалось ей, правда, не очень хорошо. Мешали дурацкие воспоминания о том, как они с Никитой просыпались и шли на занятия, и мысль, что Игорь спит в соседней комнате, но это ничего не значит, потому что лучше дружить с ним и спать через стенку, чем все испортить каким-нибудь необдуманным поступком и спать у себя дома.

На следующий день он сказал, что вчера все получилось очень здорово и ему вообще лучше думается по ночам, и постепенно в его квартире завелись ее вещи: футболка и домашние штаны, чтобы в них спать, косметика, фен, полотенце и зубная щетка. Часто по ночам Яна просыпалась от того, что Игорь вставал и очень тихо, стараясь не разбудить ее, шел на кухню. Иногда он ставил чайник, иногда открывал холодильник — наверное, чтобы налить себе выпить, — какое-то время тихо сидел в темноте, а потом снова ложился спать. Один раз ее разбудил его голос, он что-то быстро говорил, но разобрать слова было невозможно. Минуты через три Игорь прошел на кухню. Яна тоже поднялась, подошла к закрытой двери и постучала. В кухне было темно и тихо, как будто ей показалось, что туда кто-то зашел.

— Заходи, — сказал Игорь из-за двери.

Яна заглянула внутрь. Он стоял к ней спиной и курил в приоткрытое окно. Судя по живому мерцанию оранжевого огонька в темноте и непривычному запаху, сигарета была настоящая, из бумаги и табака, каких она не видела уже много лет.

— Не знала, что ты куришь, — сказала она первое, что пришло в голову, еще плохо соображая со сна.

— Я не курю. — Он сделал глубокую затяжку и выдохнул струйку дыма в холодный уличный воздух. Часть дыма тут же вернулась в кухню.

— Я хотела спросить, все ли в порядке. — Яна уже жалела, что пошла за ним. — Мне показалось, ты с кем-то разговаривал.

Игорь на минуту задумался.

— И что я говорил?

— Не знаю. Я просто слышала твой голос.

— Это я во сне, наверное. — Он стряхнул пепел в стоящий на подоконнике пустой стакан. — Не обращай внимания. Извини, что разбудил.

Она хотела спросить, что ему снилось, но передумала.

— Это ты извини, что помешала.

— Все в порядке. Иди спать.

— А ты?

— Я уже не буду ложиться. — Он докурил, взял стакан в руки и раздавил окурок об его стенку.

— А можно я посижу с тобой?

Игорь посмотрел на нее, но лица было не видно в темноте.

— Нет. Не надо. — Он снова отвернулся к окну. — Извини, но правда не надо. Если не хочешь спать, возьми какую-нибудь книжку. Или давай я тебе кофе сделаю, будешь?

— Нет, спасибо. Все-таки попробую уснуть.

Утром он вел себя как ни в чем не бывало, разве что круги под глазами были немного темнее, чем обычно. Яна и раньше часто думала, что почти ничего о нем не знает, а после этой ночи с каким-то нехорошим предчувствием поняла, что трудности, с которыми ему придется сталкиваться в

своей, на первый взгляд, тихой и спокойной жизни, совсем не похожи на трудности, к которым она привыкла. И вообще черт знает, что именно это за трудности, откуда они взялись и как он с ними справляется. И главное, совершенно непонятно, что хуже — пытаться наугад предложить ему свою помощь или делать вид, что все в порядке. Но, как это часто бывает, вопрос, который она не могла решить, за нее решила случайность.

Глава пятая

Санта-Круз, США, ноябрь 25, 2077

— Сэр, если вы сочтете необходимым, то я отговорю его за полчаса, и ничего подобного не случится. — Бланш опускает взгляд на носки своих новеньких темно-синих туфель, чтобы образ послушной подчиненной удавался еще лучше. Отличный все-таки цвет, зря она сомневалась. Смотрится почти как черный, но намного интереснее.

— Но вы, я вижу, со мной не согласны. — Уильям едва заметно поднимает бровь и устраивает левую ногу на правой.

— Я не могу быть согласна или не согласна, сэр. Ваше решение — закон. Но вместе с тем, мне кажется, в том, чтобы Льюис организовал эту поездку, есть свои плюсы.

Тернер поднимает бровь чуть выше, теперь в этом жесте уже ясно читается вопрос.

— В ходе операции пострадали несколько человек, сэр; в частности, бывший академик Джаспер Кэмерон. Необходимость ее была неоспоримой, к тому же им были даны все возможности для эвакуации, но это не значит, что мы не хотим помочь пострадавшим по вине своих соотечественников, не разделяющих нашего стремления к миру на планете. Я думаю, что, если советник вылетит туда с группой коллег, чтобы оказать помощь нуждающимся, это не будет ошибкой.

Черт. Одна из самых противных вещей в ее работе — объяснять этому напыщенному старому козлу, что, если взять стандартную арифметику, которую проходят в начальной школе, и умножить с ее помощью два на два, получится четыре, и делать это в таких выражениях, чтобы ему не показалось, что она считает себя умнее.

С минуту Уильям сидит в задумчивости, сцепив руки в замок и поглаживая большим пальцем правой руки большой палец левой.

— Но, разумеется, у такого развития событий есть и недостатки, — добавляет она. — Я отлично понимаю, на чем основано ваше нежелание его допустить.

Похоже, сегодня президент земного шара настроен изображать напряженную умственную деятельность дольше обычного. Какая все-таки тоска эта официальная обстановка — «да, сэр» и разное другое уныние подобного толка. Если бы не тот факт, что большая часть ее работы была очень даже зажигательной, она бы давно уволилась и занялась прямо противоположным. Уехала бы на Аляску и разработала там это самое оружие, которое как будто уже пытались разработать. Или собрала команду весельчаков и взломала финансовую систему Академии. Или вынесла личное дело президента Тернера из архива и опубликовала в открытом доступе. А лучше всего было бы врезаться с ним в вечерний выпуск новостей. Сенсация! Будущего президента Тернера выгнали из элитной школы в тринадцать лет за организацию травли одноклассника, которая закончилась попыткой самоубийства! Да и кроме несчастного одноклассника в его личном деле найдется чем зачитаться. Считается, что обнародовать личные дела невозможно, так надежно они защищены, и это почти правда. Но Бланш наверняка смогла бы что-нибудь придумать. Сидящий перед ней благообразный человек с проседью в ухоженной бороде и представить себе не мог, чем рисковал в минуты такой вот задумчивости. К счастью, он никогда не думал достаточно долго для того, чтобы она успела всерьез решить, что занудства ее нынешнее занятие приносит больше, чем веселья. Вот

и сейчас Уильям помедитировал еще пару минут, глядя в матовую поверхность стены за ней, которая умела за секунду становиться прозрачной и открывать захватывающий вид на площадь перед главным корпусом, а при желании прямо поверх этого вида показывать лицо собеседника, и коротко кивнул. Не забыв, однако, позаботиться о том, чтобы кивок выглядел не как торопливое желание согласиться на любую ее идею, лишь бы она готова была сама отвечать за ее реализацию и последствия, а как полный достоинства и зрелости жест императора.

— Я бы хотела встретиться с ним, сэ, перед тем как он предаст свою идею огласке.

— Конечно. Как сочтете нужным. — Тернер встает и делает в сторону двери шаг, означающий, что аудиенция окончена. — Мы пришли к общему мнению в главном, детали я, как всегда, оставляю на ваше усмотрение.

Она благодарит за внимание, коротко, но горячо жмет президенту руку, не забыв опустить глаза и еще раз осмотреть туфли, и быстро выходит.

Имя Льюиса горит в списке присутствующих на официальном рабочем месте, и она одной кнопкой кидает ему приглашение на встречу. Вместо Льюиса через пару минут ей приходит вопрос, что случилось. Бланш улыбается и прикасается к кнопке «вызов». Лицо Стивена не выражает никакого восторга от перспективы встречи с ней, и от этого у нее еще сильнее поднимается настроение.

— Привет, Стивен, — говорит она, глядя на его нерадостное лицо в экране на стене. — Я обычно провожу встречи не потому, что что-то случилось, а для того, чтобы этого не произошло.

Он опускает глаза — как ей кажется, раздраженно.

— Зайди, пожалуйста, ко мне как можно скорее, — повторяет она текст отправленного приглашения. — Лучше прямо сейчас.

Он отключается раньше, чем она успевает договорить, но улыбка не покидает ее.

Стивен приходит минут через двадцать, хотя она сказала «лучше прямо сейчас», мрачно усаживается напротив нее, хотя она еще не успела пригласить его сесть, и скрещивает руки на груди. Весь его вид выражает протест, и это настолько забавно, что Бланш вдруг не выдерживает и расплывается в улыбке.

— Привет. Спасибо, что зашел.

— У меня был выбор?

Она смеется.

— Приятно, когда тебя понимают.

— Я тебя слушаю.

— Стивен, за что ты меня так не любишь? Я, может быть, просто кофе хотела с тобой выпить.

— Кофе с цианистым калием не пью, поэтому вынужден отказаться.

Бланш от души смеется, как будто она не директор по безопасности, а влюбленная в него студентка.

— Ты такой милый.

— Бланш, я прошу прощения, но мы не могли бы поскорее перейти к сути дела? Я не большой любитель приходить к вам в отдел и искрометно шутить. Ты же знаешь.

— Ладно, как скажешь. — Она устало вздыхает. — Не хочешь по-хорошему — не надо. Суть дела в том, что мы все очень обеспокоены твоим желанием лететь на Аляску. Наделаешь там какой-нибудь ерунды.

— Какой ерунды, мисс Бернар? Присоединюсь к мифической разработке оружия, за которую вы там все сровняли с землей?

Бланш смотрит на него, в темных глазах мелькает нехороший огонек. Потом усмехается, довольно весело.

— Льюис, знаешь, чем ты мне нравишься? Ты умеешь меня бесить. Это вообще мало кому удастся, потому что все очень скучные. Ты тоже невыносимо предсказуем, но умудряешься шпарить свою в общем-то занудную роль с таким жаром, что это волнует и цепляет. Редкое качество в наши трудные времена.

— Моя цель не в том, чтобы взбесить тебя или еще кого-то из вашей компании, не нужно себе льстить. Я просто говорю что думаю.

— Конечно. Ты известный борец за правду. — Она вдруг наклоняется к нему и почти ложится на разделяющий их стол. — Я немного волнуюсь, как бы ты не доборолся до ручки, в связи с чем тебя сюда и пригласила. Может, ты сделаешь небольшой перерыв в борьбе на те полчаса, которые будешь говорить со мной? Не для того, чтобы сделать мне приятное. Ради будущей борьбы за правду. А то кто же в случае чего будет вместо тебя за нее бороться?

Стивен смотрит на нее без малейшего волнения.

— Ты наконец угрожаешь мне в открытую? Я ведь правильно тебя понял?

Она закатывает глаза.

— Бланш, мне прекрасно известно твое мнение обо мне. Ты попросила зайти, я зашел. И теперь хотел бы узнать, в чем проблема.

— Нет никакой проблемы.

— Тогда что я здесь делаю?

— Расскажи мне, пожалуйста, чем будешь заниматься на Аляске. А потом я попрошу тебя об одной вещи. И эта просьба тебя, скорее всего, обрадует. И, кстати, хочешь кофе?

Она встает, с видимым удовольствием потягивается, как после сна, Стивен смотрит на нее с каким-то неоднозначным выражением на лице.

— Пошутить про цианистый калий еще раз — получишь кофе с цианистым калием.

Бланш разворачивается и собирается выйти в соседний кабинет.

— Ты что, сама пойдешь за кофе?

— Ну да, а что? — Она картинно поднимает левую бровь. — Ты же все сам делаешь, и ничего.

Он жмет плечами.

— Я еще в футбол играю со студентами.

— Я пробовала играть в футбол, но мне быстро надоело. Предпочитаю плавание и фигурное катание.

С этими словами она наконец выходит, закрыв за собой дверь, и Стивен остается один в ее кабинете. Кабинет шикарный: огромный, с окном во всю стену, из окна открывается потрясающий вид на отделение, город и береговую линию, пол мягкий, вместо скучных офисных стульев у окна мягкие кресла, в которые можно провалиться и уснуть сном младенца. Интересно, сколько тут камер. Наверное, по одной на каждый дюйм, и с таким качеством записи звука, что слышно даже дыхание посетителей. Или наоборот, ни одной, может, Бланш устроила себе место, где можно расслабиться.

Стивен снимает очки, кладет их на блестящую, как зеркало, поверхность стола, трет лицо руками. Он ненавидит с ней говорить. В первую очередь потому, что ему в принципе неприятно ее общество, да и поводы для встреч с ней редко бывают радостными. Но еще и потому, что у него не получается вести себя с ней нормально. Мило общаться с человеком, который подготовил приказ об операции на Аляске, который убивает людей пару раз в неделю и не считает это чем-то неординарным, Стивен не в состоянии. Но быть откровенно недружелюбным с красивой женщиной, которая всегда встречает его с улыбкой, ужасно тяжело. Это дикое противоречие настолько сбивает с толку, что он делает все, чтобы избежать их очередной встречи.

Возвращается Бланш. Кусок стены при ее появлении бесшумно уезжает в соседний кусок стены, и она появляется в образовавшемся проеме. В каждой руке по дымящейся чашке кофе на почти прозрачном блюде. Она подходит к Стивену, и он невольно подается вперед, чтобы скорее забрать у нее чашку.

— Спасибо. Может, пойдем к окну? — Она кивает на кресла, которые Стивен изучал в ее отсутствие. — Обожаю этот вид.

Он растерянно кивает.

— Ну вот. — Бланш улыбается. — Так намного лучше. Надеюсь, теперь мы нормально пообщаемся.

Он кивает еще более растерянно.

— Стивен?

— Слушаю тебя.

— Не то чтобы это очень важно, но тем не менее. Почему ты считаешь, что я — абсолютное зло?

Он изумленно смотрит на нее.

— А что, это не понятно без дополнительных объяснений?

— Я работаю на Тернера. Работать я привыкла хорошо. Тернер вытаскивал меня с рядовой должности, постепенно повышая, и теперь я одна из главных людей в мире. Одна. Из Главных. Людей. В мире. — Она растянула последние слова с таким неподдельным восторгом, что Стивен вдруг с ужасом поймал себя на том, что ему приятно на нее смотреть. — Поэтому я работаю на Тернера и буду работать на него и дальше. А взгляды Тернера тебе в целом известны.

— Все ясно. А каким образом это может помешать быть абсолютным злом?

— Ты не думал, что я делаю наименьшее из того, что предполагает моя должность?

Бланш ставит чашку на журнальный столик, выскользывает из туфель, с ногами забирается в кресло и взглядом приглашает последовать ее примеру.

— Впрочем, вижу, что не думал. Устраивайся поудобнее.

Стивен осторожно садится в кресло. Кресло обволакивает со всех сторон. Осторожно сесть в такое нельзя, и он обреченно расслабляется и проваливается в него всем телом.

— Так-то лучше, — удовлетворенно констатирует она, изучив его позу. — Какое место в твоей грустной четкой системе координат занимает профессор Магди?

— Амир? — зачем-то переспрашивает Стивен, как будто знает несколько профессоров Магди. — Он хороший человек и талантливый ученый. Правда, слишком осторожный. Пытается усидеть на двух стульях. Это разумная позиция, но она не для меня.

— Я заметила. — Она смеется. — Следующий вопрос: ты не задумывался, почему он не считает меня абсолютным злом? Он же хороший.

— Все, что я скажу, может быть использовано против меня, не так ли?

— Да ладно тебе, Стивен. Можно подумать, ты в принципе в состоянии сказать или сделать что-то такое, за что потом станет стыдно.

— Амир не считает тебя абсолютным злом, потому что давно в тебя влюблен. По-моему, об этом знают даже первокурсники.

— Отлично! — Она подается вперед, насколько это позволяет ленивое кресло, в глазах загорается огонек. — Теперь следующий вопрос: ты никогда не задумывался, почему он в меня влюблен?

Стивен вдруг теряется. Нет, он никогда об этом не задумывался.

— Подумай. — Она расплывается в улыбке. — Возможно, ему известно обо мне что-то такое, чего не знаешь ты? Или ты правда считаешь своего коллегу с айкью сто восемьдесят человеком, способным влюбиться на годы в ноги, задницу, глаза и во что там еще обычно влюбляются идиоты? Тем более что задницы я видела и позначительнее.

— Не стоит преуменьшать свои достоинства.

— То есть на твой вкус задница ничего? Отлично, заносим в протокол. — Ей, кажется, безудержно весело.

— Не возражаю, заноси. — Он снимает очки и трет глаза. — Ты права. Я действительно никогда об этом не задумывался. Но, видишь ли, дело в том, что ты убиваешь людей.

Она морщится.

— Никто никого не убивает.

— Ну, не своими руками. Но суть от этого меняется не сильно.

— Дети и поезд?

— Что дети и поезд?

— То самое.

— Но это же было глупо еще пятьдесят лет назад.

— То, что было глупо пятьдесят лет назад, вполне может оказаться своевременным сейчас. Итак, поезд! — Она хлопает в ладоши, как будто из воздуха должен появиться настоящий поезд. — Поезд подъезжает к стрелке. На рельсах с одной стороны играют пятеро детей, и как раз на них он и движется. Еще пара минут, и детям конец. С другой стороны на рельсах играет один ребенок. Если быстро перевести стрелку, поезд поедет на него. У тебя есть выбор: своими руками убить одного ребенка, ведь он мог остаться в живых, если бы ты ничего не сделал. Или не убивать его, но допустить смерть пятерых.

— Начнем с того, что никого убивать не обязательно. Достаточно закричать детям, чтобы убирались с рельсов.

— Мнение, что нужно кричать вместо действий, многое объясняет в имеющейся политической ситуации в Совете и в успехе твоей оппозиционной деятельности. — Она вытирает глаза, потому что досмеялась до слез. — Нет, закричать нельзя. Допустим, дети глухие. И слепые, поэтому махать им тоже бесполезно. Неважно. Но других вариантов нет. Выбор только такой, какой я описала.

— Не знаю. Наверное, я бы не стал специально никого убивать.

— И из-за твоего нежелания убить одного умерли бы пятеро. Вот и все отличие абсолютного зла от абсолютного добра. Зло решительно сделает плохо одному, а добро будет смотреть на смерть пятерых, обливаясь слезами.

— Это действительно дурацкая задача, Бланш. Слепые и глухие дети редко играют на рельсах.

— А по-моему, весь мир состоит из слепых и глухих детей, которые только этим и занимаются. Ладно. Я рада, что мы наконец относительно нормально разговариваем. Подумай как-нибудь над тем, что я сказала. И про Амира подумай, и про поезд. Думать вообще интересно.

— Так и поступлю. — Он пытается положить ногу на ногу, но вместо этого еще глубже проваливается в проклятое кресло. — Слушай, и все-таки. Зачем ты меня сюда пригласила? Вряд ли только для того, чтобы задать задачку про поезд.

— Чертовски верно, не для этого. Тернер заинтересовался твоей поездкой на Аляску, как я уже сказала. Неожиданно сильно.

На этот раз Стивен наигранно приподнимает бровь.

— Ага. Вот и я сделала такое лицо, когда об этом зашел разговор. Ты можешь мне не верить, профессор, но ты мне нравишься. Мне часто тебя очень жаль, потому что ты все понимаешь, а сделать не можешь почти ничего, но ты редко наводишь на меня смертную скуку, от которой сводит челюсть. Хотя, как я уже говорила, роль у тебя удивительно пресная. — Она снова смеется. — Я хочу, чтобы ты и дальше занимался тем, что считаешь правильным.

— А тебе-то это зачем?

— Для веселья. — Бланш ослепительно улыбается. Если Амир Магди влюбился в задницу, глаза и улыбку абсолютного зла, даже понимая, что оно таковым является, то в такие моменты, как сейчас, его можно понять. — Просто так, Стивен. Просто так. Больше всего на свете я люблю все интересное, а ты очень интересный в те редкие моменты, когда перестаешь занудствовать.

— Допустим, хотя все это крайне странно. Так что с Аляской?

— С Аляской? Да ничего особенного. Я хочу договориться о том, что ты воздержись от пары вещей. И еще о том, что одну вещь ты сделаешь. Считаю, что у меня к тебе маленькая личная просьба. Договориться хочу к взаимной выгоде и удовольствию. И если нам это удастся, я просто скажу Тернеру, что все в порядке. Езжай туда спокойно и делай все, что сочтешь нужным. Ну, почти.

И она снова улыбается.

— Давай начнем с маленькой личной просьбы. Кстати, здесь можно говорить?

Он произносит слова «можно говорить» совершенно буднично, никак не выделяя их, но она отлично понимает, о чем речь.

— Со мной можно. С остальными не советую. Сюда проблематично попасть в мое отсутствие, но чего только не бывает в жизни. — Она смотрит в окно и впервые за весь их разговор становится похожа на нормального человека — это взрослая и очень уставшая женщина, которая не умеет перекладывать ответственность на других, а всю берет себе, широко улыбаясь, и просит добавки. — Ты ведь знаешь, что в Палмере работал Кэмерон?

Стивен кивает. Это последнее имя, которое он ожидал от нее услышать.

— Конечно. Но я не смог ничего о нем выяснить... Погиб он или нет.

— Мы выходили с ним на связь перед операцией, предлагали сдать ся и сесть, но остаться в живых. Он отказался уезжать.

Стивен опять кивает. Никаких вопросов, все ясно.

— Более того, он отказался эвакуироваться. Сказал, что ненавидит нас и не хочет никуда бежать. Но по чистой случайности выжил, представляешь?

Стивен опять снимает очки, бросает на журнальный столик, к чашке, и закрывает лицо руками. Он видел Кэмерона всего пару раз в жизни, а общался только однажды, когда ему нужно было подписать заключение о вменяемости перед его уходом из Академии. Еще изредка читал его записи в дневнике. Но не было ни малейших сомнений относительно того, в каком Кэмерон сейчас состоянии.

— Вот видишь, ты сразу все правильно понял. — Бланш улыбается, но это не обычная ее улыбка, а грустная и настоящая. — Почти два месяца в больнице, первый из которых в реанимации. И это еще далеко не конец. Я бы сказала, выжил чудом. И еще и не особенно рад этому чуду. Я не могу понять всего этого, не буду врать. Но, во-первых, у него уникальные мозги, а во-вторых, он почему-то тоже мне нравится. — Тон возвращается к обычному. — Ты мог бы взять это на себя?

— Да, конечно, — с видимым трудом говорит Стивен; услышанное укладывается в голове очень не сразу. — Без вопросов. Я сам собирался его разыскивать. Все это невыразимо чудовищно: один из людей, из-за которых он чуть не погиб, теперь просит меня о нем позаботиться. Но я рад, что ты об этом просишь. Лучше что-то, чем ничего.

— Отлично. И еще мне нужен счет.

— Какой счет?

— Из больницы.

Стивен пытается податься вперед, но коварное кресло не пускает.

— Ты хочешь заплатить за лечение Кэмерона?!

— Даже не знаю, как на это отвечать. Да, хочу, а что?

Он собирается спросить, не хочет ли она за одно заплатить за восстановление всего, что там разрушено, но говорит совсем другое:

— Я сам это сделаю, если у него какие-то проблемы.

— Если у него какие-то проблемы, — она смотрит на него, как на полного идиота, и превращается обратно в директора по безопасности, — он ни за что тебе об этом не скажет. Ты остался в Академии, работаешь в одной организации с людьми вроде меня, у тебя свой институт и есть деньги не только на себя, но и на то, чтобы творить, так сказать, добро. Например, приехать к человеку, который красиво хлопнул дверью, не смог подтвердить свою теорию, потому что ни у кого в мире, кроме нас, нет денег на нужные ему эксперименты, и теперь в одиночестве и полной заднице лежит в больнице, — и попытаться совершить в его адрес акт благотворительности. Дальше можно не продолжать, да?

— Ты же не думаешь, что я стал бы говорить ему об этом?

— Я думаю, что он не дурак, хотя иногда складывается именно такое впечатление, и попробует выяснить, кто заплатил по его счетам. А еще я думаю, что у меня есть возможность сделать это таким образом, чтобы он никогда в жизни не отследил, откуда на самом деле пришли деньги. А у тебя такой возможности нет, потому что твоя грустная четкая система координат слишком грустная и четкая.

Черт. А ведь она права. Он сидит в кабинете у человека, которого считает преступником, и вынужденно соглашается с каждым его словом.

— Поэтому давай ты просто привезешь мне несчастный счет, ладно? И проследишь за тем, чтобы он там не слишком сильно бился головой об стену. Так вышло, что содержимое этой головы представляет определенную ценность.

Интересно, что бы сказал Гаррет, узнай он, что его лучший друг час проболтал с Бланш Бернар. И не просто проболтал, а договорился о поездке на Аляску. Наверное, сразу стукнул бы, без лишних разговоров. А может, и нет. Не зря они же дружат столько лет. Стивен пообещал Бланш не делать всего две вещи, которые и без ее просьб делать не собирался, а она за это собралась помочь ему, а не мешать. И еще он согласился присмотреть за Кэмероном. С одной стороны, в этом не было ничего такого уж ужасного. Согласившись на ее условия, он ничего не потерял, но при этом сэкономил кучу времени и нервов, которые пришлось бы потратить на противостояние. И это еще в лучшем случае. Стивен недобро усмехается своим мыслям.

С другой стороны, он как-то незаметно для себя докатился до того, что «договорился» о поездке на Аляску с человеком, который и сделал так, что туда вообще нужно ехать. Невероятно. Если его оказалось так просто развести, неудивительно, что остальные советники ловят каждое слово мисс Бернар, открыв рот. А он еще удивлялся, как это у нее получается. И главное, аргументы ведь нашлись настолько разумные, что не поспоришь. Ну кому, действительно, будет лучше, если он сейчас встанет в позу, вместо того чтобы договариваться? Его избирателям, которые останутся без пусть не всегда эффективного, но все-таки искренне заинтересованного представителя? Жителям Аляски? Джасперу, который сейчас наверняка думает о том, чтобы покончить с собой прямо в больнице, где пришел в себя? Все это так просто, так очевидно. И так противно. Стал частью системы, пусть даже для того, чтобы попытаться повернуть эту систему лицом к людям, — подчиняйся ее правилам.

В такие моменты Стивен начинал страшно завидовать Гаррету. Почему он не рок-звезда, чтобы хлопнуть дверью и не потерять возможность бороться?

Дубна, Центральная Российская республика, ноябрь 27, 2077

Яна пришла к нему поздно вечером в субботу, около половины одиннадцатого. Они заварили чай и попытались заняться работой, но работа не шла. Темой дня среди их одногруппников было интервью Ярослава Ярошенко, в котором он в самых решительных выражениях рассказывал об успехах операции на Аляске. Каждые полчаса Яне приходило голосовое сообщение — как правило, выражающее восторг по поводу Ярослава.

Игорь предлагает продолжить завтра с утра, потому что завтра выходной, и уходит к себе. Она переодевается, принимает душ, ложится в постель, долго ворочается, а потом проваливается в неглубокий тревожный сон.

Ее снова, как и в прошлый раз, будит его голос. Он уже не просто говорит во сне, а почти кричит и, кажется, всхлипывает. Яна садится в постели, пытается сообразить, что происходит, это получается с трудом, потому что она спала очень плохо и, судя по всему, недолго. Звуки из-за стенки становятся совсем странными, словно он судорожно пытается сделать вдох и не может, как тонущий. Она вскакивает, подходит к двери в его комнату, прислушивается, звук становится тише, как если бы он перестал сопротивляться, но не исчезает. Тогда Яна стучит в дверь, сначала тихо, потом сильнее.

— Игорь! — громко говорит она и опять прислушивается. — Игорь, с тобой все в порядке?

Он не отвечает, а дверь вдруг открывается внутрь.

В комнате совершенно темно, окно закрыто плотными шторами. Глаза немного привыкают к темноте, и она видит, что он лежит перед ней и действительно задыхается, так и не проснувшись. На ощупь она пытается включить светильник на тумбочке рядом с кроватью, что-то роняет, наконец зажигает свет и видит его изуродованное болью и ужасом лицо.

— Игорь, — уже тише зовет она и трясет его укрытое одеялом плечо. — Дыши. Просыпайся и дыши.

Он стонет во сне, вертит головой, потом открывает безумные глаза.

— Вот так. — Она изо всех сил старается говорить спокойно. — Глубокий вдох.

Он не понимает, что проснулся, и смотрит на нее, как на продолжение кошмара.

— Все хорошо. — Она осторожно гладит его по голове. — Дыши, и все будет хорошо.

Игорь потихоньку приходит в себя, послушно делает шумный резкий вдох, потом еще один, неуклюже пытается сесть и вдруг совсем просыпается.

— Отвернись, — тихо и зло говорит он. — Не смотри на меня.

Яна стоит перед ним, все еще не очень хорошо соображая.

— Я сказал, отвернись! — Теперь он почти кричит, и она быстро поворачивается к нему спиной и отходит к двери. — Что ты здесь делаешь?

Она понимает, что проделала все это, толком не проснувшись, до нее только сейчас начинает доходить произошедшее.

— Слушай, извини, ты просто...

— Я спрашиваю, что ты тут делаешь!

— Ты кричал во сне, — быстро говорит она. — Потом стал задыхаться. Я пыталась разбудить тебя через дверь, но ты не просыпался. Я правда очень за тебя испугалась. Ты же не думаешь, что я просто так стала бы...

— Уходи.

— Я испугалась за тебя, и только поэтому...

— Уходи! Уходи отсюда! Немедленно! — кричит он, и его голос срывается, словно он едва сдерживается, чтобы не зарыдать в голос. — Выйди и закрой за собой дверь!

Она выскакивает из комнаты, закрывает дверь, с минуту стоит, пытаясь понять, что теперь делать, потом уходит в комнату, где обычно спит, и садится на постель. Какое-то время в квартире тихо, потом она слышит его шаги, в ванной начинается шуметь вода. Проходит какое-то время, может быть, пять минут, а может, и полчаса, ей трудно сообразить, шум воды стихает. Еще через какое-то время он проходит в кухню и закрывает дверь с таким грохотом, что пол под ее ногами вздрагивает. Она решает, что пусть лучше он скажет что-нибудь плохое ей, чем сделает что-нибудь плохое себе, собирается с духом и без стука заходит следом за ним.

Игорь сидит в темноте, поставив локти на стол и закрыв лицо ладонями.

— Ты задыхался, — спокойно, но твердо повторяет она. — Я не виновата, что тебе приснился кошмар. Ты бы тоже так поступил на моем месте.

— Зачем ты включила свет? — тихо спрашивает он, не убирая рук от лица. — Неужели нельзя разбудить человека без света?

— Я проснулась за минуту до этого и плохо соображала. Не думала, что это принципиальный вопрос.

— Я не хотел, чтобы ты это видела. — Он наконец опускает руки. — Я бы предпочел задохнуться.

— Я не видела ничего, о чем стоило бы так говорить. Просто человек, которому снится кошмар.

— Да при чем здесь кошмар! — с ненавистью вскрикивает он и вдруг изо всех сил бьет кулаком по столу. В шкафу дребезжат чашки.

Яна молчит.

— Ты знаешь, что я не об этом. — Теперь он говорит тихо и обреченно, как будто она врач, пришедший сообщить ему о неизлечимой болезни.

— Не знаю, — устало возражает она, проходит и садится на стул.

С минуту оба молчат, воздух в кухне становится тяжелым, как в жаркий день перед грозой.

— Включи, пожалуйста, свет.

Яна молча включает, жмурится от неожиданности — глаза за последнее время привыкли к темноте, потом возвращается на место.

— Спасибо.

Игорь встает, подходит к окну и уставляется в него, сложив руки на груди.

— Я видела, что ты чуть не задохнулся во сне, вот что, — медленно, чтобы не сдаться подступающей истерике, произносит она. — Что ты не мог дышать и не мог проснуться. И что у тебя было такое выражение на лице, как будто во сне тебе отрубают руки и ноги. Я уже извинилась за то, что зашла к тебе. Мне было страшно, что ты совсем задохнешься. Может, с тобой ничего бы и не случилось, а я просто дура, но что ты хочешь от меня услышать?

— Мне не нравится это положение дел, — задумчиво отвечает он. — Оно какое-то унижительное для нас обоих.

— Какое «это положение», Игорь?! Каких дел?!

В этот момент ей на секунду кажется, что все, что о нем говорили другие студенты, правда, что он действительно тихий сумасшедший, от которого стоило держаться подальше. Но она никого не слушала и теперь сидит глубокой ночью за столом в его тоскливой кухне, растерянная и испуганная.

— Подойди, пожалуйста, — просит он. — Посмотри еще раз. Чтобы не пришлось больше делать вид, что не понимаешь.

Яна встает, делает шаг к нему и замирает. Игорь осторожно, чтобы не прикоснуться к ней, садится на подоконник, несколько секунд смотрит на нее с сомнением, потом высоко поднимает подбородок, берется за собачку молнии на воротнике свитера и тянет руку вниз. Расстегнув молнию до середины бледной почти безволосой груди, он останавливается и видит, что Яна говорила правду. Сначала она даже не понимает, куда именно смотреть. Ее испуганный взгляд ползет за его рукой, потом останавливается в нужном месте.

По его горлу, чуть ниже выступающего кадыка, тянется отчетливый серый шрам. Она вглядывается в него, понимая, что не может отвести взгляд, хотя воспитание велит сделать именно это. Это очень примечательный, вызывающе некрасивый, пугающий шрам. Ясно теперь и то, почему Игорь так настойчиво требовал от нее перестать делать вид, что все в порядке, и почему так расстроился из-за того, что она включила свет в его спальне. Шрам неуловимо меняет направление каждый сантиметр, как будто резали не одним движением, а потихоньку, все время останавливаясь. В нескольких местах еще заметны тонкие поперечные шрамы от швов. После такого редко выживают даже сейчас, а шраму лет десять. Вот что всегда, в любую погоду он прячет под галстуками и воротниками.

— Извини, — не своим голосом говорит он. — Я был уверен, что ты уже видела.

Она мотает головой.

— Дурак я, правда? Решил, что ты узнала мой неприятный секрет, расстроился и сам же им с тобой поделился.

На него вдруг наваливаются усталость и мертвое равнодушие.

— Если хочешь что-то спросить, спрашивай. Постараюсь ответить. — Он опускает голову и до локтя закатывает сначала левый рукав, потом правый. Такие же неровные шрамы идут от запястья до сгиба локтя на обеих руках. — Сам виноват.

— В чем виноват, Игорь? Ты чего? Если не хочешь говорить об этом, мы просто не будем, и все.

Он растерянно жмет плечами, жест выходит такой пришибленный, как будто он виноват во всех несчастях, которые постигли человечество за его историю.

— Уже говорим.

Яна сдается.

— Кто это сделал?

— Я, — после паузы отвечает Игорь и по очереди разворачивает рукава.

— Ты? — Она старается, чтобы слова звучали как можно спокойнее. — Давно? Лет десять назад, да?

— Четырнадцать. Четырнадцать лет назад. Мне было тоже четырнадцать. Исполнилось в этот день.

— А чем? — спрашивает она с таким серьезным видом, словно у них занятие по криминалистике.

— Ты не поверишь.

— Поверю.

Игорь поднимает на нее глаза. Она и правда поверит. Многие бы не поверили, но не Яна.

— Такими маленькими ножницами, все время забываю, как они называются. Ими ногти обычно стригут.

— Маникюрными, — вежливо подсказывает она. Разговор начинает напоминать сцену из треш-фильма, снятого бодрым старшекурсником режиссерского факультета.

— Да, точно.

Яна заглядывает ему в лицо.

— Ты перерезал себе горло и вены маникюрными ножницами? В день рождения?

— Ну да. Мне нужно было быстро, а они оказались под рукой.

— Что-то случилось, да?

— Да, — эхом повторяет он. — Случилось. Случалось несколько лет.

Яна серьезно смотрит на него своими огромными глазами, в которых не видно ничего, ни тени насмешки, непонимания, отвращения или страха, только отражение его собственной боли.

— Можно, я тебя обниму? — тихо говорит она.

— Что? — удивленно, как будто услышал незнакомое слово, переспрашивает он.

Яна решается, наклоняется ближе и крепко прижимает его к себе. В любой другой день она потеряла бы голову от такого прикосновения, но сейчас ей не нужно ничего, только чтобы ему стало хоть чуть-чуть легче.

Игорь не сразу это понимает и вздрагивает, а потом прислушивается к ее дыханию. Это ровное дыхание желающего добра человека, и оно успокаивает. Неожиданно для себя он решает обнять ее в ответ, поднимает руки и кладет их ей на спину. Получается коряво. Он совсем не умеет обниматься, и от этой мысли противно ноет под ребрами, как будто там выросли зубы и тут же начали болеть. Яна не отпускает его и гладит по волосам, и вдруг, под болью, где-то совсем глубоко он чувствует стремительно поднимающуюся теплую волну. Темза, сэр! Грудную клетку сдавливает так, что снова становится трудно дышать, в горле начинает першить и пощипывать.

Потом это ощущение переходит в нос, и он пытается выскользнуть из ее рук. Первые слезы уже текут по щекам, и он в ужасе понимает, что сейчас разрыдается прямо у нее на плече.

— Отпусти меня, пожалуйста.

Она очень вежливо и осторожно целует его в затылок и послушно расслабляет руки, давая ему освободиться, но уже поздно. В последний раз его волосы целовала мама очень много лет назад, так много, что он уже и забыл, что этот жест вообще существует, волна поднимается все выше, он хватается за Яну из последних сил, и капли из протекающего крана, на которые еще секунду назад были похожи его слезы, превращаются в водопад, сметающий на своем пути последние остатки страха, стыда и гордости.

Она обнимает его и думает, что никогда не видела, чтобы люди так плакали. Думает, что он потом наверняка пожалеет об этом. Думает, что сделать что-нибудь не так проще простого, потому что она совершенно не представляет, что нужно делать. Футболка промокает на ее плече. Главное, она точно знает, чего делать нельзя. Нельзя говорить «не плачь», «все пройдет» и «все хорошо», потому что, раз не прошло за четырнадцать лет, вряд ли пройдет и дальше, и все очень, очень плохо.

Она обнимает его, пока он не всхлипывает последний раз. Когда остается только его тяжелое дыхание у нее на плече, она осторожно расслабляет руки.

— Выключи, пожалуйста, свет, — просит он, не глядя на нее.

Яна кивает, отпускает его совсем, выключает свет и возвращается. Он неловко встает с подоконника, садится на пол и всем телом опирается на стену.

— Мне уйти или посидеть с тобой?

— Как хочешь.

Ее глаза постепенно привыкают к темноте, тем более что темнота не кромешная: из окна падает немного света от фонарей на улице, внизу, и немногочисленных горящих окон в соседних домах, и она всматривается в его стянутое от высохших слез худое лицо.

— Я хочу посидеть с тобой, — признается Яна. — Но если ты хочешь остаться один, то я нисколько не обижусь и пойду спать.

— Наверное. — Кажется, он не уверен, что хочет остаться один, но говорит именно это. — Спасибо тебе. И прости за то, что я тут устроил.

— Все в порядке.

Он мотает головой.

— Все в порядке, — повторяет она. — Правда.

— Устраивать вот такие сцены — это порядок?

— Да, — серьезно отвечает Яна. — Я, наверное, не должна этого говорить, но я теперь вообще с трудом понимаю, как ты держишься.

Игорь усмехается, нервно, почти истерически.

— Извини, — быстро продолжает она. — Я не хотела тебя обидеть.

— Не обидела. — Он поднимает голову и смотрит в потолок, на долю секунды ей кажется, что в его глазах снова стоят слезы. — Знаешь, я сам не понимаю, как. Я хотел поспать сегодня. Просто хотел выспаться. Неужели это так много?

Она садится рядом и осторожно кладет руку ему на плечо, не находя ни одного слова, которое пришлось бы к месту.

— Я больше не могу. Я старался, но, похоже, все.

— Я бы очень хотела помочь, но не представляю как, — осторожно произносит Яна. — Может, попробуешь рассказать мне, в чем дело?

— Я никогда не пробовал. — Он смотрит на нее и тут же отворачивается. — Но, может, будет лучше, если ты знаешь, почему я такой урод.

— Ты не урод, и это не обсуждается. Но я готова слушать. Твое доверие очень много для меня значит.

Он недобро улыбается.

— Если тебе не трудно, дай, пожалуйста, сигареты и зажигалку из левого ящика стола.

Яна находит пачку и садится на пол рядом с ним, плечом к плечу.

— Ты не против, что я буду курить? — спохватывается он. — Тут будет трудно дышать.

— Нет. Не тот случай, чтобы думать об этом.

Он поджигает сигарету, делает первую затяжку, собирается с духом и сосредоточенно начинает:

— Я постараюсь без подробностей, потому что они отвратительные. Там и без подробностей мало приятного, но все-таки. А ты останови меня, если я вдруг забуду об этом, ладно?

— Как тебе удобнее. — Она жмет плечами. — Но мне кажется, лучше говорить как говорится.

— В общем... — Он и затягивается второй раз. — Нет, без подробностей получается, что я сам.

— Игорь. — Она и кладет руку ему на плечо. — Говори как говорится. Вообще не думай об этом. Потом как-нибудь разберемся. Правда.

Он кивает, потом долго курит, глядя в темноту, и Яна уже думает, что он так и не сможет решиться. Сигарета тихо трещит и загорается ярче, когда он подносит ее ко рту и делает долгий вдох, — и красиво меркнет, когда он держит ее в руке. У него очень красивая рука, худая, с длинными пальцами, невыразимо изящная.

— Мать умерла от рака, когда мне было десять, — рассказывает он и медленно выдыхает дым в потолок. От волнения ее ладони становятся влажными. — За два года до того, как от него изобрели лекарство, помогающее практически на любой стадии. Немного обидно, правда?

Он нехорошо усмехается, привстает, берет с подоконника стакан под пепел и снова садится.

— Причем я уверен, что даже с тем уровнем медицины ее можно было бы спасти, если бы у нас были деньги, чтобы уехать лечить ее из этой дыры, где все происходило. Ты бы видела эти больницы, Яна... Какой там рак, в них можно сдохнуть, даже если пришел здоровым. Но дело, в общем-то, не в ней. Отцу всегда было насрать на все, кроме баб, водки и утверждения себя в позиции царя природы. Утверждал себя он довольно нехитрым способом: выпивал водки и выписывал кому-нибудь профилактического тычка под ребра. В основном, конечно, матери или мне. Чтобы не забывали, кто в доме хозяин. Однажды, мне тогда было пять, наша кошка громко орала, потому что у нее случилась течка, а он пришел с работы злой и по этому поводу выбросил ее в окно с шестого этажа. Мать подобрала ее и принесла назад, кошка тихо поблевала кровью и на следующее утро сдохла.

Игорь улыбается, мечтательно и одновременно зло, по улыбке становится ясно, что он выбросил бы своего отца в окно вместо кошки, окажись он сейчас перед ним.

— Но дело и не в нем. Он был просто мудака, каких два через одного. Здесь, может быть, и не два, и среди знакомых твоего отца, наверное, тоже, а там, где я рос, в нем не было ничего удивительного. Типичный такой гражданин. В общем, мать умерла, отец ушел в запой на месяц, потом протрезвел и решил, что нужно срочно искать новую женщину. А то грустно, нечего жрать — он из тех людей,

которые не могут пожрать без женщины, если ты понимаешь, как это, — не с кем спать и не об кого вытирать ноги, когда плохое настроение.

Он докуривает сигарету, размазывает ее по дну стакана и почти сразу лезет в пачку за новой.

— Женщина нашлась быстро. Там с этим было просто, даже не знаю, как тебе объяснить. Через три месяца он стал жить с женщиной. Она сначала прыгала вокруг меня со словами, что она теперь моя новая мама и будет обо мне заботиться, а мне очень хотелось плюнуть ей в морду — у меня была мама, и новой мне было не надо. Так продолжалось почти полтора года. До этого момента все кажется нормальным. Почти. Не то чтобы прямо нормальным, но относительно как у всех.

Он опять выдыхает дым в потолок.

— А еще через полгода, за несколько дней до того, как мне исполнилось двенадцать, она пришла ко мне с какими-то дурацкими джинсами. Типа, она купила их мне в подарок, но сомневается, что подойдут по размеру. Я ушел в другую комнату, переоделся — я, понимаешь, был стеснительный. Она все-таки чужая взрослая тетка.

Игорь усмехнулся. Яне вдруг показалось, что он сейчас снова заплачет, и она на всякий случай вернула руку на его плечо.

— Не знаю, как буду смотреть тебе в глаза, если все-таки расскажу. — Он делает еще одну затяжку. — Я оделся, вернулся, она сказала, что все еще не уверена, не малы ли они мне, присела передо мной и с шуточками про то, что у некоторых маленьких мальчиков рано вырастают большие достоинства, запустила руку мне в ширинку. В общем, я лишился девственности с женщиной отца раньше, чем успел сообразить, что за дерьмо происходит. Не то чтобы я плохо соображал, просто все заняло считанные минуты.

Он улыбается одной половиной рта и качает головой, как будто не веря собственным ушам. Яна изо всех сил старается сохранять спокойное лицо.

— Это сейчас я знаю, что надо было ее сдать ментам, а лучше зарезать ночью, пока она спит, а этот мудака на смене. И, несмотря на то что я не вырывался с криками, все было совсем не потому, что я сам этого хотел. А тогда я так не думал. Все мое образование на этот счет сводилось к маминим робким рассказам, что деточки появляются у тетенок из животиков, и пьяным сообщениям отца, что скоро я вырасту и буду ебать баб, как настоящий мужик. Отцовская точка зрения побеждала с сильным отрывом. Он часто с гордостью рассказывал, что телки у него с тринадцати лет, — так вот, я решил, что еще круче, раз у меня с двенадцати. Тем более что было все-таки приятно. Физически. Противно, конечно, потому что я никогда не был дебилом и понимал, что происходит какая-то хрень, которой происходить не должно, но и приятно тоже было. Она говорила что-то в том духе, что скучает без этого дела, пока отец на работе, — у него смены иногда выпадали в ночь, — а тут я вон какой вырос, давай делать друг другу приятное, только никому не рассказывай. Рассказывать я бы и так никому не стал. Мне было некому. Говорить отцу, что спал с его бабой, как-то неправильно. Единственный друг, который у меня был, — не то чтобы прямо друг, а просто одноклассник, к которому я иногда ходил в гости, — совершенно охренел бы от такого рассказа, у него как раз была на удивление приличная семья, где даже голос друг на друга не повышали. А говорить с посторонними людьми я и тогда плохо умел.

Игорь выдыхает дым и продолжает уже совсем быстро, не делая пауз:

— Примерно полгода мы с ней вот так развлекались. То есть, правильнее будет сказать «она со мной», потому что я выступал в роли инвентаря. Я вообще разучился разговаривать. С ровесниками было не о чем, самое ужасное и откровенное, что они себе позволяли, это хлопнуть какую-нибудь девицу из старших классов по жопе и с гоготом убежать, и тут я, который только что в групповухе еще не участвовал. С отцом по понятным причинам я и раньше не очень много общался, а тогда вообще перестал. А с ней не надо было особенно говорить, главное вовремя снимать штаны. Но это все тоже херня. Однажды отец пришел с какого-то праздника раньше, чем она его ждала. Поругался там с кем-то, что ли, в общем вместо глубокой ночи и бессознательного состояния вернулся вечером почти трезвый и злой. Спросил он, естественно, с меня. У него

система координат такая. Женщины в ней не являются разумными существами, и спросить у нее, почему она трахает его сына, который, в общем-то, еще ребенок, он не мог, ему это не приходило в голову. А вот спросить у меня, почему я трахаю его бабу, приходило. Спросил он как следует, не снимая ботинок, так, что я неделю не ходил в школу и две недели ссал кровью, плача и матерясь. Ей тоже досталось, но не настолько от души. После этого она от меня отстала на пару месяцев. Этот мудака сказал, что убьет обоих, если что-нибудь подобное будет еще раз, и она поверила. Да и я поверил. После этого он окончательно меня возненавидел. Он и раньше был не из тех отцов, которые водят детей за ручку в парк аттракционов, а после того, как обо всем узнал, вообще не мог видеть. Мог зайти в комнату, когда я делал уроки — я при всем этом еще пытался делать уроки, сам для себя, хотя всем было насрать, делаю я их или нет, — и пнуть стул, на котором я сижу, а потом, когда я упаду, пнуть и меня. Однажды я ел, а он зашел на кухню, увидел меня, подскочил и окунул мордой в тарелку с горячим супом. До сих пор помню это ощущение — суп в глазах и в носу. Я сначала пытался сопротивляться, давать сдачи, орать на него, а потом понял, что он от этого только сильнее злится и больше бьет. Сил, чтобы совсем с ним справиться, у меня еще не было, и лучше было заткнуться, подтянуть колени к подбородку и не дергаться. Он тогда быстро успокаивался и отставал. Но и это ерунда. Я тогда уже пил, не так, как сейчас, конечно, но пил. Я давно начал пить. Она любила выпить, хоть и не так сильно, как отец, и часто дышала мне в рот запахом какого-то дерьма с градусом. В общем, иногда проще было выпить самому, чем этим дышать. Да и вообще. Как-то все глаже и лучше становилось, когда выпьешь. Хотя почему «становилось»? И сейчас становится. В общем, я один раз переборщил, нажрался, и, не помню, как именно, но по пьяни все понеслось по новой. По сильной пьяни. Она ведь ни капли мне не нравилась. Ей было нормально за сорок, а мне даже не тринадцать, она весила почти центнер, а я в половину меньше, от нее все время чем-то воняло, то какими-то сладкими духами, то водкой, то потным телом. Да и вообще, такое ощущение, как будто тебя засовывают в мясорубку... Блядь. Прости меня, пожалуйста, прости, не знаю, зачем это несусь, видимо, у меня окончательно сорвало резьбу. Прости за подробности. Короче, в тот раз я нажрался и она, наверное, тоже — в общем хер знает, что там произошло, я плохо помню. И понеслось по новой. А этот мудака, наученный прошлым случаем, стал специально говорить, что работает, когда отдыхает, что придет в десять, когда придет в семь, — в общем, делать все, чтобы нас спалить. Но до этого спалить не получалось, потому что ничего не было, а тут получилось. На этот раз он не остановился на отбитых почках, а выгнал меня из дома. Сказал, что если я достаточно взрослый, чтобы спать с его бабой, то достаточно взрослый и для того, чтобы жить отдельно и не мозолить ему глаза. Я посидел немного в подъезде, а потом ушел. Стал жить на улице. Жил почти полгода, с августа по январь. Летом и в начале осени даже хорошо было. А зимой плохо. Холодно. И еще невыносимо было в своем родном городе. Он маленький, все время встречались знакомые. Вообще я поначалу выглядел относительно прилично — мылся в речке, одежду стирал. Но они все равно видели, что что-то не так, и приставали с дурацкими вопросами. Примерно через месяц я уехал в Екатеринбург на двух электричках с пересадкой, чтобы не попадаться никому на глаза, это сто пятьдесят километров от моей родной дыры. В большом городе проще. Чем больше город, тем меньше люди обращают друг на друга внимание, тем меньше шансов нарваться на ментов. Там меня стала иногда кормить девушка, кассир из супермаркета. Я у них в магазине украл что-то и попался. Охранники магазинов никогда не будут из-за копеечной кражи сдавать уличного подростка в полицию, им лень. Обычно ловят, бьют, иногда от души, когда настроение плохое, иногда совсем легонько, просто для приличия, предупреждают, чтоб к ним больше не совался, и отпускают. Ну вот они пару раз стукнули меня под дых и выгнали, а она догнала и угостила чем-то, уже не помню. Я потом иногда приходил к этому магазину, хоть охрана меня и предупредила, что будет бить долго и сильно, если еще раз увидит. Она выходила дворовых кошек кормить — и меня заодно. Потом, ближе к зиме, сделала мне копию ключей от подвала в своем доме, чтобы я там спал. Просто так, сама, я ее не просил. На свои деньги. Сказала, что никто не заметит, если не будет шума. А шума от меня, естественно, не было. Я приходил, падал в угол, укрывался старым одеялом, которое она же мне принесла, и отключался, а рано утром уходил. Если бы не она, не знаю, что было бы, в общем. На вокзалах особенно не поспишь — менты видят, что несовершеннолетний, и пристаю, как мухи к говну. А на улице можно насмерть замерзнуть. Некоторые замерзли. Но что меня больше всего поразило, так это то, как много желающих снять мало того что подростка, так еще и страшного, тощего и грязного, как бродячая собака. И причем не такие же, с улицы. Мужики в костюмах на дорогих машинах. Я иногда думаю, что, не возникай у меня уже тогда желания вцепиться в глотку, когда ко мне тянут руки, я, может, и не стал бы этого

бояться. Противно, наверное, зато отмоют, накормят, спать уложат не в подвале. Ну, или убьют и выбросят труп на ближайшей свалке, что тоже выход. Знаешь, оттуда, с улицы, все кажется другим. Города, люди, здания — все. Внутренности жизни становятся видны, все ее кишки, набитые говном... А в начале января меня все-таки забрали менты. Отцу в голову стукнула моча, и он забыл, что выгнал меня из дома. Искренне решил, что я сам сбежал. Написал заявление, рассказал в отделении, какой он заботливый папочка и какой я трудный подросток, меня нашли и вернули домой. И потом почти год — меня вернули в середине января, а жопа случилась в начале ноября — все было относительно нормально. Она меня не трогала, а он если и бил, то редко, несильно и по полной пьяни. Я был почти счастлив. Спал в кровати, ел два раза в день, а иногда и три, получал по морде не чаще, чем от охранников. Жопа пришла в день рождения, когда мне исполнилось четырнадцать. Они решили его отметить и нажрались. Они вообще только этим и занимались, даже когда повода не было, а тут еще и повод. Тогда еще можно было пить много очень дешевого бухла, сделанного не из топлива. В общем, если то, что она делала раньше, попадало под статью — как ее? — про несовершеннолетних, то тут была уже совсем другая статья. Я проснулся от того, что она залезла ко мне в кровать. Напилась и навалилась на меня всем своим весом, который уже подбирался килограммам к ста двадцати, наверное. Ты, говорит, только не шуми, наш папочка дома, а я по тебе соскучилась. Я потом читал триста разных статей, и почти во всех говорится, что... Не хочу произносить это слово, меня от него тошнит. Говорится, что мужчину трудно заставить против воли, потому что у него, извини, не встанет. Так вот, не знаю, откуда они это взяли, но, когда на тебя в четырнадцать лет ложится женщина, встанет все равно, даже если хочется кричать и драться. А дальше дело техники. Полная жопа. Дома этот мудака, если начать шуметь, он придет и устроит такой праздник, что мало не покажется. И никаких сил на то, чтобы заткнуться и подождать. Вот это мне сегодня снилось. Что она закрывает мне рот рукой, игриво так, потому что боится, что я начну шуметь. Сука. Ненавижу ее. Будь она жива, я бы разделал ее на куски живьем и в процессе смеялся от удовольствия. Тебе, наверное, противно и страшно со мной рядом сидеть после такого, и правильно. Мне самому противно и страшно. Так вот, сука эта зажимает мне рот, чтобы не вякал, а нос у меня заложен и не дышит, но сказать я об этом уже не могу. И задыхаюсь. Что было дальше, думаю, понятно. Я стал вырываться, как ненормальный, уже просто для того, чтоб не сдохнуть. Отец, естественно, проснулся.

Он делает паузу первый раз за, наверное, полчаса, какое-то время молча смотрит в потолок, а потом закуривает очередную сигарету.

— У меня сломан нос. Это не очень заметно, потому что хорошо сложили. А еще пальцы, руки, несколько ребер, ключица. В общем, в тот раз он бил так, чтобы если не убить, то сделать инвалидом. Я как-то сумел его оттолкнуть, забежал в ванную, заперся, придвинул к двери стиральную машинку, чтоб дольше открывали, взял первый попавшийся в руки острый предмет, которым оказались ножницы, и, ни секунды не сомневаясь, распорол себе сначала руки, а потом шею. В качестве возможных последствий предполагал только быструю смерть. Зашили, кстати, чудом, не должно было такого быть. Видимо, когда я добрался до горла, сил уже не было, и порез получился неглубокий, трахея едва задета. Кровь в легкие почти не попала. Еще пара миллиметров вглубь, и ничего этого я бы сейчас не рассказывал. Больше ничего не помню. Говорят, он сломал дверь, чтобы продолжить учить меня уму-разуму, увидел в луже крови и принялся звонить в «скорую» — видимо, ему стало обидно, что я сдохну не от его рук, а от своих собственных, — а «скорая», как назло, оказалась у соседнего дома. Там бабушке, с которой я даже здоровался иногда во дворе, стало нехорошо с сердцем. Вот когда ждешь «скорую», она едет час, а когда не ждешь, появляется за считанные секунды. Я, Яна, ненавижу тех, кто меня тогда спас. Надо бы им цветы носить и посылать открытки по праздникам, а я их ненавижу. Я что, их об этом просил? Неужели не ясно, что, если человек не побоялся ножницами вскрыть себе вены, жизнь не является для него ценностью, за которую стоит бороться? Я от губы кусок откусил, пока резал, до сих пор улыбаюсь криво, как маньяк, и зачем все это? Очнулся в больнице. Со мной истерика случилась, когда очнулся. Вырвал капельницу с мясом, орал, дрался, хотел добежать до окна и прыгнуть; только прибежавший на шум хирург меня успокоил. Ну как успокоил — схватил как следует, он был огромный, как три меня, — бросил на кровать, навалился сверху, медсестра сбегала за каким-то уколком, после которого я снова ничего не помню. Потом этого мудака наконец-то лишили родительских прав, потому что у меня попытка самоубийства, сотрясение мозга, травмы внутренних органов, полторы целых кости во всем теле и пара венерических заболеваний, а у него ноль внятных объяснений, как все это получилось. Меня подлечили и отправили в детский дом.

Там тоже был сплошной праздник. Это сейчас мои шрамы выглядят вот так, а тогда они выглядели в сто раз хуже. Толстые такие, мерзкого цвета, похожие на вывернутое наружу мясо, все в корках и чешутся. Не чесать невозможно, а когда чешешь, корки отрываются и на их месте выступает какая-то желтая жидкость. Одевался я уже тогда так, чтобы было ничего не видно, но ведь там заставляют мыться вместе с другими пацанами. Я получил кличку Штопаный, потому что были еще хорошо видны поперечные шрамы от швов. И вообще было очень весело. Меня все время пытались раздеть, чтобы поржать над шрамами. Один раз украли мою одежду из предбанника в душевой. Я сидел под душем до отбоя, пока меня не хватились и не начали искать по всем помещениям. Выключал его, сох, потом замерзал и снова включал. Это еще одна радость, которая мне все время снится: что я голый в центре толпы этих уродов, пытаюсь хоть как-то закрыться, а они ржут и держат меня. Просыпаюсь с пульсом сто сорок и в себя прихожу сутки. Примерно через год после меня там появилась тихая домашняя девочка Оля, у которой родители погибли в автокатастрофе. Ей было тринадцать, что ли. В общем, мало. Я ей почему-то понравился, хоть я и плохо понимаю, что люди подразумевают под этим словом. Она была добрая и неглупая. И хорошо ко мне относилась, непонятно почему. Я к ней тоже старался нормально относиться. Домашние задания все время ей делал, у нее самой не по всем предметам получалось. Однажды она спросила, умею ли я целоваться, я ответил, что конечно умею — это я сейчас понимаю, что ни хрена не умею, а тогда мне казалось, что умею все, — и мы попробовали. И вот это было очень зря. Нас увидела одна компания постарше, а там была такая система, я даже не знаю, сможет ли ее понять нормальный человек. В общем, там были девочки, у которых уже давно были парни, и все пытались поймать их в темном углу, где никто не помешает. Иногда попытки были успешные, иногда нет. Причем желанием самих этих девочек особенно не интересовались. Да и они довольно буднично к этому относились — неприятно, но ничего особенного, бывают в жизни огорчения. Я до случая с Олей старался не задумываться об этом, потому что меня тошнило. Физически тошнило, могло вырвать. Эти девочки сейчас все или сдохли от наркотиков, или работают проститутками, потому что для них это норма жизни. А девочек, которые сидели тихо и ни в чем таком не были замечены, как бы не существовало. Потому что зачем рисковать и связываться с неопытным ребенком, который начнет кричать или жаловаться, и привет, колония для несовершеннолетних, когда есть те, кто не пойдет жаловаться никогда и ни на что. Логика, которую нормальный человек понять не может, да и не должен мочь: если ты дорос или доросла до того, чтобы один раз попробовать, то потом уже все равно, когда, с кем и сколько раз. Нас с Олей увидели и решили примерно так насчет нее. Что с ней уже всем все можно. А я даже не попытался ее защитить. Понятно, что не получилось бы, их было больше, но ведь нужно же было попытаться. А мне стало так дурно при мысли о том, что сейчас будет, что я просто развернулся и убежал. Я даже не могу объяснить это состояние. Не знаю таких слов. Я не то чтобы решил убежать, а просто... не знаю. Я даже не помню, как бежал, пришел в себя уже далеко от этого места. Я вообще думаю, что ты не должна со мной общаться. Что никто из нормальных людей не должен. Я ведь полнейший мудака, похлеще своих отца и мачехи. Олю через пару месяцев усыновили, кажется, какие-то дальние родственники. Мы так и не разговаривали больше. Я очень надеюсь, что она выросла более нормальной, чем я, и что у нее есть что-то хорошее в жизни. Хотя шансов, конечно, мало. Почти никаких.

Он закуривает новую сигарету и надолго замолкает.

— Потом мне исполнилось восемнадцать, я выпустился оттуда и устроился работать грузчиком в магазин. Завхоз детского дома помог с работой, я ему почему-то нравился. Не знаю, смог бы сам что-нибудь подобное предпринять или нет. Снимал комнату в общежитии, уставал на работе, как сволочь, приходил домой, жрал и отключался. По выходным напивался с кем-нибудь из соседей. Смутно помню, что иногда приводил к себе каких-то девиц. То есть, скорее, это они приводили себя ко мне и меня заодно. До такого доходило, только когда я был пьяным в дым. А потом я вдруг решил, что надо попробовать, просто на спор с самим собой, податься в Академию. Что я уже слишком взрослый, чтобы меня взяли, но просто ради интереса, посмотреть, действительно ли я чего-то стою, как мама говорила. Заполнил форму на сайте, первый тест прошел... Со страшного похмелья, как сейчас помню. Странно, что я вообще там что-то решил, в этом тесте, башка болела так, что хотелось умереть. А потом как в сказке: мне позвонили и сказали, что хотят согласовать дату, когда ко мне приедут, чтобы провести очный тест. Что они посмотрели не только тест, но и мои еще школьные работы и подозревают у меня способности, от которых можно закачаться. Короче, через месяц передо мной лежал договор на учебу в Академии. Никогда не забуду, как летел

сюда на самолете. Бизнес-классом. Когда я увидел обед, которым меня собираются накормить, едва сдержался, чтобы не зареветь. А когда получил деньги за первый месяц, то не сдержался. Посмотрел, какая мне пришла сумма, а потом зашел в магазин с едой и примерно представил, что я могу на нее купить. Причем представить-то представил, а купил, как обычно, какого-то дерьма за смешные деньги — привычка такая, ничего не мог сделать. Пришел домой, вот в эту самую квартиру, сел у двери и разревелся. Никак не мог поверить, что все это на самом деле.

Он снова делает паузу, а потом продолжает:

— Тут бы мне заткнуться и дальше не рассказывать, но я уже не могу. Вроде самое время выскочить из-за кулис с табличкой «хеппи-энд!». Но нет, конечно. Но тогда я об этом не знал и почти поверил, что теперь все будет хорошо. Что я буду хорошо учиться, найду друзей, девушку, потом стану ученым. Буду заниматься с доктором Савиновым и стану психически стабильным и счастливым.

Он усмехается половиной рта, намного более горько и жутко, чем обычно.

— Когда приходишь в Академию в сколько-нибудь сознательном возрасте, тебе сразу устраивают медкомиссию. Проверяют все. Только что вскрытие не делают. Ты, наверное, слышала. Типа, мало ли чем ты занимался до попадания в их надежные руки. Вдруг помрешь через год, и их старания по превращению тебя в человека пропадут даром. Ежегодные осмотры потом совсем не такие — они ведь уже все про тебя знают. И вот меня исследовали со всех сторон, и кроме очевидного вроде проблем со спиной и плохих зубов нашли, блядь, туберкулез в активной стадии. У них чуть не выпали глаза — по их представлению о жизни, только неопознанные трупы бездомных могут быть с туберкулезом, а не студент, принятый в Академию. Я и сам, конечно, охренел — я немного кашлял, почти все время, но считал, что это от плохих сигарет, с утра просыпался уже уставший, но списывал это на тяжелую работу по шесть дней в неделю. Меня вместо знакомства с группой положили в больницу, где я торчал два месяца, как в камере-одиночке. Но терпел и думал, что не буду себя жалеть, что все это ерунда, что сейчас меня вылечат, я пойду на занятия, познакомлюсь там со всеми, что впереди меня ждет новая жизнь, ради которой можно потерпеть... И вот я пришел на занятия, а со мной никто не поздоровался. А девочка, рядом с которой я попытался сесть, пересела. А в конце дня меня поймала староста — наша Катя в сравнении с той старостой просто молчаливый ангел, — меня еще удивило, что она в маске на улице, попросила выйти с ней за территорию. Я, как идиот, пошел, и там она мне сказала, что они про меня все знают, потому что у нее знакомые в администрации, и что вся группа в шоке, что меня взяли к ним с помойки, она так и сказала, никогда этого не забуду, блядь, никогда. Что я опасен для их здоровья и она предлагает мне убираться из их группы по-хорошему, иначе она сделает так, что я не сдержусь и «наделаю глупостей» и меня вообще выгонят отсюда обратно на улицу, откуда пришел. Знаешь, что я сделал? Ненавижу себя за это, еще больше ненавижу, чем за все остальное. Я растерялся, расстроился, только что не начал плакать, как совсем уж полный мудака, и сказал, что они не так поняли, я уже не опасен, у меня есть документы, что ничего не выделяется, я не могу никого заразить, я очень хочу учиться, и она не должна так говорить, и делать так не должна. Она повторила, что советует убираться по-хорошему, пока меня не выбросили на улицу по-плохому, я нес что-то про недопонимание и «почему ты так поступаешь, ты даже не знаешь меня, за что ты меня ненавидишь», а она еще решительнее отвечала, что не ненавидит, а просто заботится о своей группе и что не знает и знать не хочет. Тьфу, блядь, Господи, противно вспоминать. Надо было сразу отвечать, что выяснять про меня что-то в Администрации — это уголовка и для нее, и для того, кто ей эту информацию выдал, что пошла она к чертовой матери, сука, что я хочу учиться и буду и посмотрим, кто кого. Но я не мог. Мне было двадцать лет, только исполнилось, пока я лежал в больнице. И я так верил, что плохое кончилось, и теперь я буду студентом, и моя жизнь чудесным образом изменилась, как в кино... Я так растерялся. Не мог поверить своим ушам. В Академии, на сайте у которой все про равенство, возможности для каждого способного ученика, мне говорят вот такое, что я им не нужен и они все равно от меня избавятся...

Он поднимает глаза к потолку, в них стоят слезы. Он ждет, пока они высохнут, получается долго. Яна сидит тихо, боясь дышать.

— И вот так мы долго беседовали: я что-то бляял, как последний урод, а она на все отвечала, что мне же хуже, если я не пойму с первого раза. Не помню, как пришел домой, сутки после этого не

помню, хотя даже не пил тогда. Хотел начать новую жизнь: бросил пить, курить, занялся спортом. Чертов мудацкий жалкий идиот. Потом пришел в себя, почитал еще раз громкие заверения в равенстве и справедливости на сайте Академии и пошел к Савинову — я его знал лучше всех. Рассказал ему, что случилось, он тоже немного охренел, как мне показалось, пригласил меня через пару дней на встречу с каким-то мужиком из службы безопасности. Те вызвали эту суку, и она стала плакать и говорить, что боится меня, потому что я приглашал ее на свидание, а после отказа стал вести себя неадекватно, оскорблять ее, а теперь вот нажаловался на нее им. И ничего подобного, в чем я ее обвинил, не было и быть не могло: и в Администрации связей у нее нет, и вообще она за равенство, и даже принимала участие в программе «Равные возможности», где помогала колясочникам найти себе подходящую программу физкультуры, и как они могли только подумать, что она способна на такие ужасные жестокие слова в адрес своего одноклассника. Мужик и Савинов потом мне сказали, что верят мне, но — но и ни черта. «Твое слово против ее слова, а у нее просто идеальное личное дело». И участие в программе, блядь, «Равные возможности». И что меня переведут в другую группу, но, наверное, придется принести этой суке извинения. И вот это меня убило. Я пережил перерезанное горло, я пережил, что меня постоянно били, я спал в подвале, иногда жрал раз в сутки, я пережил сраный детский дом, я пережил два месяца в больнице взаперти, а тут сдох. Я даже не знаю, как объяснить, что со мной случилось. Я просто сдох, и все. Пришел, лег на диван, не раздеваясь, и лежал так больше суток. Потом встал, выпил воды, дошел до магазина — тогда пить мне еще не запрещали совсем, — купил бутылку водки и выпил ее целиком за час. Семьсот миллилитров. Потом, уже плохо помню как, нашел таблетки, которые Савинов мне выписал, когда я к нему только пришел с этой историей, чтобы я не волновался в процессе расследования, и выпил штук пять сразу. Потом решил, что не помогает, и добавил еще. Причем я даже не думал, что хочу покончить с собой, — просто ел их, чтобы стало не так невыносимо, а легче не становилось, и я ел еще. Потом меня стало тошнить, а потом я потерял сознание. Меня нашел какой-то савиновский стажер, которого тот отправил проверить, как я, чтобы меня на срочный прием записать, если мне плохо. Мне и было плохо — я уже почти не дышал. Ну, и что, опять больница, сначала токсикологическая реанимация, потом психушка. Модная, конечно, академическая, но все равно психушка. В общей сложности полгода по больницам и еще месяц дома с ежедневными визитами врачей. Потом месяц отдыха, если это можно так назвать, и я пошел в другую группу, в которой сейчас и учусь, потеряв год. Там меня быстро приняли за предмет интерьера, но я к этому и стремился — хватит уже общения с одноклассниками, наобщался. Сука, которая мне все это сказала, перевелась в Париж, и больше я ее не видел. В Париж, Яна. Жрет там круассаны по утрам и чувствует себя наверняка неплохо. А я решил, что больше не буду надеяться. Никогда и ни на что. Потому что пока я не надеялся, то выживал в самых дерьмовых обстоятельствах и даже особенно не ныл. А когда начал, то немедленно поел дерьма и чувствовал себя хуже, чем когда резал вены ножницами, — честное слово, не преувеличиваю. Потом Савинов меня два месяца дергал на приемы, все уговаривал лечиться, не отчаиваться, а я молчал. Он говорил, а я молчал, и так раз в неделю два месяца подряд. А потом я как-то не выдержал на очередном приеме и стал кричать, что лучше сдохну, чем снова все это, снова верить, что что-то может измениться к лучшему. Что я прямо сейчас уйду отсюда на улицу, буду спать в подвале, если он от меня не отстанет раз и навсегда, что мне насрать, и я так и сделаю. Что он не понимает, о чем говорит, и лучше бы ему заткнуться. Он подождал, пока я проорусь, и спросил, почему я думаю, что он не понимает, — я не знаю его биографии и не могу знать, что он пережил. Тогда я сказал, что если он знает, о чем я говорю, то тем более должен, просто обязан от меня отстать. Он должен знать, что надежда убивает. Отбитые почки и сломанные ребра не убивают, а надежда убивает, и я лучше убью себя сам, чем начну надеяться, лечиться, «улучшать свою жизнь и состояние» и прочее дерьмо. И он согласился. Сказал, что запретит мне алкоголь, и еще я должен ему обещать, что, если когда-нибудь всерьез решусь на самоубийство, сначала позвоню ему. И на этих условиях он согласен меня не трогать. Я пообещал, что не буду совершать самоубийство, не посоветовавшись с ним, — и сейчас мне иногда кажется, что это обещание — единственная причина, по которой я еще жив. Он пошел мне навстречу, сдержал свое слово, отстал от меня, разрешил отсутствовать по три дня без причины, если я смогу потом наверстывать пройденное. Повел себя как человек. И я просто не могу себя убить, не позвонив, — а звонить не хочу. Несколько раз уже было, что я думал: в жопу все, больше не могу и не хочу, сейчас выйду в окно, с десятого этажа будет наверняка. А потом вспоминаю про Савинова — и не выхожу. Когда совсем невыносимо хочется прыгнуть, иду к плотине, спускаюсь в эту стеклянную хрень, смотрю на водовороты и думаю, сколько десятых секунды бы ушло на то,

чтобы скрыться в таком с головой. Там раньше свободный доступ был, а потом все закрыли — наверное, от таких, как я. Очень уж удобное место, прыгаешь, и привет, никаких шансов, что успеют вытащить. Так из-за обещания и держусь, хотя что может быть глупее. Ну и боюсь боли еще, конечно, я же трус и мудака. Загадываю на Новый год желание каждый раз: сдохнуть в наступающем году по не зависящим от меня причинам. Звучит максимально тупо, но так и есть. Друзей с таким настроением, понятно, найти невозможно, да и хрен с ними. И девушку тоже. Что-то странное в смысле женщин со мной случалось потом несколько раз, но все по старому сценарию: ты, наверное, стесняешься; не волнуйся, тебе понравится; я тебя всему научу. А спросить забуду — ясное дело, ты хочешь, что тут спрашивать? Какие-то бабы, которые решили, что сейчас обрадуют несчастного девственника. Потом я понял, что это не в них дело. Что это со мной что-то не то, потому что настолько разные люди не могут без причины вот так себя вести.

Он морщится от отвращения и замолкает, словно решая, продолжать или нет.

— Три раза за восемь лет. Это не очень много, но уже достаточно, чтобы сделать выводы. Видимо, я что-то сам для этого делал, не осознавая. Говорят, человека тянет повторять травмирующие обстоятельства — звучит бредево, но, видимо, так и есть. Потом приходил домой, бежал в душ, отмывался, уговаривал себя не вырезать новые дырки на месте старых. Каждый раз обещал себе, что больше не позволю ничего такого, возьму и уйду. Они же не будут меня держать. А если и будут, что я, не справлюсь? А потом проходило время, и оно снова, как-то само, и я опять не могу не то что вырваться и уйти, а даже открыть рот и что-нибудь промяукать. Не слишком веселый выбор — или ничего, или вот это. Завидую людям, у которых комплекс неполноценности. Комплекс — это лучше, чем настоящая неполноценность. Полноценная.

Он усмехается.

— Кстати, о комплексах и прочей психологической херне. Говорят, что нужно идти к психотерапевту. Я однажды написал психотерапевту письмо. Пойти на прием к незнакомому доктору для меня нереально, это же придется рассказывать что-то про себя, а Савинов по понятным причинам тоже отпадает. Решил написать кому-то не из Академии. Приличный такой врач, сотрудник какого-то там центра, с двумя образованиями. Знаешь, что он мне ответил? Что нужно искать во всем положительные стороны. Типа, многие юноши страдают, потому что они девственники, так радуйтесь же, что у вас нет этой проблемы. Вот бы его найти и устроить такие положительные стороны, что патологоанатом плеванет при виде трупа. Потом я решил, что он один такой умный, и стал читать всякое психологическое говно на свою малоприятную тему. Советы, опять же, были гениальные: что нужно объяснить своему партнеру, какие испытываешь трудности, и попросить его тебе помочь. И делать все медленно и печально. Каждый раз, как станет плохо, останавливаться, потом снова начинать, потом снова останавливаться. Потому что нужно, блядь, доверие. Расхотелось — никто тебя не будет заставлять. Я вот даже жалею, что мне так трудно с людьми. Потому что надо бы позвонить авторам этих статей и спросить: вы там что, совсем ебанулись? Где я вам найду, блядь, партнера, если я не умею разговаривать и ненавижу, когда ко мне прикасаются?

Игорь смотрит в потолок, под которым уже летают клубы дыма.

— В общем, теперь я просто знаю, что лучше не будет, — устало говорит он, доставая из пачки последнюю сигарету. — Потихоньку снова начал пить почти каждый день, потому что все это дерьмо из меня полезло с двойной силой. Я лет до двадцати как-то особенно не думал об этом. Ну, было, что ж теперь делать. И даже, наверное, есть свои положительные стороны, как написал мудацкий психолог. А потом, то ли потому что новая жизнь меня расслабила и появилось время вспоминать, то ли я расшевелил эти воспоминания своими дебильными попытками сделать лучше, то ли срыв и психбольница сделали свое дело, оно стало вспоминаться само. Снится по ночам — она снится, и отец, и как я руки себе режу, а ножницы внутрь проваливаются, во что-то такое гадкое и скользкое. Проснусь, и несколько часов потом всего трясет. Наяву тоже часто лезет в голову. Не то чтобы я сел и специально начал вспоминать, а само. Высадить стакан водки вот хорошо помогает, а лучше два. Но только на время. Да и труднее с каждым годом. По утрам все тяжелее, и специальную гадость приходится жрать, чтобы перегаром не несло. Я вообще, если совсем честно, надеюсь дойти до такого состояния, чтобы решиться что-нибудь с собой сделать и

даже звонок Савинову не остановил. Только надо наверняка. Мне уже не четырнадцать и не двадцать, чтобы совершать неудачные попытки.

Он закрывает лицо руками, между пальцев тлеет окурок. Потом убирает руки.

— Больше всего мне жаль, что они все уже умерли. Не с кого спрашивать. Отец девять лет назад сел в тюрьму за пьяную драку, в которой кто-то тяжело пострадал, и там умер от туберкулеза. Она тоже умерла, почти одновременно с ним, не знаю от чего. А я бы их сам убил, своими руками. Иногда кажется, что я тоже умер, как и они, но все не могу успокоиться и зачем-то хожу среди живых. И смотреть на живых не могу, и не смотреть не могу. Как они волнуются, покупая своим девочкам цветочки, искренне волнуются, а потом встречаются этих девочек, дарят им эти цветочки и становятся такими довольными, что хочется выколоть себе глаза, чтобы этого не видеть. Как они чего-то бегают, смеются. А я хочу только умереть, совсем, окончательно. Чтобы все кончилось и ничего не было.

Окурок обжигает ему пальцы, он удивленно смотрит на него, а потом медленно тушит в стакане, в горе других таких же.

— Вот и все. — Он жмет плечами, закрывает глаза и опирается затылком о стену, к которой прислоняется спиной.

Ему не верится, что он все это рассказал как есть, не раздумывая, не выбирая выражений, не представляя последствий. Наверное, сейчас она скажет, что надо было сразу идти в полицию, и будет права. У нее есть полное право сделать свой вывод об этой истории. Например, что он неподходящая компания для девочки из приличной семьи.

— Какой ад, — тихо говорит она. — Господи, какой кошмар. Нет, даже не кошмар — пиздец. Это не назвать другим словом.

Он открывает глаза, но все еще не решается на нее посмотреть. Яна думает, что нужно сказать что-то еще, но ничего не приходит в голову. Она первый человек, которому он начал доверять настолько, чтобы все рассказать, и она просто обязана найти нужные слова. Но слова не находятся. Он становится все меньше и несчастнее с каждой секундой, и вдруг она понимает. Он ведь наверняка только и делает, что ругает себя за все. И то, что ясно как день для нее, возможно, вообще никогда не приходило ему в голову: что он ни в чем не виноват, что нужно было чудовищное количество сил, чтобы просто выжить после случившегося, что его жизнь и тогда, и сейчас представляет собой ежедневное нечеловеческое усилие над собой.

— Ты такой молодец, — произносит она, изо всех сил надеясь, что поняла правильно. — Мне кажется, меня на твоём месте уже не было бы в живых. Нужно столько сил, чтобы держаться после этого ужаса. Жить, что-то делать, ходить на занятия. Ты герой уже просто потому, что тут сидишь, живой и в здравом рассудке. Я бы так не смогла. И вообще мало кто смог бы.

— Не говори так, Яна. Это неправда, — не своим голосом просит он и чувствует, как внутри открывается какой-то последний ржавый замок, к горлу подступает новая судорога, а глаза становятся мокрыми. — Зачем ты так говоришь?

— Я так говорю, потому что так и есть. Ты молодец, — тихо, но горячо повторяет она и обнимает его за плечи. — Ты ни в чем не виноват и сделал все что мог. Ты очень хороший и очень сильный.

Он закрывает лицо трясущейся рукой и впервые за много-много лет плачет не горькой водой, которая просто бежит по лицу по своим делам, а настоящими слезами, от которых становится легче.

— Ты несколько раз сказал, что считаешь себя хуже остальных людей. А по-моему, ты намного лучше. Ты единственный человек за всю мою жизнь, которому наплевать, кто мой отец. Ты рискнул учебой в Академии, чтобы помочь мне исправить ошибку на глазах у Левицкого. Ты не сказал службе безопасности, что я нужна им в качестве свидетеля, пока я не пришла сама, — потому что не хотел мне неприятностей настолько, что готов был отправиться в тюрьму из-за какого-то кретина. И все это ты сделал после того, как всю жизнь видел от людей вот такое. А

теперь говоришь мне, что какие-то «нормальные люди» лучше тебя только потому, что могут найти себе пару, сесть на диван и смеяться над тупым шоу. Ты удивительно сильный, и вообще ты лучший человек, какого я только встречала. А я встречала очень много людей.

Она снова гладит его по голове и вдруг вспоминает, как в тот вечер, когда они вышли вдвоем от службы безопасности, едва сдержалась, чтобы не повезти его к себе. Кажется, ее остановила какая-то полная ерунда, что-то вроде Никитиной зубной щетки в ванной. Спасибо этой зубной щетке, что она там была. Ладони становятся ледяными. Яна представляет, как привозит его к себе домой, как целует, как он отвечает ей, очень скованно, но она списывает это на его неуверенность в себе. Смогла бы она остановиться? Сумела бы понять, что что-то не так, что это не просто растерянность неопытного неловкого мальчика? А если бы не смогла и пополнила список других таких же умных, уверенных в том, что он просто стесняется? С другими он мог потом никогда не видеться. А с ней? Как он смотрел бы ей в глаза на занятиях?

Никак. Он бы молча встал, оделся, ушел, и она бы больше никогда не встретила его живым. Яна вдруг ясно увидела свою притихшую группу, увидела, как к ней подходит бледная Катя — ты не знаешь, из-за чего это он? вы же общались? — как ей тоже хочется что-нибудь с собой сделать, потому что жить с мыслью, что мужчина, с которым ты занялась сексом, в тот же вечер покончил с собой, невыносимо. И чуть не заплакала вместе с ним.

Игорь открыл глаза, сквозь еще не до конца отступивший сон понял, что что-то не так, и резко сел в постели. Дверь в его комнату была открыта. Вчера перед сном они договорились, что он не будет ее закрывать, чтобы она разбудила его, если ему снова начнут сниться кошмары. В голове было пусто, как будто все ее содержимое высосали гигантским пылесосом. В ней не находилось ни одной мысли или чувства, и даже ужас от воспоминаний о вчерашнем казался каким-то далеким и игрушечным. Сил, впрочем, тоже не было. Он подумал, что скоро придется вставать и идти в ванную, и эта идея показалась менее выполнимой, чем полет на Марс в составе международной экспедиции.

За дверью раздались тихие шаги.

— Можно войти? — из-за угла спросила Яна.

— Да, — нетвердо сказал он и вдруг обрадовался и испугался одновременно. Она не ушла домой, она все еще здесь, но сейчас ему придется на нее посмотреть. В подтверждение его мысли она появилась в поле зрения и встала на пороге, прислонившись к дверному косяку.

— Доброе утро, — сказала она и улыбнулась. — Как спалось?

Он кашлянул, чтобы проверить, сможет ли его горло после сна, слез и десятка сигарет издать хоть какой-нибудь внятный звук. Кашель получился глухим, как удар головой в деревянную дверь.

— Доброе утро, — все еще неуверенно сказал он, не поднимая на нее глаз. — Хорошо.

— Будешь чай или кофе? Или, может, хочешь есть? — Прежде чем он сообразил, что ответить, Яна спохватилась и быстро добавила: — Я у тебя на кухне устроила самодеятельность, ты не против? Спросить разрешения не могла, потому что ты крепко спал.

— Да ты что, — не веря своим ушам, ответил он и наконец посмотрел на нее. На ее лице не было никаких следов прошедшей ночи. — Конечно нет.

Он вдруг понял, что одет в футболку без рукавов и воротника, а она ведет себя так, как будто не видит ничего удивительного. Она смотрела ему в лицо, а не на шею и не на руки, смотрела ему в лицо и улыбалась.

Глава шестая

Дубна, Центральная Российская республика, февраль 13, 2078

— Игорь, — серьезно сказала Яна, едва перешагнув через порог его квартиры, и он сразу понял, что что-то случилось. — Я сделала одну вещь — и даже не знаю, как ты к этому отнесешься. Но рассказать надо.

— Может, ты зайдешь, сядешь и потом расскажешь? Или нужно начать говорить прямо в дверях?

Яна торопливо прошла в кухню, села.

— Мне кажется, ты меня убьешь, когда узнаешь.

— Переходи, пожалуйста, к сути дела, иначе я сейчас выпью всю водку, которая лежит у меня в холодильнике. И после этого стану плохим собеседником.

Она вздохнула. Видно, тема действительно непростая, никогда еще на его глазах она не собиралась с силами так решительно.

— Ты упоминал девочку по имени Оля, с которой познакомился в детском доме.

Игорь кивнул, встал, молча пошел к холодильнику. Может быть, не всю, но часть водки придется выпить совершенно точно.

— Не самая приятная тема для разговора. Особенно учитывая, при каких обстоятельствах я «упоминал», как ты дипломатично выразилась.

— Я понимаю, что нельзя было так делать, что я тысячу раз не права и сейчас ты перестанешь со мной разговаривать навсегда и правильно сделаешь.

— Яна, можно пропустить предисловие? Я прошу.

Она сбилась — видимо, предисловие планировалось длинное, — потом собралась.

— Меня очень задела ее история, и я решила осторожно узнать, что с ней сейчас. Заплатила человеку, которого мне порекомендовали, и он выяснил.

— Подожди минуту, хорошо?

Он едва уговорил себя не делать глоток прямо из бутылки, а налить в стакан, потом сел напротив Яны и одним махом выпил половину. Она молча ждала. Игорь прислушался к своим ощущениям, понял, что водка провалилась достаточно глубоко и понемножку начала действовать, и кивнул.

— Извини. Продолжай.

— Есть и хорошие, и плохие новости.

— Давай с хороших.

— С ней все в относительном порядке. Живет в Екатеринбурге, работает в больнице ассистентом хирурга, учится на врача параллельно с работой. Вышла замуж, причем, как мне показалось, за очень хорошего парня. У них есть сын, которому скоро исполнится три года.

Игорь откинулся на стуле и закрыл глаза.

— Дальше начинается плохое.

Он открыл глаза.

— У сына с рождения проблемы с сердцем, очень серьезные, было вообще непонятно, выживет он или нет. Ему сделали несколько операций, Оля с мужем его очень любят, они делали все, чтобы его спасти. Это продолжалось почти два года. Сейчас его жизни ничего не угрожает, но они переехали к родителям Олиного мужа, потому что продали квартиру, чтобы оплатить операции, и еще должны банку сумму, которую с их зарплатами будут выплачивать лет двадцать.

— Я бы отдал ей все, что у меня есть, не задумываясь, но она плюнет мне в лицо при встрече и ничего не возьмет.

— Я думала об этом. Мне кажется, у нас с тобой на счетах валяется достаточное количество денег, чтобы Оля отдала этот несчастный кредит и взяла другой, на квартиру. И еще останется.

— Да даже если у меня, например, не останется, мне плевать. Твои деньги здесь вообще ни при чем, а свои я готов отдать все. Вопрос в другом — как сделать так, чтобы она их взяла? Она не должна знать, что я имею к этому какое-то отношение, даже вспоминать о моем существовании не должна. Она заслужила право о нем не вспоминать.

— Надо сделать так, чтобы она не узнала. Сделать поддельное завещание от какого-нибудь дяди, с которым она потеряла связь после смерти родителей. Придумать историю, уговорить нотариуса. Я вообще против того, чтобы нарушать законы, но мне кажется, что этот случай того стоит.

— А ты думаешь, что мы сможем уговорить?

— Я думаю, что если ты не выбросишь меня в окно за то, что я за твоей спиной стала что-то выяснять о человеке из твоей прошлой жизни, то сможем.

— По-моему, в твоих словах содержится веское объяснение, почему этого делать не стоит, даже если очень захочется. — Он смеется.

И через две недели Оля получила загадочное наследство от незнакомого троюродного брата покойного отца, жившего в Штатах.

Санта-Круз, США, февраль 25, 2078

В то утро Тревор сказал отражению в зеркале, что не справляется сам.

Вроде бы он не сделал ничего особенного — никого не убивал, не сажал в тюрьму, не доводил до самоубийства, а все это было вполне будничными обязанностями некоторых из его коллег по службе безопасности. И все же эта история добила его окончательно. И все вроде и кончилось неплохо: на всей Аляске погибло четверо вместо тех сотен и тысяч, которые могли бы погибнуть, не согласись он выполнять специальное задание от Бланш. И Джаспер Кэмерон выжил и даже иногда шутит у себя в дневнике, хоть по тону и понятно, что ему плохо и тяжело. А он не мог прийти в себя. Да и неясно было, существовал ли тот он, который садился на самолет, чтобы с двумя пересадками вокруг всего мира лететь в Аляску под тремя разными паспортами. Больше всего его мучил звук. Звук ударов о тело, больше похожее на плотно набитый мешок. Он никогда раньше не думал, что между ударом по человеку в сознании, пусть даже не сопротивляющемуся, и ударом по человеку без сознания такая чудовищная разница. Он видел трупы и несколько раз даже осматривал их, но это было совсем другое — трупы он трогал максимально осторожно, чтобы не повредить и не смазать картину. К тому же это были трупы. Они походили скорее на предметы, чем на людей. А полностью обмякший человек без сознания, которого тебе нужно несколько раз стукнуть что есть силы, а потом поднять на руки и бросить на землю, был чем-то совсем особенным. Как будто сознание что-то меняет в человеке. Как будто у человека действительно есть душа и, когда она покидает его, временно или навсегда, он неуловимо меняется. Как будто это уже не совсем человек — и от этого и страшно, и как-то не по себе, и еще и очень стыдно, если это сделал ты сам, и не ради того, чтобы делать ему нужную операцию, а чтобы ломать ему ребра в лесу.

Да, это того стоило. Да, это было наилучшим выходом из положения. Да, он помог спасти и Джаспера, и тысячи других людей. Но почему-то совершенно невыносимо было существовать.

Наверное, придется пойти к Бланш и спросить у нее, что ему делать, хотя еще недавно сама мысль об этом казалась ему чудовищной. Психотерапевту он не может рассказать, почему ему плохо — это очень секретное задание даже для очень секретной работы, которую он выполнял каждый день. Если бы он мог попросить прощения у Кэмерона, возможно, он так и поступил бы — но он не мог. Никто не должен был узнать об этом. Никогда.

Дубна, Центральная Российская республика, март 9, 2078

В тот вечер она как-то незаметно для себя сумела уговорить его пойти на грандиозное сборище в честь дня рождения Академии, с оркестром, вечерними нарядами, светскими беседами и дорогим шампанским. Игорь никогда не ходил на подобные мероприятия, и Яна очень удивилась, услышав, что он согласен пойти в этот раз. Там можно было получить интересное предложение, если твои работы заинтересовали кого-нибудь из знаменитых гостей, но ему было на это наплевать. Сразу после этого выяснилось, что у него нет подходящей к случаю одежды, и она так же незаметно для самой себя подбила его на посещение магазина, в котором ее можно купить.

— Не знаю, как ты это делаешь. — Он задумчиво покачал головой, а потом повернулся к ней. — Только прямо сейчас, хорошо?

— Ты пойдешь мерить костюм? — Яна не поверила своим ушам.

— Похоже на то. — Игорь улыбнулся. — Хоть и сам не знаю, зачем.

— Тогда пойдем быстрее! — Она вскочила с дивана так неистово, как будто это был не диван, а батут. — Пока ты не передумал.

Они пешком дошли до единственного торгового центра, где Яна, ненавидевшая магазины — вернее, не сами магазины, а необходимость делать выбор в пользу одних вещей, отвергая другие, — была за все время взрослой жизни в России. Она пару раз приходила туда с Катей, сначала чтобы помочь ей выбрать платье для знакомства с родителями ее парня, а в другой раз — когда на улице внезапно случился тридцатиградусный мороз, чтобы купить зимние сапоги. Мороз, кстати, на следующий же день превратился в пятнадцатиградусный, а потом и вовсе сменился оттепелью, и сапоги вышли из списка самых необходимых вещей столь же стремительно, как вошли. Торговый центр «Холм». Название не обманывает — он стоит в центре большой площади и снаружи представляет собой огромный заросший зеленью холм, на крыше которого летом валяются на траве.

Когда они зашли внутрь и оказались на зеркальном черном полу, в котором отражалось море маленьких лампочек с потолка, Игорь остановился.

— Куда именно здесь идти?

— Я как раз хотела об этом поговорить, — серьезно сказала Яна. — На четвертом этаже есть отличный отдел мужской одежды, где наверняка есть то, что нужно. И главное, там в это время почти наверняка никого нет.

— Отлично. — Игорь вопросительно посмотрел на нее.

— Дело в том, — она замялась, пытаясь сообразить, как сформулировать, не обидев его, — что есть один нюанс.

— Он безумно и нездорово дорогой?

— Да. — Яна с облегчением выдохнула и улыбнулась. — Именно. Безумно и нездорово.

— Ну и отлично. — Он тоже улыбнулся. — Мне все равно некуда тратить деньги.

В безумно и нездорово дорогом отделе, как и предсказывала Яна, не было никого, кроме прекрасной девушки-продавца, похожей на всемирно известную модель Лиз Эванс, только пониже

ростом. Девушка явно обрадовалась их появлению и еще больше обрадовалась, услышав от Яны подробное описание костюма, за которым они пришли.

— У нас есть именно то, что вам нужно! — Она по очереди одарила их сияющей улыбкой и решительно двинулась в чашу нарядных манекенов.

Яна пошла за ней, оглядываясь на Игоря. Ему было явно не по себе, но это бы вряд ли заметил посторонний человек — его выдавали только слишком плотно сжатые губы. Уменьшенная Лиз остановилась у чернокожего манекена — если так можно сказать про манекен, у которого нет кожи, — почему-то с голубыми глазами, и Яна сразу поняла, что это действительно то, ради чего они сюда пришли.

— Прекрасно. — Она широко улыбнулась и повернулась к Игорю. — Нравится?

Он быстро кивнул, как ей показалось, только для того, чтобы избежать дополнительных вопросов. Лиз, которая на самом деле оказалась Мариной — Яна прочитала имя у нее на бейджике, — с улыбкой проскользнула между еще одним чернокожим обладателем голубых глаз в вызывающе-белом и блондином в классическом смокинге и скрылась из вида.

— Яна, — тихо сказал Игорь, проводив ее глазами, — ты уверена? Это же ужасно. Ну, то есть не это, а то, как оно будет выглядеть на мне.

— Мне кажется, будет хорошо. — Она еще раз внимательно посмотрела на костюм. — Правда.

— Посмотри на этого мужика, а потом на меня. — Он кивнул на манекен.

— Это не мужик, а кукла. — Яна улыбнулась. — Я бы даже сказала, торговое оборудование. А ты живой человек.

— Я не всегда в этом уверен. — Он хотел добавить что-то еще, но осекся, потому что улыбающаяся Лиз-Марина снова появилась в поле зрения.

— Вот. — У нее в руках была вешалка. — Проводить вас в примерочную?

Игорь растерянно посмотрел на Яну, словно ожидая, что она ответит что-нибудь за него, кивнул и пошел за девушкой с видом осужденного, идущего на казнь. Через несколько шагов он оглянулся, проверяя, идет ли Яна с ними. Она шла.

Примерочная оказалась комнатой размером с гостиную средней квартиры, в ней был даже диван. Всю противоположную двери стену занимало зеркало.

— Одевайся, а я пока схожу за галстуком. — Яна ободряюще улыбнулась и выскользнула за дверь.

Игорь остался один напротив своего отражения в полный рост. С каждой минутой он все сильнее жалел, что согласился сюда пойти. Он отвернулся от зеркала, повесил пальто на вешалку, снял ботинки, расстегнул ремень, стащил джинсы, свитер, бросил их на пол и зачем-то повернулся к своему отражению. Яна ведь не силой его сюда притащила. Может быть, это только кажется, что он зря согласился, а на самом деле ему хочется влезть в вещи, которые выбрала для него всегда безупречно одетая девушка, и смотреть на себя, стоя в этой до идиотизма шикарной комнате.

Костюм и правда оказался великолепным. Игорь перешагнул через брошенную одежду и сделал несколько шагов к зеркалу. Он терпеть не мог свое отражение, никогда без необходимости не задерживал на нем взгляд и почти забыл, как оно выглядит. Из зеркала на него смотрел человек неопределенного возраста, какой-то высохший и обескровленный, как будто его отжали, как вещь после стирки. Брови, одна из которых, левая, почему-то выше другой, разделяла заметная вертикальная складка, под глазами лежали темные круги, а на висках и за ушами, где волосы совсем короткие, отчетливо просматривалась первая седина — отдельные снежно-белые волоски в общей тускло-серой массе. Игорь опустил глаза на носки ботинок. Ни искренняя забота прекрасной девушки, ни волшебный костюм не помогали. Он навсегда останется нескладным, похожим на тихую серую тень подростком, который постареет, так и не сумев вырасти. Жизнь будет по капле утекать из этого проклятого тела, пока не превратит его сначала в больного

сморщенного старика, ненавидящего всех вокруг, потом в скелет, потом в окаменелость, а потом в пыль, легкую и бессмысленную.

Игорь посмотрел в глаза отражению и нехорошо усмехнулся половиной рта; его и без того резкое лицо стало похожим на злую карикатуру. Он давно и хорошо знал, что выглядит как черт знает что, но сейчас, стоя в идеально сшитом костюме в примерочной дорогого магазина, знать это стало невыносимо обидно. Ему вдруг захотелось удариться лбом о зеркало, разбить его, изрезаться в кровь; сделать еще хуже, раз лучше сделать все равно нельзя. Он глубоко вдохнул, пытаясь взять себя в руки, но ничего не выходило. Внезапно проснувшееся самолюбие, укус которого заставил его сюда прийти, хрипело и дергалось, как нажравшаяся яда крыса.

Яна постучала в дверь, он хотел крикнуть, чтобы входила, но горло не послушалось, тогда он подошел к двери и открыл. Она вошла, улыбнулась и хотела что-то спросить, но посмотрела на него и не стала.

— В общем, как я и думал, — зачем-то сказал Игорь, переступая через валяющуюся на полу одежду.

— Что-то не так? — спросила Яна из-за спины.

Он хотел ответить, что да, не так: он в очередной раз убедился, что все бесполезно — как любила говорить его мать, «мертвому припарки», — и пора озаботиться покупкой костюма для лежания в гробу, а не для походов на светские приемы, но вместо этого замотал головой.

— Знаешь что? — задумчиво проговорила она. — Очень хорошо, но это не твой размер.

— Не мой размер? — От удивления он повернулся к ней. — Почему?

— Потому что ты выбираешь его, чтобы казаться больше. — Она подошла ближе и посмотрела ему в глаза. — Может быть, не специально, но тем не менее. И потому что он довольно часто встречается, а настоящий твой размер не так просто найти.

Он смотрел на нее, не веря своим ушам.

— Попробуешь на размер меньше?

Игорь покачал головой.

— Извини, но ты, по-моему, сошла с ума.

Яна подошла еще ближе.

— Если попробуешь, увидишь, что нет. Будет видно, — она запнулась, пытаясь подобрать слова помягче, — что ты очень тонкий для своего роста, но ведь это даже красиво, если правильно подать.

— Мне кажется, есть вещи, которые нельзя подать правильно.

Он подошел к дивану у стены и тяжело сел. Яна стояла посреди разбросанных вещей, полная сил и желания его нарядить, как маленькая девочка, играющая в куклы. Игорь вдруг подумал, что ему все равно не станет лучше и можно подыграть ей. Пусть хоть кому-нибудь будет хорошо.

— Ладно, — сказал он. — Давай попробуем.

Она кивнула и повернулась, чтобы уйти.

— Если тебе там еще что-нибудь нравится, давай тоже.

У хорошей куклы должно быть много одежды, и он потерпит, чтобы ее порадовать.

Яна вернулась всего с двумя вешалками — на одной такой же костюм, на другой светлый пиджак из какой-то странной ткани, джинсы и что-то еще. Он неожиданно понял, что ему даже интересно посмотреть на ее выбор.

— Начнем с того, зачем пришли, — серьезно заявила она, протянула ему вешалку с костюмом и снова убежала.

Игорь быстро переоделся, поднял с пола свои вещи, аккуратно сложил их. Смотреть в зеркало он не собирался — ничего хорошего там все равно не было. Яна постучала, вошла и остановилась у двери.

— Ну вот, — сказала она и улыбнулась.

— Что? — Он нахмурился и наконец повернулся к зеркалу.

Так действительно было лучше. Он был похож на классический зонт-трость: длинный, тонкий и черный. И на вампира из тупого, но стильного фильма ужасов. И на привидение, которое лунными ночами вылезает из портрета невзрачного человека с узким лицом и ходит по замку, скрипя четырехсотлетними ступенями пустых лестниц. Отражению было так далеко до нормальных человеческих представлений о привлекательности, как северному полюсу до южного, но в нем на самом деле появилась какая-то красота — не красота живого человека из плоти и крови, а красота неодушевленного, но лаконичного предмета. Игорь сделал шаг к зеркалу, потом еще один.

— Надо же, — удивленно сказал он, не поворачиваясь к Яне. — И правда.

Он порассматривал себя еще пару секунд и вдруг заметил — жест был настолько неосознанным, что он засек его, только увидев в отражении, — как расправляет плечи. И почему-то засмеялся.

Яна подошла ближе и протянула ему галстук — необычный, совсем тоненький. Она улыбалась и смотрела на него с каким-то незнакомым ему выражением. Игорь застыл, пытаясь придумать ему название; она постояла немного, держа галстук в вытянутой руке, потом подошла еще ближе, осторожно, будто ткань могла рассыпаться под ее пальцами, подняла воротник его рубашки, опоясала шелковой полоской и медленно завязала узел. У нее сделалось такое сосредоточенное лицо, словно она занималась этим впервые в жизни.

— Я могу сам, — зачем-то сказал он и тут же поразился кристально чистой глупости этих слов.

— Я не потому, что ты не можешь. — Яна ласково, как будто вещи на нем были живыми, поправила получившийся узел и потянулась к воротнику, чтобы вернуть его на место.

Нужно прямо сейчас, пока она не убрала руки, наклониться и поцеловать ее. Именно так поступают герои чертовых книжек и фильмов, и именно так поступили бы сотни и тысячи других мужчин, окажись они на его месте. Но на его месте был он сам, и Яна поправила ему воротник и отступила на шаг, а он остался стоять, пытаясь понять, откуда взялась эта дикая мысль и что вообще теперь делать.

— Что скажешь? — Она внимательно его рассматривала.

Игорь растерянно посмотрел на нее, потом сообразил, о чем она, и повернулся к зеркалу.

— Хорошо. — Он всматривался в отражение, силясь уловить, что думает на самом деле, но ничего не улавливалось. — Спасибо.

— Что-то случилось? — тихо спросила Яна.

Врать было бесполезно, она слишком хорошо его знала.

— Да, — сказал он и потер лоб рукой. — Я идиот. Может, пойдём отсюда?

— Не отстану, пока ты не наденешь вот это. — Яна кивнула в сторону вешалки со странным пиджаком. — Раз уж ты сам предложил нести все, что понравится.

Игорь послушно кивнул, и она вышла, оставив его наедине с кашей в голове и беспорядком снаружи. Пытаясь вычленив в каше что-нибудь хоть отдаленно знакомое, он как-то неожиданно обнаружил себя одетым в неброские, но очень симпатичные вещи: узкие джинсы, кажется, замшевый пиджак, светлую рубашку. Это было еще лучше предыдущего варианта, хоть и совсем не подходило для светского приема. Теперь он не только не выглядел тошнотворно, но и перестал походить на привидение. Перед ним стоял замученный, но вполне обычный человек. Может быть, его уволили с работы, или бросила девушка, или беспокоят проблемы со здоровьем, но он нормальный, совершенно нормальный.

Вернулась Яна.

— Как это у тебя получается? — не поворачиваясь, спросил он.

Она засмеялась.

— Сама удивляюсь. Я обычно ужасно долго сомневаюсь, прежде чем выбрать что-то для себя, а тут как-то само. Будешь носить?

Игорь смешался.

— Я как-то не подумал о том, что это придется носить.

— А зачем еще нужна одежда? — Она снова засмеялась. — Если непривычно, надень сначала дома и походи пару часов. Я всегда так делаю, когда мне в чем-то неудобно.

Они помолчали некоторое время — он смотрел в зеркало, а она на него.

— Ладно, я пойду, — сказала Яна. — Буду ждать тебя в зале.

Игорь переоделся, аккуратно сложил все вещи, которые мерил, и пошел к кассе. Если бы не Яна, он давно провалился бы под землю от нахождения в этом прекрасном месте. Он вдруг подумал, что, может быть, ему было бы даже легче, останься он в своей прежней жизни, которую так ненавидел, среди подъездов с выбитыми стеклами, пожилых алкоголиков неопределенного пола с опухшими лицами, облезлых подвальных кошек и несчастных девиц с колясками неестественно-радостных цветов, похожими на трупные пятна на теле города. То, что он видел вокруг себя сейчас, слишком сильно контрастировало с тем, что было у него внутри. Когда вокруг чистота, порядок и красивые улыбающиеся люди, а внутри все тот же грязный подъезд с выбитыми стеклами, яснее понимаешь, что с тобой что-то не так.

Он оглянулся в поисках Яны; она стояла в паре метров от него и была занята изучением огромной стойки с галстуками всех возможных цветов и форм.

— Что-нибудь выбрали? — спросила улыбающаяся девушка, вынырнув у него из-за спины.

— Выбрал все. — Он попытался улыбнуться в ответ, но вышло не очень уверенно. Яна была единственным человеком за последние десять лет, с которым он мог разговаривать относительно свободно.

— Неудивительно! — Она улыбнулась еще шире. — У вашей девушки прекрасный вкус.

Он дернулся, как от удара. Это было ужасно. И самое ужасное, что это наверняка слышала Яна. Слышала, как ее назвали его девушкой. Он судорожно попытался сообразить, как лучше ответить, но понял, что все равно не сможет ничего сказать: горло как будто слиплось, не пропуская воздух, в глазах немедленно потемнело. Это идиотское и хорошо знакомое состояние почему-то всегда случалось в самый неподходящий момент, именно тогда, когда ответить было нужнее всего.

Девушка как-то скованно улыбнулась, видимо, почувствовав, что что-то не так, и ускользнула к кассе, где принялась упаковывать его новые вещи для службы доставки. Когда у него наконец получилось сделать вдох и собраться с мыслями, отвечать было уже глупо. Игорь достал карточку, расплатился, неубедительно улыбнулся в ответ на приглашение приходить еще и выскочил за дверь, не оборачиваясь на Яну. Она догнала его шагов через десять, у лифта.

— Я сегодня уже спрашивала, — она пыталась поймать его взгляд, — но придется спросить еще раз. Что-то случилось?

— Я хочу выпить, — сказал он после паузы. — Прямо сейчас.

— Поедем наверх и выпьем. — Яна пожала плечами. — Если хочешь.

Игорь на секунду засомневался, потом представил место, куда она его зовет.

— Не думаю, что это хорошая идея.

Он услышал свои слова и вдруг подумал, что у неадекватного поведения должен быть какой-то предел — сообщать, что хочешь выпить, и тут же отказываться от предложения это сделать с такой мордой, как будто это была ее инициатива, слишком даже для него, — и быстро добавил:

— Извини.

— Тогда могу предложить спуститься в супермаркет, купить выпивку там и уединиться с ней в кабинке туалета. — Яна засмеялась, но как-то вымученно; кажется, он сумел достать до печенок даже такого терпеливого человека, как она.

Игорь вдруг тоже засмеялся, неожиданно весело, даже слишком, нездорово весело.

— Нет, это тоже не очень хорошая идея. Общественные туалеты я ненавижу еще больше, чем остальные общественные места.

К лифту подошла красноволосая девица лет восемнадцати на тонких ногах такой длины и тонких же каблучках такой высоты, что было страшно за судьбу всей конструкции. Судя по взгляду, которым девица смерила сначала его, а потом Яну, стало ясно, что она прекрасно слышала разговор про выпивку в туалете, но не поняла, что это шутка. Он едва сдержался, чтобы снова по дурацки не заржать, и неожиданно для себя сказал:

— Давай наверх.

Яна удивленно посмотрела на него, потом улыбнулась.

— Хотя идея с туалетом, конечно, лучше.

Девица сделала звонкий шаг в сторону, а Яна большие глаза: хватит пугать людей! — но не перестала улыбаться.

У входа она попросила его подождать, подошла к официанту, что-то сказала, потом повернулась к нему и махнула рукой. Они прошли через длинный полупустой зал, в самый конец. Яна выбрала столик в уютном уголке; по соседству никого не было.

— Нормальное место? Останемся? — спросила она, и он с готовностью кивнул. — Тогда садись, а я пока схожу к стойке. Что ты будешь?

Игорь растерянно посмотрел на нее, и она засмеялась.

— Ладно, глупый вопрос.

— Подожди, — сказал он, вытащил из кармана карточку и положил на стол. — Держи.

Яна покачала головой.

— Ты же говорил, что твоей картой нельзя платить за алкоголь.

— Технически можно.

Она тяжело вздохнула и села напротив.

— Ты пришел сюда, чтобы выбрать костюм для Академии, купил его, а теперь собираешься из нее вылететь. — Она снова покачала головой. — Я заплачу. Все в порядке.

Ничего, конечно, в порядке не было.

Она вернулась спустя несколько минут, какая-то совсем серьезная.

— А раньше люди сами забирали покупки из магазина, — сказала она после паузы, кажется, только для того, чтобы не молчать. — Представляешь, мы бы сейчас носили все это с собой.

Игорь кивнул, не зная, что ответить.

— Или пришлось бы отнести их в машину и только потом пойти сюда.

Яна задумалась. Появился официант с бокалом шампанского, запотевшим графином с водкой и блюдом со смешными маленькими бутербродами.

— Ты хочешь есть? — спросил он, придвигая к себе стопку. — Может, выберешь что-нибудь посерьезнее? Я бы с удовольствием заплатил за твой ужин. Покупать еду Академия любезно разрешила.

Она улыбнулась, как-то не слишком естественно.

— Не очень хочу, но большое спасибо за предложение.

— А зачем тогда это?

Игорь посмотрел на нее, ожидая ответа, потом все понял и дернул углом рта, пытаясь тоже выдавить из себя улыбку.

— Постеснялась заказать только выпивку?

— Извини.

— За что? Все в порядке. Это вообще-то нормально — стесняться общества алкоголика.

— Игорь.

— Да все в порядке, правда. Я же сам себя стесняюсь, почему другие не могут?

— Я не хотела тебя обидеть.

Игорь вдруг посмотрел на себя со стороны и неприятно удивился. Ему так стыдно за то, что он впервые в жизни, пусть и случайно, пришел с девушкой в ресторан и не смог угостить ее несчастным бокалом шампанского, он чувствует себя таким виноватым за свою неполноценность, что ведет себя как последний урод, зачем-то заставляя и ее испытывать стыд и чувство вины. Как будто если он заразит ее ими, ему самому станет легче. Наверное, нужно собраться с духом и так и сказать: мне очень стыдно, что я ненормальный; я бы хотел прийти сюда с тобой не потому, что мне срочно захотелось выпить, а чтобы хорошо провести время. Я бы хотел сидеть здесь и смеяться, а не портить тебе настроение, но не могу. И мне очень, очень жаль.

— Яна, пожалуйста, перестань оправдываться. Ты вообще уже давно могла бы послать меня к черту, но не посылаешь, — вместо этого проговорил он и устало провел рукой по лицу, ото лба до подбородка. — Спасибо.

Яна махнула рукой, показывая, что не считает свои действия чем-то особенным. У нее был совсем усталый вид.

— Теперь моя очередь спрашивать, что случилось.

— Все нормально. — Она едва заметно улыбнулась. — Просто немного устала.

— Это из-за того, что она так сказала? — Игорь почувствовал, как начинает болеть спина, и тяжело откинулся на спинку стула. Боль усилилась.

— Что? — удивленно переспросила Яна и подняла на него глаза. — Ты о чем?

— Блондинка в магазине. — Игорь внимательно посмотрел на нее. — С которой мы разговаривали. Ты расстроилась из-за нее, да?

— Почему я должна была из-за нее расстроиться? — Она удивилась еще больше. — Очень приятная девушка, по-моему.

— Я и не говорю, что неприятная.

— Тогда почему бы...

— Потому что она подумала, что мы пара, — перебил он, почувствовав, что через секунду уже не сможет произнести это вслух. — Она сказала: «У вашей девушки прекрасный вкус». Я думал, ты слышала.

— Я слышала.

— Я хотел ответить. — Он снова протянул руку к графину. — Просто не сразу смог заговорить, а потом было уже поздно. Я знаю, что не должен был молчать, как будто это так и есть.

— Тебя обидело, что она так подумала? — каким-то тусклым голосом спросила Яна.

— Меня обидело?! — Он наклонился вперед и уставился на нее. — Мне кажется, это тебе должно быть обидно. Это серьезное оскорбление вообще-то — предполагать, что такая девушка может со мной встречаться.

— Игорь, ты чего? — На секунду ему показалось, что Яна сейчас заплачет, но она только нахмурилась. — Что значит «такая девушка»? И почему мне должно быть обидно?

— Ты прекрасно знаешь, что это значит.

— Не знаю. И не хочу знать, если честно. — Она сделала глубокий вдох. — Очень грустно слышать, что ты так к себе относишься.

— Я просто себя не обманываю. — Он несколько раз повторил себе, что нужно немедленно заткнуться, но вместо этого влил в горло очередную стопку. — Мне двадцать восемь лет, я выгляжу на сорок, чувствую себя на девяносто, у меня проблемы с психикой, алкоголизм и социофобия. Я впервые в жизни пришел в ресторан и мечтаю о двух вещах: выжрать водки из стакана и провалиться сквозь землю. Я ненормальный, Яна, понимаешь? Совсем. А ты умная, спокойная, красивая, добрая и совершенно нормальная. Даже странно, что ты вообще существуешь. Вон те чуваки за баром уже сломали мозг, пытаюсь понять, что может такая девушка делать рядом с таким придурком — сияющая, как английская королева Кейт в молодости, только в три раза красивее.

Яна наклонилась вперед и взяла его за руку. Это оказалось неожиданно неприятно, хотя он хорошо переносил ее редкие прикосновения. Игорь помедлил секунду и осторожно вытащил руку из-под ее ладони.

— Я сильно тебе надоел?

— Нет. Вообще нет.

— Если еще не надоел, то уже вряд ли успею. — Он усмехнулся. — Мы же скоро перестанем общаться.

— Почему?

— Ты ведь не будешь так часто приходить, когда мы закончим работу. И на ночь не сможешь оставаться.

Эти сами собой вырвавшиеся слова недвусмысленно сообщили ему, что он каким-то образом успел нажраться до полной потери самоконтроля.

— Ну, если ты не захочешь, не буду, конечно. — Она пожала плечами. — А вообще почему бы и нет?

— Твоему парню понравится, что ты ночуешь у какого-то мудака?

— У меня нет парня.

Яна смотрела на него удивленно и испуганно.

— Черт, я знаю, что сейчас у тебя нет парня. Но ведь когда-нибудь будет.

— Не знаю, — как-то странно проговорила она и потянулась к бокалу. — Может, и нет.

— Неожиданно. — Игорь ядовито засмеялся. — Хорошо, не будет парня, будет девушка.

Она покачала головой.

— Девушки точно не будет. Меня никогда не тянуло в эту сторону.

— Короче. — Он устало налил новую стопку. — У тебя появится парень, он скажет, что недоволен твоими походами в гости к какому-то невразумительному хрену с горы, и будет по-своему прав. Поскольку ты не из тех, кто станет слушаться, как дрессированная собака, ты все равно будешь иногда ко мне заходить. Но не очень часто и ненадолго, потому что у тебя будет сто других дел. Будешь заходить раз в неделю на пару часов, рассказывать что-нибудь, спрашивать, как дела. Я буду врать, что хорошо. Врать буду неубедительно, потому что на мне написано, как они. Постепенно тебя и саму задерет эта бессмысленная благотворительность, и наше общение сведется к обмену поздравлениями в дни рождения. По-моему, это очевидно.

Яна молча слушала, опустив голову; ему снова показалось, что она едва сдерживается, чтобы не заплакать.

— Зато день рождения снова станет для меня праздником. — Он в сотый раз приказал себе немедленно заткнуться, и в сотый раз из этого ничего не вышло. — Как в детстве, когда мама еще была жива.

Яна молчала.

— А через несколько лет ты забудешь написать. Тогда я пойму, что все совсем хорошо, раз психически нездоровые алкоголики тебя больше не занимают.

— Хватит, — сказала она, не поднимая головы. — Пожалуйста, хватит, ладно?

— Не обращай внимания. — Он вдруг засмеялся, представив, как выглядит со стороны. — Я нажрался и несу какую-то сентиментальную хуйню. Извини.

Яна помедлила секунду и несвойственным ей широким жестом вылила в рот остаток шампанского из бокала.

— Тогда считай, что я тоже нажралась. Знаешь, почему меня не обидели слова девушки из магазина?

— Нет. — Он почувствовал, что начинает трезветь, в ее голосе и выражении лица было что-то неуловимо угрожающее.

— Ты, наверное, мне все равно не поверишь. — Она покачала головой, как будто что-то взвешивая про себя. — Но это твое дело. Я скажу, а ты решай сам, верить или нет.

— Может, не надо? — Он услышал свой испуганный голос со стороны и едва сдержался, чтобы снова не засмеяться.

— В общем, — тихо сказала она, не глядя на него, — меня это не просто не обидело, а даже обрадовало.

— Яна, что ты несешь? Ты что, правда напилась?

— Я могла бы быть твоей девушкой. Я знаю, что тебе это не нужно, но, если вдруг когда-нибудь станет нужно, знай, что я буду рада. Я боюсь представить, каким ты себя видишь изнутри, но я вижу, что мне с тобой легко и интересно, я тебе доверяю, как никому не доверяла за всю жизнь, у нас схожие взгляды, а еще я считаю, что ты красивый. И я не хочу, чтобы у меня появился парень и мы перестали общаться. Я хочу, чтобы моим парнем был ты.

Она встала, сняла с вешалки пальто, быстро надела и пошла к выходу. Ему показалось, что он сейчас лопнет от каких-то чудовищных взаимоисключающих чувств и его окровавленные внутренности повиснут на люстрах, как гирлянда, но главным чувством была злость, и он побежал за ней, совершенно не представляя, что сделает, когда догонит. У лифта никого не было, он бросился искать лестницу, нашел, выскочил на улицу и увидел Яну метрах в ста. Игорь остановился, отдышался и вытащил из кармана телефон. Она взяла трубку после первого же гудка.

— Стой там, — с ненавистью сказал он. Она послушно остановилась.

Игорь пошел к ней, постепенно успокаиваясь. Шагов через двадцать он уже начал жалеть, что побежал ее догонять.

— Извини, — начала Яна, когда он подошел ближе; она была уже совсем не такая, как там, наверху. — Я не должна была вот так уходить. Это неправильно.

— Неправильно другое. — Игорь остановился в метре от нее. — Тебе не приходило в голову, что не все подряд можно говорить из жалости?

— Я не из жалости.

— Не надо считать меня большим идиотом, чем я есть. Я очень ценю твое желание убедить меня в том, что со мной все в порядке, но не все способы хороши.

Она молчала и смотрела себе под ноги.

— Я знаю, что ты очень добрая, — продолжал он, окончательно успокоившись. — Но иногда от твоей доброты только хуже, понимаешь?

— Я и не думала, что ты согласишься.

— Только идиоты верят в откровенное вранье.

— Это не вранье.

— Черт, Яна, ты же сама всегда говоришь, что нельзя никого обманывать! — Он снова разозлился и почти сорвался на крик. — Или никого нельзя, а меня можно?

Яна собралась что-то возразить, но неуверенно посмотрела на него и сбилась.

— Хорошо. Ты прав. Прости меня, пожалуйста. И давай сделаем вид, что мы не были сегодня в этом месте.

— Давай.

— Так лучше?

— Да. — Он сказал это и понял, что не знает, лучше или нет, сквозь очевидное облегчение вдруг проступило менее очевидное, но не менее острое разочарование. — Намного.

— Здорово. Пойдем отсюда? Нам все равно по пути.

Он кивнул. Первые десять минут они молчали, потом стали говорить про то, что нужно доделать перед сдачей работы, а потом Яна пришла к своему дому. Он сказал ей «до завтра» и быстро пошел дальше, на ходу схватив полную горсть снега и сжав кулак, чтобы окончательно протрезветь.

Следующую неделю Игорь провел в аду. Он, как обычно, просыпался ранним утром, почти ночью, протягивал руку, чтобы посмотреть на время, переворачивался на живот и утыкался лицом в подушку, собираясь лежать так, пока не придет пора вставать, вдруг вспоминал и резко садился на кровати. Остатки сна исчезали за секунду. А если она сказала правду?

Он вспоминал о том случае, наверное, тысячу раз в день и или подскакивал, как укушенный, или застывал, уставившись в одну точку и совершенно забыв, что делал. Он думал об этом за компьютером, на занятиях, у кассы в магазине, в ванной, раздевшись и уже включив воду, чтобы принять душ, в прихожей, стоя в одной ботинке и держа в руке второй, в кухне, занеся только что вскипевший чайник над кружкой. Он открывал холодильник и уставлялся в него так, как будто одинокий кусок несвежей пиццы знал ответ на мучивший его вопрос. Спускал ноги с кровати, а все остальное забывал и сидел так по полчаса; в супермаркете слышал вопрос кассира с третьего раза, а отвечал с четвертого, когда на него уже начинали смотреть, как на сумасшедшего. Но неприятнее всего было то, что это случалось и в ее присутствии. Иногда он вдруг переставал понимать, о чем она говорит, и уставлялся ей в лицо в надежде найти на нем ответ. Яна не задавала никаких вопросов, не удивлялась, не пыталась вернуть его в реальность, просто отводила взгляд и ждала.

Чаще всего он решал, что она все-таки соврала, страшно злился на нее за это, потом на себя, за то, что сомневался, потом скатывался в беспросветное отчаяние, затхлое, как кладовка в квартире, где он провел детство. Конечно, так и было: она увидела его идиотское выражение лица в примерочной магазина, когда он непонятно с чего вдруг подумал, что нужно ее поцеловать, и устроила этот благотворительный концерт, чтобы потешить его самолюбие. Она, конечно, хотела как лучше, но разве непонятно, что есть вещи, которые никогда нельзя делать из жалости, просто нельзя, и все? Что такое признание — не монетка нищему? Мысль об этом была совершенно невыносимой. Она оскорбляла, унижала, отбирала последние остатки человеческого достоинства. Когда-то давно добрая девушка кормила его и пускала спать в подвал, чтобы он не сдох на улице, и ему было чудовищно стыдно принимать ее помощь, но голод, холод и отчаяние не спрашивали, стыдно ему или нет. А теперь он живет в новом доме, учится в Академии, одевается в хорошую одежду, не знает, на что потратить деньги, а ему снова пытаются дать милостыню. Может, она и дружить с ним стала из жалости, увидев у него на лбу клеймо с надписью «Никому не нужный урод», а он купился, поверил, что ей с ним интересно? За что добрая, красивая и благополучная девочка так его унижает? А впрочем, ясно ведь, за что. Не надо было плакать у нее на плече и ныть про свою несчастную жизнь. И вообще не надо быть таким жалким уродом, как он, — или нечего удивляться, что к тебе относятся соответствующе.

Иногда он, наоборот, убеждался, что она сказала правду, а отказалась от нее потом только из-за того, что он не захотел верить. Тогда он злился и отчаивался еще сильнее. Пару раз он, уже в тихой истерике, думал, что мог бы убить ее своими руками, что до ее дурацкой выходки он как-то жил, ел, спал, ходил на занятия, а теперь не может делать даже этого, только думает и думает, врала она или говорила правду. Еще тысячу раз он приходил к выводу, что нужно убить не ее, а себя — это действие снимет не только мучающий его вопрос, соврала она или нет, но и все остальные вопросы и сомнения, которые когда-нибудь могли бы у него возникнуть. Наверное, ему стало бы легче, будь у него возможность с кем-нибудь поговорить. Он знал, что все нормальные люди обсуждают с кем-нибудь то, что их волнует, и что это вроде бы помогает. Но единственным человеком, с которым он умел разговаривать, была Яна, и темой, на которую ему так нужно поговорить, была она же. Вряд ли у нормальных людей принято приходить друг к другу и говорить что-то вроде «я тут подумал, что ты просто сука, что скажешь?».

Они с горем пополам доделали работу. Яна так ничего и не спросила, а он и не мог ничего спросить. Он мог только думать об этом, все время, с утра до вечера, каждый день. Но, как выяснилось позже, вариант «с утра до вечера» был не самым плохим.

Спустя несколько дней после того, как работа была закончена и все формальные поводы встречаться наконец исчезли, он проснулся среди ночи от странного ощущения, похожего на удар. В голове вертелись остатки какого-то совершенно бредового, но не страшного сна. Он отдышался, почти пришел в себя и обнаружил, что лежит на спине под одеялом, весь в поту, но не ледяном поту от кошмаров, к которому давно привык, а теплом и дурно пахнущем. Было жарко. Он отвернулся к стене, вытащил мокрую руку из-под одеяла и почувствовал, что левый бок, на котором он теперь лежит, сильно и часто вздрагивает от сумасшедших ударов сердца. По мокрой спине пробежал неприятный холодок. Он подумал, что нужно вспомнить, что ему снилось, сказать себе, что это просто дурацкий сон, и попытаться снова заснуть, и вдруг вспомнил. К холодку в области позвоночника добавился такой же в животе.

Ему снилось, что он лежит на полу в какой-то незнакомой квартире, заваленной всяким хламом, а рядом лежит Яна. Она улыбается, пытается пощекотать его, он уворачивается, смеется, она тоже смеется, потом целует его, отрывается, шепчет что-то прямо в ухо — он не помнит, что именно, но ощущение ее дыхания не проходит даже сейчас, наяву, — снова целует, потом гладит его грудь и живот. Когда ее рука оказывается у него в штанах, он просыпается.

Он вспоминает странное ощущение при пробуждении, боясь облечь свою догадку в слова. Сердце бьется с такой невероятной частотой и силой, что от каждого удара вздрагивает вся левая половина тела. Он торопливо встает, почти бежит в ванную, включает воду, с отвращением стаскивает с себя трусы, в которых спал, и обнаруживает, что ему не показалось.

Ему снилась Яна, и он кончил во сне.

С этого дня все, что он старательно не хотел обдумывать, пришло в голову и отказалось отсюда уходить. Оно нашло подходящие слова, обложилось ими и заняло круговую оборону.

Первым открытием было то, что бред, который он нес тогда в ресторане, — на самом деле не пьяный треп, а главный ужас последних месяцев. Они подружились, и он не сомневался, что она за что-то ценит его и хорошо к нему относится, — но что будет теперь, когда работа закончена? Он только сейчас понял, как изводила его эта мысль: что время идет, он привязывается к ней все сильнее, и вот уже скоро придется сказать «спасибо, круто было с тобой работать» и снова остаться со своей жизнью один на один. С жизнью, на которую у него уже нет сил. Конечно, никто не запретил бы им общаться. Конечно, она могла приходить в гости. Сначала часто, потом реже, потом раз в месяц, потом раз в год. Все как он описал в тот вечер. И если какое-то время он мог смотреть на нее хотя бы на занятиях, то от мысли, что рано или поздно они перестанут видеться и там, начинало болеть в груди. Физически болеть. Он изо всех сил старался желать ей, чтобы все у нее сложилось самым лучшим образом, чтобы ее жизнь получилась не с виду, а по-настоящему счастливой, но чем сильнее он старался, тем больнее и тоскливее ему делалось. Она наконец влюбится в какого-нибудь приличного человека, станет жить с ним, выйдет замуж, будет просыпаться по утрам с улыбкой и целовать своего мужа. Ее будущего мужа он ненавидел. Она еще не познакомилась с ним, а он уже думает о нем и уже ненавидит. Трудно сказать, откуда у него именно этот пошлый образ, но отделаться от него невозможно: как она идет к своему будущему мужу в свадебном платье и улыбается, такая красивая и счастливая. Будущий муж тоже улыбается, он любит ее, они красивая пара, а Игорь ненавидит его так, что болят виски и сводит челюсть, и умирает от зависти к нему. Он ненавидит его до судорог, до тошноты и завидует ему ядовитой завистью, черной и бесконечной, как космос.

Второй внезапно обнаруженный обрыв, которого он изо всех сил не замечал, а сейчас сорвался и с ветерком летел вниз, был еще страшнее первого. «Как раньше» ничего уже не будет. Раньше он знал про себя, что всю жизнь будет избегать людей и видеть во сне кошмары и по-другому быть не может. Теперь узнал, что может. Второго такого человека, как Яна, в мире нет, это ясно. А если бы и был, все равно никаких шансов найти его и начать с ним общаться, чудеса не случаются дважды.

Ему зачем-то показали, что бывает иначе, бывает интересно, хорошо, спокойно, что существует человек, с которым легко говорить и легко молчать и даже прикосновения которого делают лучше, а не хуже. Показали, дали рассмотреть, поддержать в руках, привыкнуть, а теперь отберут. Как ни убеждал он себя, что желает ей счастья, даже если это означает беспросветное несчастье для него самого, в глубине души он не хотел расставаться с ней, отчаянно не хотел.

А еще он понял, что Яна действительно нравится ему в том самом примитивном значении, о котором написана тонна книг и тысяча дурацких песен из трех аккордов. Как старательно он не замечал этого раньше — и каким очевидным это становилось, если оглянуться назад. Ему конец, и с этим ничего, совершенно ничего нельзя сделать.

Немного разобравшись в своем новом состоянии, Игорь понял, что уже не сможет разговаривать с ней как раньше. Он внимательно изучил на сайте Академии, что нужно сделать, чтобы перевестись в другую страну, и написал письмо в администрацию. Единственным выходом, кроме самоубийства, на которое у него не хватало решимости, было сбежать подальше, чтобы не видеть и не слышать ее больше никогда. Когда из администрации пришел ответ, в котором говорилось, что они приняли положительное предварительное решение и просят его уточнить, куда именно он хочет попасть, Игорь перечитал его несколько раз, словно не веря своим глазам. До этого письма все было игрушечным, а теперь стало настоящим.

Он понял, что писал им про перевод, совершенно не представляя, что делает: ему всю жизнь было трудно общаться даже на родном языке, не говоря уже об иностранном, он терпеть не мог знакомиться с новыми людьми и оказываться в новых местах. И перспектива никогда больше ее не видеть пугала сильнее смерти. Может, заставить себя поговорить с ней? Взять и вывалить на нее все, что приходило ему в голову за это время, не задумываясь о последствиях? Или собраться с духом и прыгнуть в окно со своего удивительно удобного для этой цели десятого этажа?

Утром того дня, ради которого они пошли тогда выбирать проклятый костюм, Яна позвонила ему — первый раз с тех пор, как они сдали работу. Он не взял трубку. Идти в Академию, разумеется, он тоже не собирался. Смотреть на своих радостных, с розовыми от выпитого шампанского щеками, нарядных одноклассников и преподавателей в одиночестве, держась в стороне от Яны, было бы совсем тяжелым и бессмысленным времяпрепровождением. Ближе к вечеру он понял, что в глубине души надеялся на то, что она позвонит еще раз. Она не звонила. Игорь решил позвонить ей сам, потом решил, что не знает, что сказать, и не может об этом думать, потом встал, подошел к шкафу, снял с вешалки тот самый костюм, быстро надел, не глядя в зеркало, завязал галстук, обулся, накинул пальто и выскочил из квартиры.

Он смотрел, как Яна болтает с профессором Грековым в противоположном конце зала. Наверное, Греков дружит с ее отцом, потому что он не из любителей развлекать привлекательных студенток разговорами. На Яне никаких украшений и простое закрытое темное платье. Нужно было здорово постараться, чтобы выбрать такое платье — достаточно вечернее, чтобы попасть в этот зал и не вызывать удивленного шепота за спиной, и в то же время настолько приличное, что впору выходить замуж за мэра какого-нибудь среднего города и идти в детский дом на новогоднюю елку. Игорь перевел взгляд на Грекова и подумал, что изучает Яну с какой-то дикой смесью сарказма и восхищения. Что за сложносоставная дрянь с ним творится? И главное, зачем он приперся на этот праздник жизни — неужели только затем, чтобы стоять в стороне, смотреть на Яну и мысленно комментировать ее наряд в стиле какой-нибудь идиотской телепрограммы про жизнь знаменитостей? Он решил перевести взгляд с этой парочки на кого-нибудь другого, попал на девочку из младшей группы, встретил ее удовлетворенный взгляд — «ну вот, даже невзрачные девственники-отличники пялятся на мою задницу!» — и испытал острый приступ желания побиться головой об колонну. Интересно, что хуже: быть кретином, который с искренним интересом разглядывает задницу этой девицы, пришибленной тяжестью искусственных ресниц, или кретином вроде него, которому насрать на задницу девицы, нее саму и всю Академию? Хотя что тут думать, конечно же, хуже второе. Он осторожно перевел взгляд дальше, в надежде, что здесь есть кто-нибудь еще, кроме Яны и многочисленных обладательниц выдающихся задниц, и наткнулся на идущую мимо нарядную Катю.

— Привет! — жизнерадостно сказала она и остановилась. — Что стоишь? Скучаешь?

Несколько секунд он в ужасе смотрел на нее, понимая, что отвернуться и сделать вид, что не слышал, не получится, а ответить на это решительно нечего, а потом вдруг вспомнил, как говорил с ней по телефону в тот день, когда Яна вытащила его от службы безопасности.

— Слушай, я... — нерешительно начал он и собрался. — Ну, я просто тут стою. А что, можно стоять с какой-то целью?

— Да, это дурацкий вопрос, — с неожиданной готовностью заключила Катя и протянула ему бокал, который держала в руке. — Хочешь выпить?

— Нет, спасибо. Я не пью шампанское. А ты правда считаешь, что это дурацкий вопрос?

— Ну да! — Она сделала какой-то загадочный знак бровями. — Я часто задаю дурацкие вопросы, привычка такая. Нужно же с чего-то начинать разговор? — Она радостно рассмеялась, как будто все происходящее доставляло ей удовольствие. — Видел Янку?

— Да. То есть нет. — Он тоже засмеялся. — Я хотел сказать, что вон она, болтает с Грековым. Но я с ней сегодня еще не разговаривал.

— Ясно. — Катя внимательно оглядела его с ног до головы. — Классный костюм.

— Яна помогла выбрать, — пробормотал Игорь и почему-то снова разволновался.

— Вкус у нее что надо.

— Да.

Они помолчали, Катя приложила к бокалу, потом снова внимательно на него посмотрела.

— Ты странный, — серьезно сказала она и покачала головой. — Но в этом даже что-то есть.

— Ты тоже странная. — Игорь давно думал, что она странная, и было бы неправильно промолчать об этом сейчас. Он улыбнулся.

— Я — очень, — решительно подтвердила она и громко засмеялась, превратившись в обычную себя. — Приходи как-нибудь в гости вместе с Янкой, хорошо? А сейчас я пойду.

— Я подумаю, — ответил он первое, что пришло в голову, и тут же пожалел об этом. Вежливее было бы сказать «конечно, спасибо», а потом забыть об этом.

— Ты не думай, а приходи.

Она подмигнула ему и убежала в толпу. Непонятный вечер — прежде всего тем, что он вообще на нем оказался, — становился все непонятнее. Вот уже и Катя, от разговоров с которой он всегда убегал со скоростью света, зовет его в гости, сообщая, что в нем «что-то есть». Он снова перевел взгляд на Яну.

Яна в туфлях на каблуках, высоких не настолько, чтобы привлекать усиленное внимание, но достаточно, чтобы небольшой Греков казался совсем маленьким. Интересно, что будет, если убрать с лица осмысленное выражение и подойти к ней прямо сейчас с разговором о погоде. Наверное, она начнет представлять его Грекову. Причем не просто представлять, а как «потрясающе способного коллегу» или еще какой-нибудь ужас в этом духе, и вместо того, чтобы поставить в неловкое положение ее, он окажется в нем сам. Не рой другому яму. Нет, профессор, ну что вы, мне очень приятно, но Яна преувеличивает! Он недобро усмехнулся, представив, как говорит это, одновременно ища путь к отступлению.

Она держала в руках буклет, в котором их совместная работа представлялась в таких красках, что хотелось бежать с ней знакомиться, бросив все дела и забыв, что ты ее автор, и что-то показывала в нем Грекову и подошедшему плотному мужчине, которого он не знал. Он погрузился в свои мысли и забыл о своем правиле не пялиться на нее слишком долго. Яна поймала его взгляд, едва заметно

нахмурилась, в последний раз улыбнулась собеседникам и стала двигаться в его сторону. Вот черт. Чего ему сейчас не хватает для полного счастья, так это ее озабоченного выражения лица, как у врача «скорой помощи», и вопросов «что случилось?» и «могу я чем-нибудь помочь?», на которые нельзя ответить. Если попытаться соврать, она не поверит, потому что он не умеет ей врать, а если сказать правду, она тем более не поверит, и ему захочется провалиться сквозь землю. Или поверит, и тогда провалиться сквозь землю станет не только желанием, но и острой необходимостью. Что он скажет, когда Яна подойдет? Что она нравится ему, кажется, нравится с того самого дня, когда они впервые друг друга увидели? Но он понятия не имеет, что другие люди называют этим словом. И даже если так, ему совершенно нечего ей предложить. Что ему делать, не только сейчас, а завтра, послезавтра и все последующие дни, кроме очевидного варианта «выпрыгнуть в окно», на который не хватает смелости? Как он все-таки себя ненавидит. Если бы из ненависти можно было вырабатывать электричество, он мог бы обеспечивать энергией весь этот проклятый город.

Яна приближалась. По пути ее все время останавливали знакомые, и довольно медленно, но все-таки она двигалась в его сторону. Зачем он вообще сюда притащился? И когда у него отрастет способность применять свои мозги не только к науке, но и ко всему остальному — в сорок лет? В пятьдесят? Никогда? Яна уже людям с мировым именем рассказывает, как он охренительно талантлив, а ему все еще недоступно элементарное умозаключение: не стоит идти туда, где не будешь находить себе места. Нужно попытаться убедительно изобразить, что не заметил ее, и свалить отсюда как можно скорее.

Он быстро спустился в холл, обнаружил в гардеробе очередь из каких-то совсем свежих мальчиков, которые сдавали верхнюю одежду и очень взволнованно обсуждали состав собравшихся, и совсем расстроился. Почему он не может быть одним из этих жизнерадостных розовощеких идиотов? Лучшее, что может случиться в жизни с человеком: попасть в первый раз на такую тусовку, поправить галстук и шептать другу, что здесь сегодня должны быть гости из Совета президента Академии и, может быть, с ними даже удастся поздороваться! А самое обидное не в том, что они жизнерадостные идиоты, которым выпала козырная карта, а в том, что идиот в этой комнате только один, и это он сам.

Мальчики наконец закончили с верхней одеждой и переместились к зеркалу, где стали одергивать пиджаки, в шутку отгалкивая друг друга, а он взял пальто и быстро пошел к двери, одеваясь на ходу.

Игоря было непросто догнать. Он шел очень быстро, а в его шаг и в обычный день помещалось полтора ее шага. Она была уверена, что он заметил ее, но продолжил путь к двери. Яна перешла на бег. На пафосных мраморных ступенях, ведущих от крыльца к проезжей части, он оглянулся.

— Привет, — сказала она, спускаясь. Игорь остановился и снизу вверх посмотрел на нее. — Почему ты так рано уходишь? Что-то случилось?

— Привет. Нет, ничего. — Он пожал плечами и отвернулся. Яна спустилась еще на ступеньку и наконец поравнялась с ним. — Просто я не очень люблю, когда много людей и все общаются друг с другом на светские темы, ты же знаешь.

Теперь они медленно спускались рядом.

— Знаю. Я думала, что ты вовсе не придешь, если честно.

— Это было бы очень разумно с моей стороны. Как у тебя дела?

— Как обычно. Улыбаюсь знакомым Ярославом Греков, кстати, спрашивал про тебя.

— О! Как хорошо, что я уже ухожу.

Они дошли до конца лестницы и остановились — Яна на последней ступеньке, Игорь уже на асфальте.

— Прекрасно выглядишь, — сказала она.

— И ты.

— Кажется, ты говорил с Катей? — Она ободряюще улыбнулась. — Нетипичное для вас обоих поведение.

— Это точно. И разговор был тоже не очень типичным: она сообщила мне, что я странный, а я ей — что она. — Он тоже улыбнулся. — После этого она позвала меня в гости и ушла.

— У Кати очень своеобразная манера общения. — Яна улыбнулась еще шире. — Я сначала ужасно ее испугалась, а потом, когда узнала получше, поняла, что она замечательная.

Игорь неопределенно кивнул, как будто уже думал о чем-то совсем далеком от Кати.

— Может, ты или пойдешь внутрь, или сходишь за одеждой? — спросил он, не глядя на нее. — Это не намек на то, что меня утомила наша светская, как и все здесь сегодня, беседа, просто ты стоишь на холоде в одном платье.

Яна перестала улыбаться и посмотрела на ступеньку, на которой стояла. Ступенька была влажной, потому что с нее несколько минут назад убрали снег.

— Да, нежарко. Я пойду. — Она сделала движение в сторону, замешкалась, а потом снова повернулась к Игорю. — Слушай, я только хотела спросить.

— Слушаю.

— Чем ты сейчас занимаешься?

— В смысле?

— Ну, вообще. Мы сдали работу, с ней все отлично. У меня освободилась гора времени. Я часто сижу в библиотеке и в лаборатории даже в свободное время, потому что мне просто нечего больше делать. А тебя даже на обязательных занятиях видно не всегда. — Она сделала паузу. — И со мной ты в последний раз разговаривал в день сдачи.

Игорь молча смотрел вдоль улицы. По ней время от времени проезжали машины — к заезду на стоянку, с которой все важные гости проходили в основной зал. Апрельские сумерки уже начали спускаться, и улицу затянуло сине-сиреневой дымкой.

— Может, это глупо, но я волнуюсь, — очень неуверенно и в то же время очень решительно сказала она.

— Не волнуйся. Я часто пропадаю с занятий, ты же знаешь.

Яна проводила взглядом очередную машину.

— Знаю. Но в последние полгода ты обычно разговаривал со мной, когда пропадал с занятий, и вообще. — Она замялась и зачем-то посмотрела на свои туфли. — Я несколько не против, просто хочу понять, что все в порядке. И немедленно отстать от тебя. Но, пока не пойму, не отстану. Извини.

Игорь засунул руки в карманы пальто.

— Не только не отстанешь, но и будешь стоять в платье на улице, с которой убирают снег, пока не простудишься, да?

Она уже жалела, что побежала за ним. Надо было сделать вид, что вообще не видела его сегодня.

— Мне не очень приятно стоять здесь в платье, честное слово. Но, раз тебе тоже не нравится, что я здесь стою, ты мог бы положить этому конец.

— Каким образом?

— Волшебными словами «у меня все в порядке, просто я не хочу больше с тобой общаться». Минута усилий сейчас и годы покоя потом. Никаких людей в платьях, бегающих за тобой по улице. Ну, или другие люди.

— Я не собираюсь говорить ничего подобного и могу стоять тут хоть до завтрашнего утра. Я одет, в отличие от людей в платьях. — Он еще глубже спрятал руки в карманы.

Повисла тяжелая пауза. Они никогда еще не разговаривали в таком напряженном тоне, даже в утро знакомства.

— Ты не мог бы сделать мне одолжение и все-таки ответить на вопрос?

— Смотря на какой. Есть вопросы, на которые нельзя ответить, и не потому, что мне жалко.

Она сделала быстрый шаг к нему и взялась за его руку в том месте, где та исчезала в кармане.

— Игорь, с тобой все в порядке? Я не знаю, что может быть проще, чем ответить на этот вопрос. У тебя все в порядке? Или нет?

— Ты не могла бы убрать руку? — Он все еще смотрел на улицу, и ей не было видно его лица. Яна не двигалась. — Я не люблю, когда меня трогают, ты же знаешь.

— Конечно. — Она нехотя отпустила его. — А ты, надеюсь, можешь ответить на вопрос. Позволю себе повторить его еще раз. С тобой все в порядке?

Игорь несколько секунд смотрел на улицу, не двигаясь, а потом повернулся к ней. Он стоял на тротуаре, а она на первой ступени лестницы, и их глаза оказались напротив. Яна застыла с приоткрытым ртом, потому что не ожидала, что он повернется, и собиралась что-то сказать, но не смогла. Он впился в ее лицо взглядом сумасшедшего, который остатками разума понимает, что болен, и покачал головой.

— Нет, — сказал он, не отводя глаз. — Ничего не в порядке.

Яна потрясенно смотрела на совершенно незнакомого человека, стоявшего перед ней.

Снова пошел снег. Снежинка упала Игорю на плечо, на черном фоне ее было очень хорошо видно, следующая — на волосы.

— Ничего не в порядке, — повторил он, взял ее за плечи, притянул к себе и быстро прижался холодными сухими губами к ее губам.

На какое-то мгновение мир замер, потом она смогла перевести дыхание, скрестить влажные от волнения и тающего снега ладони на его спине и наклонить голову. На считанные секунды поцелуй стал настоящим, а потом Игорь схватил ее за локти и сделал шаг назад. Яна никогда не видела его таким потерянным и несчастным — даже в ту ночь, когда он плакал, сидя на подоконнике, а она гладила его по голове.

— Прости. Пожалуйста, прости меня, хорошо? — сказал он, глядя себе под ноги, и прежде, чем Яна успела открыть рот, чтобы ответить, повернулся и быстро пошел в сгущающиеся сумерки. Она смотрела ему вслед, не двигаясь, пока он не скрылся за углом в конце улицы. Шел снег, но пахло наступающей весной и еще чем-то особенным, чему нет названия ни в одном человеческом языке, как бывает раз в году, вечером, в пасмурный день в самом начале апреля.

Яна вернулась в зал, взяла с подноса у официанта бокал с шампанским, отвернулась к стенке и выпила его залпом. Надо приходить в себя. Надо поверить в то, что это было на самом деле, и приходить в себя. Здесь, в конце концов, люди.

На ее талию легла чья-то рука. Яна вздрогнула и обернулась. Сзади стояла радостная Вероника из администрации, в вечернем платье с декольте, в котором не было видно разве что цвета ее трусов, с двумя бокалами в одной руке. Второй рукой она обнимала Яну.

— Это тебе, моя дорогая, а то ты разволновалась. — Она заговорщически подмигнула Яне и протянула бокал. — Я все знаю. Все-все! Я только что выходила на балкон, чтобы поговорить по телефону с мужчиной — ну ты понимаешь, не буду же я говорить с ним здесь, чтобы все слышали, как я воркую со своим голубком, — и видела, как вы целовались. Так романтично!

На последней части фразы она перешла на шепот и снова подмигнула.

— Вы ведь вместе работали, правда? Ах, молодость! Всегда так: стоит какому-нибудь старичку, помешавшемуся на своей скучной научной работе, поставить в пару молодых и красивых, как начинается любовь. И это просто восхитительно!

Яну затошнило. Она прислонилась к стене и взяла бокал.

— Ника, а нам обязательно об этом говорить? — обреченно спросила она, заранее зная ответ. С Вероникой она была знакома с детства.

— Ну конечно! — Вероника широко улыбнулась и вернула руку на ее талию. — У вас все хорошо, я надеюсь? Он как-то слишком быстро убежал, вы не повздорили?

— У нас ничего нет. — Ника была человеком, которому проще ответить, чем отбиться от вопросов.

— А то, чего нет, не может быть хорошо или плохо.

— Но вы целовались!

— Совершенно случайно, первый раз и, как я понимаю, последний.

— Знаешь, что я тебе скажу? Пей шампанское, а то вся дрожишь!

Руководящий тон Вероники не оставлял никакого выбора. Яна вздохнула.

— То есть я хотела сказать не это, конечно же. — Ника сделала хороший глоток из своего бокала, решив, видимо, что лучше вдохновлять примером. — Хотя ты все-таки пей. А то, что нельзя поцеловаться случайно! Это невозможно. А еще — что ты первая женщина, которая на моей памяти добилась от него хотя бы поцелуя, понимаешь, о чем я?

— Я ничего не добивалась.

— Ну конечно, конечно. Но ты все равно первая, моя дорогая! Твой Игорь такой красивый мальчик. Но такой странный! Пусть и не сразу, но все у вас еще будет, обещаю тебе. Можешь мне поверить, я разбираюсь в таких вещах! Опыт, как говорится, не пропьешь! — Вероника снова засмеялась и выпила, словно иллюстрируя тезис об опыте.

— На его месте вы бы тоже были странной. — Яна выпалила эту фразу и через секунду пожалела, что не прикусила себе язык, потому что Вероника еще больше оживилась и снова наклонилась к ней.

— Кстати, девочка моя, что ты о нем знаешь? Он такой скрытный. Скажу тебе по секрету, — она перешла на заговорщический шепот, — что читала его личное дело! И это потрясающе.

— Я знаю многое из того, что там написано, и это действительно потрясающе. Но не в том смысле, в каком обычно употребляют это слово. — Яна мучительно гадала, зачем она все это несет. Может быть, такое бывает с пьяными людьми? Или это у Вероники талант говорить в таком тоне, что ничего не остается, кроме как выйти из себя и ответить?

— Просто ужасно. Правда, дорогая? Бедный мальчик! Но ему повезло. Прямо сказка про Золушку наоборот, точно! Попал сюда, а теперь его еще и полюбила прекрасная принцесса! Ты же

принцесса, правда, моя девочка? Дочка такого человека! — Вероника одобрительно покачала головой.

— Ника!

— Ох, ну прости! Все время забываю, что ты у нас еще и скромница.

— Я не скромница. Что это вообще за слово? И разве я говорила, что полюбила его? Мало ли с кем я целовалась на светском вечере, где все пьют? — Яну понесло. — Еще пара часов, и тут каждый второй решит кого-нибудь поцеловать!

— Ты не говорила, что полюбила его, это верно. — Вероника приблизилась к ней и сделала большие глаза. — Но я же вижу! И не спорь со мной, дорогая! Ладно, я полетела. Не обижайся, ну же! Не дуйся на старую сплетницу. Лучше подумай, как растопить сердце твоего мальчика. У тебя получится, моя хорошая, точно тебе говорю! Но нужно терпение. Тер-пе-ни-е!

Яна набрала в легкие воздуха, чтобы высказать все свои мысли о терпении, старых сплетницах и растопленных сердцах, но Вероника в последний раз налетела на нее, как ураган, обняла, расцеловала в обе щеки, ущипнула за талию — и нужно было радоваться, что не за задницу, — и скрылась в толпе.

Глава седьмая

Санта-Круз, Калифорния, США, апрель 8, 2078

Ярослав раздраженно ударил по кнопке «пуск».

Как обычно, информационное пространство не радовало: на севере Кореи эпидемия нового типа гриппа, в Нью-Йорке какой-то псих расстрелял толпу, выходящую из вагона метро на станции Саут-Ферри, а в Бразилии наводнение, от которого уже сейчас по официальным данным погибло шестьдесят восемь человек. Еще сто пятьдесят ранены и почти сто пропали без вести, не говоря уже о тех, кто потерял жилье и имущество. Радоваться было нечему, как, в общем-то, и в любой другой день. Но почему-то после сегодняшнего просмотра новостей его настроение ухудшилось намного сильнее, чем обычно. В чем же дело? Разумеется, он очень сочувствовал пострадавшим от наводнения — хотя, справедливости ради, они зачем-то живут в не самом безопасном районе страны, который заливают уже не впервые, и никуда не переезжают, — но, если бы он так переживал все отрицательные явления, от его работоспособности и ясности рассудка давно не осталось бы и следа. Охать и ахать от любого неприятного известия — удел нытиков и школьниц.

Он поднялся в кабинет, задернул шторы, чтобы солнце не отвлекало от чтения; его взгляд упал на большой классический календарь на стене. Дорогой календарь из самой лучшей бумаги, которую только делают на Земле. Сегодня же день рождения российского отделения, в Дубне колоссального размаха прием по этому поводу. Дочка должна была на нем присутствовать. Ярослав нахмурился, потом удобно устроился в кресле, выбрал приложение для звонков на встроенной в массивный письменный стол приборной панели и нашел ее имя. Но вместо шума, смеха и радостного голоса Яны из динамиков в стенах секунду за секундой доносились длинные гудки. Он повторил вызов еще раз. Ничего.

Хм. Очень странно. Оставалось надеяться, что она просто закинула коммуникатор в сумочку, а сама убежала болтать с кем-нибудь из гостей, как часто делают девушки, а не уехала в Бразилию в команду своего обожаемого сумасшедшего музыканта, чтобы разливать там суп жертвам наводнения, как какая-нибудь не в меру бойкая дама со средним образованием. Ярослав встал и подошел к окну. Ох уж эта современная молодежь. Вбивает себе в голову какую-то романтическую дурь про мир во всем мире, устаревшую еще в прошлом веке, вместо того чтобы устраивать свою жизнь. До чего доходит: он уже не знает, чего ждать от собственной дочери! Он все еще утешал себя ее молодостью — в конце концов, ей едва исполнилось двадцать четыре, — но утешение

работало все хуже и хуже. Она была такой, сколько он ее помнит. Ей и в пять, и в пятнадцать, и в двадцать было всех жалко, всем хотелось помочь, накормить белочку, кошечку, птичку и купить бездомному одежду. Хорошо хоть не забрать его к себе домой ночевать. Уже половина дела. Сейчас Яне двадцать четыре, и он верит, что она благоразумная девочка, просто заигравшаяся в подростковые идеалы. Но ведь откуда-то берутся такие, как этот кошмарный Гаррет, которого он имел неудовольствие видеть в сегодняшних новостях? Не девчонка — мужчина, почти сорокалетний, был подающим надежды ученым, а потом сошел с ума, наговорил ерунды президенту, гордо удалился «в народ», ходит теперь в драных штанах, как нищий, и всех призывает поступать так же. Если верить внутренним данным Академии, у него интеллектуальный коэффициент не ниже, чем у самого Ярослава. Как это объяснить? Помутнение рассудка? Тяжелый случай бреда, требующий вмешательства специалистов? Ярослав возмущенно хмыкает своим мыслям. Были бы специалисты, которые могут вмешаться! Главный так называемый психиатр, вместо того чтобы лечить этого несчастного, пьет с ним пиво и ходит на его концерты.

Яна не перезванивала. Это нравилось ему все меньше с каждой секундой. Пожалуй, придется позвонить кому-нибудь из службы безопасности в России, а точнее, в том, что в результате повсеместной власти идиотов осталось от России, и попросить найти потерявшееся дитя.

— Александр, приветствую. Извини, что отрываю от поддержания порядка на столь важном мероприятии.

— Добрый день, Ярослав. Ничего страшного. Чем могу быть полезен?

Вот так работают профессионалы, а не фуфло. Академик Ярошенко удовлетворенно покачал головой.

— Хотел поинтересоваться, нет ли в поле зрения твоих бойцов моего ребенка.

— Прямо сейчас нет, но еще полчаса назад беседовала с Грековым про свою работу. Работа, кстати, отличная, как говорят. Я сам в этом не слишком хорошо разбираюсь.

Ярослав улыбнулся. Вот это хорошие новости, вот так бы всегда.

— Отлично, Александр. Спасибо. Рад слышать.

— А что, есть основания подозревать, что что-то случилось? Если да, мигом проверим.

— Не могу до нее дозвониться. Думаю, что ничего страшного, просто заболталась с кем-нибудь. Но на всякий случай имей в виду.

— Не вопрос, сейчас выясним.

— Не сомневаюсь. Спасибо!

— Нет проблем. Звоните в любое время.

— Спасибо! Спокойного вечера.

Александр засмеялся.

— Да, это лучшее пожелание в такие дни, как сегодня. Я перезвоню.

Дубна, Центральная Российская республика, апрель 8, 2078

Отключившись от разговора с Ярославом, Александр вызвал в конференцию всех подчиненных, присутствующих на празднике.

— Найти Яну Ярошенко, — коротко сказал он. — Быстро. Не беспокоить, просто установить местонахождение и доложить мне.

В ответ послышались многоголосые «понял» и «сделаем», а сам он махнул рукой Тревору Нортону, которого не видел с утра. Нортон — его коллега из главного отделения, удивительно приличный парень — для человека, работающего практически под прямым руководством их главной стервы. Интересно, как он там выживает. Александр общался с Бланш пару раз в жизни, но этого хватило для прочной уверенности, что, случись им общаться плотнее, это кончилось бы быстро и плохо. На втором-третьем предложении из любой ее речи ему хотелось выхватить пистолет и выстрелить ей в висок. Даже не по себе становилось от такого желания. Стоит перед тобой симпатичная женщина, с улыбкой что-то рассказывает, а ты так бы и открутил ей голову... Тревор подошел ближе, искренне улыбнулся, что тоже большая редкость для собранной Бланш команды, горячо пожал протянутую ему руку.

— Как вы тут?

— Отлично. — Александр дружески хлопнул его по плечу. — Меня больше волнует, как вы там.

Нортон снова улыбнулся и махнул рукой вместо ответа.

— Понял, не спрашиваю. — Похоже, не у него одного возникали такие мысли.

— Мы стоим в правильном месте?

Он вопросительно посмотрел на коллегу.

— Тут можно разговаривать?

— А. — Саша кивнул, поняв суть вопроса. — Да. Совершенно спокойно.

Над ними есть камера, но она не возьмет звук их беседы при общей шумовой нагрузке на здание в этот вечер, как ни колдуй над записью, чтобы что-то разобрать. Он специально отошел сюда после звонка советника, чтобы поинтересоваться судьбой Яны.

— Я иногда начинаю понимать профессора Льюиса, — вдруг сказал Тревор, и улыбка куда-то исчезла с его лица, как будто ее никогда не было.

Александр уставился на него почти в ужасе.

— Я знаю, что это странно звучит, — спокойно продолжил тот, поймав его взгляд. — Но мы же коллеги.

— Не со всеми нашими коллегами можно обсуждать такие вещи.

Тревор усмехнулся.

— О да. Это-то уж точно.

— И, знаешь, это приятно удивляет. Мы виделись несколько раз в жизни, а ты вот так сразу записал меня к тем, с кем можно, — неожиданно для самого себя выдал он. Тревор Нортон какой-то странный. То ли один из самых приличных парней во всем их отделе, то ли грамотный разведчик, который не зря работает рука об руку с Бланш.

А впрочем, плевать. Будем считать, что он просто приличный парень. Невозможно же ко всем относиться так, как велит работа? Считать всех подонками либо — в лучшем случае — недоумками и расслабляться только наедине с самим собой, да и то не до конца, потому что расслабляться по-настоящему уже разучился?

— У меня есть глаза, — пожал плечами Нортон. — И я умею ими смотреть. Как и ты. Наверное, поэтому мы все еще здесь работаем.

Сашу вызвал один из ребят. Это, наверное, насчет Яны. Голос у мальчика был откровенно веселый.

— Нашлась.

— Отлично, спасибо, где?

— Только что закончила целоваться с парнем из своей группы на ступеньках главного корпуса. Не очень подходящее место, чтобы спрятаться.

Причина веселья стала ясна. Саша тоже улыбнулся.

— Ладно тебе, всякое бывает. Что за парень?

— Минуту.

Пауза, потом собеседник вернулся в разговор.

— Игорь Алексеев, они вместе писали курсовую работу у Левицкого. Говорит что-нибудь?

— Говорит. — Саша почувствовал, что улыбается неприлично радостно, как будто герои любимого сериала наконец позвали друг друга на свидание после десяти сезонов долгих взглядов. — Еще как говорит. Спасибо, не отвлекаю больше.

Парень тоже попрощался, как-то скомканно — видимо, собирался пошутить на тему бурной личной жизни дочки советника и теперь разочарован, что шеф не предоставил такой возможности.

— Все в порядке? — спросил стоящий рядом Нортон, про которого он уже успел забыть. Вот еще одно качество, жизненно необходимое в их работе: уметь сливаться со стеной и не привлекать к себе внимания.

— Да, более чем. Хотя...

А ведь не в порядке. Совсем не в порядке. Черт!

— Что случилось?

— Погоди, дай сам сначала соображу.

Ярослав Ярошенко звонил и волновался, что не может дозвониться до Яны. Саша нашел ее за три минуты. Теперь нужно сделать что? Правильно, перезвонить советнику и отчитаться, что с его драгоценной дочкой все отлично. А что дальше сделает советник? Снова правильно. Он спросит, чем она занимается, раз не отвечает на вызовы драгоценного родителя. А что ему придется на это ответить? И в третий раз правильно! Что ей не до отца, потому что она занята устройством своей личной жизни. А дальше Ярослав спросит, кто же тот счастливчик, из-за которого забыт родной отец, а ему придется ответить, что это Игорь Алексеев, парень, который осенью пообещал дать в рыло одному противному щенку — у Саши, который тогда с этим разбирался, сложилось впечатление, что обещал совершенно по делу, — и чуть не сел за это, потому что щенок еще и соврал, здорово приукрасив произошедшее, а Яна пришла его спасать.

Вот засада. Ярошенко, при всем уважении к его неоднозначной фигуре, ведь совершенно фанатичный академик и не менее фанатичный папаша. Он и осенью был не в восторге от такого поступка Яны, хотя, кажется, это единственное, что на ее месте мог сделать приличный человек. А если он услышит, что она не просто вытащила этого мальчика из неприятностей, но и целуется с ним? А если он не просто расстроится от этой новости, но и полезет в личное дело Игоря? Варианта дальше будет два — либо в нарушение уголовного кодекса ЦРР и внутренних регламентов Академии дать ему этот доступ, как, к великому сожалению, бывало уже не раз, либо встать в позу и отказать, ссылаясь на этот самый уголовный кодекс и регламент. И поиметь фантастических проблем не только с мистером Ярошенко, но и с Бланш Бернар. Ох, вашу ж мать. Прочитавший личное дело Игоря Алексеева Ярослав устроит веселую жизнь Игорю и Яне, не прочитавший личное дело Игоря Алексеева Ярослав сначала устроит веселую жизнь самому Саше, а потом все равно прочитает — и смотри пункт первый. Возможно, к этому времени Александр уже не будет занимать свою должность, а отправится поливать цветы в саду.

— Что случилось? — повторил Нортон.

— Слушай, коллега, — вдруг очень недобро проговорил Саша, — если я тебе скажу, что случилось, а ты расскажешь об этом Бланш или кому-нибудь из ее заместителей, мне конец. Ты уверен, что хочешь знать?

Тревор размашисто заморгал глазами, как персонаж мультика.

— А если ты расскажешь кому-нибудь из них, что я только что выражал солидарность с Льюисом, мне конец дважды. Вопросы?

Саша с сомнением посмотрел на него. Звучит отлично. Но откуда ему знать, не специально ли все это? Может быть, он натворил достаточно много самодеятельности, чтобы у Бланш появились к нему вопросы, и все это просто проверка? А с другой стороны, он ведь решил, что так жить невозможно. И если в поле зрения есть человек, который производит впечатление приличного, то иногда можно взять да и посчитать его приличным на свой страх и риск.

— У нас тут учится дочка Ярослава Ярошенко, ты в курсе.

Нортон серьезно кивнул.

— Отец не смог до нее дозвониться, позвонил мне, спросил, все ли с ней в порядке. Я сказал, что да, полчаса назад было в порядке, но на всякий случай обновил информацию. Так вот, Яна — а она, если ты с ней не знаком, отличная девчонка, просто отличная, даже удивительно, — не ответила отцу, потому что целовалась с парнем. Парень учится в ее группе, и, что еще более удивительно, он тоже отличный. Станный, большинство людей терпеть не может, да и люди от него не без ума, но с характером и принципами. Человек, а не желе. Я с ним неплохо знаком. У Академии к нему бывают вопросы.

Нортон понимающе усмехнулся.

— Еще бы их не было при таких вводных.

— И сейчас мне нужно перезвонить Ярославу и порадовать его этой новостью.

— Не продолжай. Я хорошо знаю Ярослава и понимаю, почему ты такой задумчивый.

— Понимаешь, Тревор, ладно он бы он просто огорчился, что у мальчика неподходящий характер. Все сложнее.

— Личное дело?

— Категории «С». Осенью из-за одного дурацкого случая чуть не отправился в «D», я еле удержал.

— О, — с чувством сказал Нортон. — Ясно. А почему «С»? Что-то натворил?

— Да какое там. Родители уроды. И не только родители. Ладно, я не хочу вдаваться в подробности, это уже совсем неправильно. Будет интересно, сам поглядишь.

Нортон на минуту задумался.

— Слушай, а не говори ты ему об этом. Зачем? Это же не Бланш попросила, а лично он, напрямую.

Саша смотрел на него с сомнением, но за сомнением рождалась смутная мысль, что все может обойтись.

— Не буду врать, что понял.

— Смотри. — Нортон придвинулся чуть ближе к нему. — Если бы попросила Бланш, врать было бы самоубийством, потому что она может узнать это еще из пары десятков источников, проверить тебя, а дальнейшее объяснять не нужно. Но это просит сам Ярослав. Единственное, что он сможет сделать с твоим ответом, — удовлетвориться им.

Саша глупо засмеялся, представив, как Ярослав удовлетворится чем бы то ни было.

— Конечно, можно зайти дальше и вообразить, что это Бланш попросила Ярослава позвонить, чтобы тебя проверить. Или что Ярослав засомневается и пойдет к ней, чтобы убедиться, что ты не врешь. Но это все-таки слабо похоже на правду. Они почти не общаются, Ярослав не большой любитель женщин, чьи полномочия на порядок круче его собственных.

Саша снова засмеялся, беззаботно, как первокурсник. Как все-таки приятно общаться, не держа фигу в кармане.

— Я бы на твоём месте просто перезвонил ему сейчас и сказал, что Яна в порядке, разговаривает с одноклассниками. Вот и все, — продолжал Нортон. — Другое дело, что, если они с этим парнем станут встречаться, через какое-то время Ярослав все равно об этом узнает.

— Но не от меня, — решительно сказал Саша. — Это важно.

— Согласен.

Саша на секунду задумался.

— Знаешь, я сейчас так и сделаю. Но если после этого...

— Не трать время. Ничего не будет. Я и сам такое терпеть не могу, и про тебя уже понял, что подобные шутки добром не кончатся.

— Отлично. — Саша пожал ему руку с видимым облегчением. — Я рад, что мы друг друга поняли.

— И я. Еще увидимся, я тут почти на неделю.

Вот бы Нортон на место Бланш. Но это невозможно. Если в высшем руководстве безопасности появится приличный человек, Тернер не усидит на своем месте. И он, конечно, не может этого допустить.

Она не врал. В тот вечер в ресторане на последнем этаже торгового центра она сказала правду. Он не поверил ей, разозлился, она немного поспорила, а потом сдалась. Игорь вошел в квартиру, не раздеваясь и не включая свет, прошел на кухню, достал из шкафа широкий стакан для виски, открыл холодильник, вытащил бутылку, наполнил стакан на две трети и выпил до дна мелкими глотками. Следующий час, который на самом деле мог быть и минутой, и сутками — у него всегда были не очень хорошие отношения со временем, а сегодня они обострились до открытого конфликта, — он провел, сидя на полу в кухне прямо в ботинках, пальто и выходном костюме. В голове не было ничего, кроме свинцовой пустоты. Он попытался собраться с силами и подумать, что теперь делать и как такое вообще может быть, но ничего не выходило. Мысли дробились на мелкие кусочки, кусочки превращались в облачка паров алкоголя и отправлялись в свободное плавание по пустоте в черепе. Иногда приходила связанная мысль, что, если размахнуться и бросить стакан в стену, станет лучше, но ее прогоняла другая связанная мысль, что наутро придется убирать осколки. На этом связанные мысли кончались. Он бы сидел так и дальше, но ему помешал звонок в дверь. Игорь решил, что ослышался. Звонок догадался, что так и будет, и раздался еще раз. Тогда он встал и подошел к двери.

— Я не буду спрашивать, кто. Я знаю.

— И я знаю, — донесся из-за двери ее голос. — Удивительное совпадение!

— Я не могу говорить. Извини.

— Тогда я пойду пить шампанское, которое у меня в руках, с мальчиком, который гуляет во дворе с собакой. Он только что предлагал составить мне компанию.

В ее голосе звучало что-то странное. Лучше всего, ясное дело, было бы не открывать. Естественно, она не пойдет пить ни с какими собаками, а поедет домой, где ляжет спать, а завтра придет в ужас

от воспоминаний о сегодняшнем вечере. Но что у нее с голосом? Голос выбивается из этой стройной картины.

Яна, уже собираясь уходить, стояла спиной к двери, когда она распахнулась.

— Ты же не пьешь?

Она повернулась к нему.

— Я войду? Или в эту квартиру можно входить только трезвенникам?

Игорь вдруг разозлился, так сильно, что в голове зашумело от напряжения, сделал шаг ей навстречу, схватил за локоть, втащил внутрь и захлопнул дверь.

— Нет, в эту квартиру можно входить только людям с диагнозом «алкоголизм». Из нас двоих он есть только у меня.

Яна сделала глубокий вдох.

— Извини. Это была крайне неудачная шутка.

— Отлично, извиняю, перейдем к следующему пункту нашей программы. Какого черта ты нажралась? Хотя нет, неправильная постановка вопроса. Можешь нажираться хоть два раза в день, это не мое дело. Какого черта ты приперлась ко мне домой без звонка и в таком состоянии?

Он смотрел ей в лицо, но ничего не видел, неутрачивающая злость застилала ему глаза.

Яна изящно, как после длительных репетиций, выскользнула из пальто, за рукав которого он ее держал, и пошла в сторону кухни.

— Никогда не слышала, чтобы ты так разговаривал.

— Ты еще много чего не слышала. И сейчас у тебя все шансы наверстать упущенное.

Он растерянно повесил ее пальто на вешалку, потом зачем-то пошел за ней, совершенно не представляя, что собирается делать дальше.

— Это очередное потрясающее открытие сегодняшнего вечера. А теперь минуту внимания, потому что ты тоже слышал еще не все, и сейчас я попробую это исправить. Во-первых, я не нажралась, а выпила. Во-вторых, не приперлась, а пришла. В-третьих, если бы я позвонила, ты бы не взял трубку, а если бы взял, то не выразил бы желаний меня видеть, а мне было нужно с тобой поговорить. Но, в общем, плевать. — Яна нетипично широко махнула рукой и поставила бутылку на стол. — Ты не был бы так добр помочь мне открыть шампанское? А то я все-таки пойду к мальчику с собакой, он с удовольствием поможет. И не будет спрашивать, зачем я приперлась.

Игорь вошел в кухню вслед за ней, взял стоящий на столе стакан и швырнул с такой силой, что осколки врезались в противоположную от удара стену и только после этого упали на пол. Яна не двинулась с места, не издала ни звука и даже не посмотрела в ту сторону. Он проводил полет осколков глазами, снял пальто, отнес его в прихожую, вернулся, обнаружил, что она успела сесть и сидит с видом человека, вокруг которого все как обычно и пол не усыпан битым стеклом, достал еще два таких же стакана и поставил на стол.

— Бокалов для шампанского нет, поэтому будешь пить из этого.

— С удовольствием.

Игорь открыл бутылку, наполнил один из стаканов и придвинул к ней, потом достал водку, наполнил второй стакан, отпил половину и подошел к окну, встав к Яне спиной.

— Кстати, давно хотела спросить. Почему ты не закусываешь? Водка же ужасная на вкус. — Яна закинула ногу на ногу и откинулась на спинку стула. — Вообще не понимаю, как ее можно пить. Я как-то раз сделала один маленький глоток на юбилее отца, так у меня слезы потекли из глаз.

— Теперь ты должна сказать, что водка не только невкусная, но и вредная, а шампанское вкусное и в нем такие славные пузырьки. И засмеяться дебильным смехом.

— Почти угадал! Я хотела сказать, что, если часто пить водку, не закусывая, окончательно испортишь желудок.

— Даже лучше, чем я думал. Теперь давай про пузырьки. Только не забудь захихикать в конце.

— Не дожدهшься. Я буду серьезна, как гастроэнтеролог! Надеюсь, что правильно произнесла это дурацкое слово.

И она все-таки засмеялась. Какая она удивительная и прекрасная, даже сейчас, когда выпила и говорит глупости, а он хамит ей от злости на самого себя, как последнее чмо.

— Слушай, Яна.

Она перестала смеяться.

— Я ведь уже попросил прощения. Я виноват, мне очень стыдно, и я не понимаю, как это могло случиться. Я не хотел.

Она внимательно слушала.

— Может быть, ты сможешь меня простить, и мы сделаем вид, что все в порядке? Я буду страшно благодарен тебе всю оставшуюся жизнь.

Яна сделала глубокий вдох, чтобы прогнать подступающие слезы.

— У меня два уточняющих вопроса. Сейчас я задам их, получу ответы и пойду домой. А потом мы обо всем забудем и ты будешь мне страшно благодарен.

— Теперь ты, разумеется, уже никуда не пойдешь. Тебя там ждет какой-то хрен с собакой, а ты хорошо выпила, иначе бы тебя здесь не было. Сейчас ты напьешься окончательно, и я уложу тебя спать на твое обычное место. А завтра ты проснешься, вспомнишь, что было сегодня, и придешь в ужас, но так тебе и надо. — Он сделал паузу. — А может, и не вспомнишь. Смотри как напьешься.

— Не понимаю, за что ты просишь прощения и как можно было сделать то, чего не хотел, когда никто не заставлял.

— Я сам не понимаю, как можно было это сделать. И мне очень, очень жаль. Клянусь. Этого достаточно? Или ты продолжишь меня пытаться? Может, возьмешь утюг, чтобы дело шло быстрее?

Яна на всякий случай смотрела в пол, хотя Игорь стоял к ней спиной. Время тянулось медленно, как зубная паста из тюбика.

— Мне тяжело говорить, потому что я знаю, что ты не хочешь слушать, и потому, что я выпила, а я ведь почти не пью, и вообще. Но я должна. — Она сделала глубокий вдох. — Я не понимаю, почему ты не хочешь попробовать.

Он повернулся к ней.

— Я не верю своим ушам. — Игорь прикончил стакан и вернул его на стол, мучительно борясь с желанием повторить фокус со стеной. — Если я вдруг окончательно двинусь рассудком и решу попробовать, как ты выразилась, все будет плохо не только у меня, но и у тебя тоже. Вот что самое печальное во всей этой ситуации. Для меня не новость, когда в жизни все не очень празднично, но ты-то куда? На хрена тебе это? Но такого не будет. Я свалю учиться в другую страну, и ты больше никогда меня не увидишь.

Яна молчала.

— Я собирался тебе сказать, но только после того, как подам все документы. Не думал, что получится вот так.

Теперь надолго замолчали оба.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал.

— Я тоже не хочу.

— Я тебе нравлюсь?

— Понятия не имею, что подразумевают люди, когда говорят, что им кто-то нравится. — Он прижался лбом к прохладному стеклу. — Ты сейчас говоришь на непонятном мне языке.

— Я тебе нравлюсь? Существует два ответа на этот вопрос: «да» и «нет». И оба они не имеют ничего общего с тем, что ты сейчас сказал.

— Нет.

— Это меняет дело, — неуверенно сказала Яна после длинной паузы. — Но спасибо за честный ответ.

Игорь от неожиданности повернулся к ней.

— Думаю, теперь мне на самом деле пора идти. — Она встала со стула.

— Ты что, поверила?!

— Игорь, если ты думаешь, что для меня все это... — Она махнула рукой в сторону усыпанного переливающимся стеклом пола. — Все это легко и весело, то это не так. Да, я поверила. Почему бы мне не поверить? Я что, миллион долларов, чтобы нравиться всем, кто нравится мне?

Да! Да, ты миллион долларов, ты миллиард долларов, триллион, ты — это как если бы тощему южноамериканскому ребенку из трущоб, играющему в луже, вдруг дали все доллары мира. Ты воздух! Какой там миллион, покажи мне кретина, для которого доллары важнее, чем воздух! Покажи мне того, кому он не нравится! Ты вообще видела себя когда-нибудь?! Разве это то, что можно назвать словом «нравится»? Вы знаете, мне не нравится воздух. Дышать как-то скучновато. Надоедает это однообразие: вдох-выдох...

— Я соврал. Попытался соврать. Как видишь, и это у меня получается хреново.

Она очень грустно смотрела на него, не отводя глаз.

— Я соврал. Ты мне нравишься. Очень. Ты намного лучше, чем миллион долларов, ты нравишься всем, у кого есть глаза и немного мозгов. — Он сделал над собой усилие, чтобы продолжить. — И среди этих всех ты можешь выбрать кого-то нормального. И ты должна так поступить. Ты мне нравишься, но можешь считать, что нет, потому что все равно ничего не получится.

Яна взяла в руки бутылку с шампанским и зачем-то уставилась на этикетку.

— Я, как ты выражаешься, не верю своим ушам, что говорю это вслух. Но если я тебе нравлюсь, и даже если ты считаешь, что нет никакой разницы, все равно, так вот, если да, то сейчас ты подойдешь ко мне и поцелуешь меня. И мне плевать, на что это похоже и как я выгляжу. И на то, что я навязываюсь человеку, который полчаса назад не хотел пускать меня на порог, тоже плевать. — Яна повертела бутылку в руках и поставила на стол, подавив желание сделать глоток прямо из горлышка. Кажется, так сильно она не волновалась ни разу в жизни.

— Я понял. — Игорь снова отвернулся от нее и уставился в темноту за окном. — А теперь послушай меня. Если я тебе нравлюсь как человек, с которым интересно разговаривать, потому что я не понимаю, как еще могу нравиться, ты сейчас пойдешь в ванную, умоешься и ляжешь спать. Завтра утром ты придешь в ужас, вспомнив себя сегодня, но не будешь пытаться об этом говорить. После этого я сделаю все, чтобы ты больше никогда меня не увидела, и все вопросы решатся сами собой.

Яна посидела несколько минут, глядя в пустоту перед собой, а потом тихо встала и вышла из кухни.

Игорь залез в холодильник и вылил остаток водки из бутылки в стакан.

— Я прошу прощения, — она, кажется, почти протрезвела, — ты не мог бы дать мне полотенце? И еще я не вижу своей зубной щетки.

— Не видишь, потому что я ее выбросил. Не думал, что она тебе еще понадобится. Посиди минуту, я принесу новую.

Яна кивнула, послушно села на стул и стала ждать; он вернулся, она осторожно забрала у него вещи, стараясь нечаянно не прикоснуться к его рукам, и так же молча вышла. Игорь проводил ее взглядом, сел на пол, спиной нащупал стену, оперся на нее, дождался, пока в ванной начнет шуметь вода, — время тянулось невыносимо, — закрыл лицо руками и заплакал.

Слезы были какими-то особенно тяжелыми, то ли из-за алкоголя в крови, то ли просто потому, что такого никогда не было в его жизни и больше никогда не будет, и образовывались, по ощущениям, где-то под нижними ребрами. От них горела и болела вся грудная клетка. На его покрытую ледяными камнями планету, расположенную в самой пустой и безжизненной части вселенной, случайно прилетел на сияющем космическом корабле прекрасный живой человек с Земли. И зачем-то хочет остаться. Но он не даст ему этого сделать, а силой затолкает в космический корабль и отправит назад, туда, где есть другие люди, и животные, и растения, куда добираются лучи звезды. А потом ляжет на камни и будет ждать смерти.

В груди заболело еще сильнее, как будто две огромные руки решили разорвать ее пополам, схватили за ребра и тянут в разные стороны. Если бы не мысль на окраине сознания, что она все еще рядом, за стенкой, он бы начал выть, как раненая собака.

Ты должен это сделать, сукин сын. Она твой первый и последний шанс, но ты должен его лишиться. Должен выгнать ее отсюда и сделать все для того, чтобы это была ваша последняя встреча. Должен. Должен. Должен.

Но не можешь.

И когда он понимает, что не может остаться один, честно собирается упасть ей в ноги, когда она выйдет из ванной, и делать все, что она скажет, и попытаться заняться с ней сексом, если она этого захочет, и потерпеть, если попытка пойдет по обычному в его жизни сценарию — она окажется достаточно решительной, а ему останется только играть роль инвентаря, — и без малейшего внутреннего протеста вынести унижение, если она будет осторожничать и у них вообще ничего не получится; и когда он быстро вытирает слезы при звуке шагов, чтобы заговорить, ее силуэт появляется в дверном проеме и тихо произносит:

— Ты прав. Я не должна была так делать. Извини, что пришла.

Он хватается ртом воздух, чтобы запастись им для фразы «а я как раз понял, что ошибался и ты пришла правильно», а она продолжает:

— Я немного протрезвела и готова ехать домой. Думаю, такси приедет быстро.

Нужно сказать ей «не уезжай». Нужно остановить ее. Нужно открыть рот и заговорить, но рот не слушается, воздух заканчивается, в глазах темнеет. Нужно дать ей понять, что он молчит не специально, не потому, что это его сознательный выбор — молчать: махнуть рукой или встать и подойти к ней. Нужно сделать хоть что-нибудь, но теперь не слушается не только язык, но и все тело.

— Если хочешь, напишу тебе из дома, что добралась без приключений.

Она разворачивается и идет в прихожую.

Пару лет назад от нечего делать он прочитал случайно попавшуюся на глаза статью о том, как вызвать «скорую», если не можешь говорить и двигаться. О том, как остановить женщину, которую сам же просил уйти, если не можешь говорить и двигаться, в этой статье ничего не было.

— И вот что. — Она выглядывает из прихожей, уже одетая в пальто, с платком вокруг шеи, такая нарядная. — Не уезжай. Ты же сказал, что не хочешь уезжать. Не уезжай. Я не хочу, чтобы ты из-за меня отказывался от всего, что у тебя есть. Я сама уеду обратно в Штаты.

У меня ничего нет. Мне не от чего отказываться. У меня есть только ты, и ты сейчас уйдешь. Перед глазами уже плывут черные пятна, похожие на скалистые архипелаги. Он изо всех сил пытается открыть рот и если не заговорить, то хотя бы захрипеть. Но рот не открывается, будто его зашили, как рану, чтобы не разошлись края. Он вдруг вспоминает, как в первом классе школы мерзкая жаба-учительница пообещала зашить ему рот, если он не перестанет разговаривать с соседом по парте. Он тогда еще разговаривал. Тогда мама еще была жива, а сам он был обычным ребенком, который мог заговорить просто так, без острой необходимости. Надо же, как сильно поразил его этот образ. Он даже не помнит, как звали эту жабу, а зашитый рот до сих пор с ним.

— Прости меня, пожалуйста, за все. Мне искренне жаль, что так вышло.

Ее голос в конце фразы становится прозрачным и тонким, как осенний утренний лед на лужах, кажется, она старательно сдерживает слезы. Он пытается хотя бы пошевелить губами, а она выходит из квартиры и быстро закрывает за собой дверь.

Он пришел в себя на полу в кухне, поднял руку с осколков стекла, зачем-то потрогал голову, как будто хотел проверить, не сбежала ли она от него. Кажется, он впервые в жизни потерял сознание без всяких видимых причин — не от удара по голове или голода, как бывало раньше, а просто так. Переволновался, как отличница перед экзаменом.

Сел, осмотрел кухню, почти засмеялся, когда понял, как выглядит со стороны, ваяясь на полу среди осколков в шикарном вечернем костюме. В коммуникаторе ждало сообщение от Яны. Сообщение лаконично информировало, что она добралась без приключений и еще раз извиняется за свое поведение. Он поднял руку, чтобы ответить, и задумался.

Это говорить он не мог, физически не мог до сих пор, а писать — вполне. Написать ей, что пожалел о своих словах? Что готов примчаться к ней прямо сейчас? Но морок прошел. Она правильно сделала, что ушла. Да, у него больше никого нет и не может быть, но у нее-то может? Кажется, красавица дочка советника достойна чего-то большего, чем неприятный стареющий подросток, который только что упал в обморок от первого взрослого разговора с симпатичной ему женщиной?

Он написал, что все в порядке, и пожелал спокойной ночи. Она ответила тем же.

Они молодцы.

Нова Олинда ду Норте, Федеративная республика Бразилия, май 24, 2078

Когда Дерек откидывает последнюю черную от воды доску, издав какой-то невероятный звук, среднее между криком, хрипом и кашлем, и вплотную приблизившись к пониманию слова «надорваться» — кажется, что кишки сейчас вылезут наружу одновременно через задницу, рот, нос и уши, — оказывается уже поздно. Он оставляет это понимание на периферии сознания и прыгает прямо в темную воду, не позволив себе ни секундного промедления. Всплеск, собственное шумное дыхание, тяжесть от одежды, мгновенно намочшей в сотый раз за этот адский день. Воды по пояс, и она медленно, почти ласково тащит его вниз. Когда глаза привыкают к душному полумраку дома — точнее, того, что от него осталось, — становится понятно, что действительно поздно, и от этого знания уже никуда не деться. Здесь стоит мертвая тишина. Он уже бывал там, где все умерли. Не один человек после болезни или несчастного случая, а все сразу. Он знает, что такое «мертвая тишина». Тишина в том, что осталось от этого и прежде дырявого дома, — мертвая. Он делает шаг

вперед, мертвую тишину нарушает плеск. Звук тоже мертвый, и вода мертвая, тяжелая, черная. Это вода-убийца. Вода, которая только что задушила жертву, проглотила ее, успокоилась и улеглась, как змея, приготовившаяся переваривать добычу. Он делает еще шаг, стараясь не замечать ощутимой дрожи в ногах, и тут навстречу ему из полумрака выплывает зеленый резиновый мячик.

Дерек останавливается, закрывает рот рукой, чтобы не закричать, ругается себе под нос. Сердце начинает биться после перерыва, в котором оно болталось где-то в районе желудка, не желая работать. Он всматривается в блестящую черную поверхность в направлении, откуда приплыл мяч. В глубине дома, метрах в пяти от него, блеск прерывается, потом начинается снова. Там что-то плавает под водой, у самой поверхности. Он начинает медленно двигаться в ту сторону, вытирая льющийся со лба пот. Его сбивчивое дыхание все сильнее похоже на всхлипы плачущего человека. Еще не хватало начать здесь реветь, успокойся, твою мать. Уже поздно. В этом конкретном доме — поздно. Может быть, поздно уже во всех окрестных домах. Может быть, нет. Но здесь уже точно все. Хуже уже не будет.

Будет. В черной воде медленно ворочается большая лохматая собака. Красивая, добрая, большая лохматая собака. Любимица всей семьи. Красивая, добрая, большая мертвая собака. Какого черта, как это случилось, собаки ведь отлично плавают? Вода доходила почти до потолка, судя по следам на стенах, но собака? Дерек перестает уговаривать себя успокоиться, всхлипывает уже отчетливо, тянет к ней руку, потом опоминается и осторожно подцепляет ее зажатый в правой руке металлическим крючком на длинной деревянной ручке. Кто знает, сколько она здесь лежит и какая гадость расплодилась в разлагающемся на жаре мокром трупe животного. Пару секунд тело сопротивляется Дереку, как будто его что-то держит снизу, а потом вдруг с хлопаньем вырывается из воды.

Он вскрикивает, уже не стараясь сдержаться. Из-под собаки выныривает тело девочки лет десяти, совсем тоненькой, размером с собаку, и закатывает к потолку синеющие белки глаз. Серые пальцы вцепились в мокрую шерсть собаки и не разжимаются даже после смерти, черные девочкины пряди волос переплетаются в воде с серо-коричневыми собачьими. Вот кто не дождался его. Может быть, собака пыталась спасти хозяйку, а может быть, погибла давно, а девочка все не хотела отпускать ее труп, цепляясь за него, как за последнюю связь с прежней, нормальной жизнью, без этого ужаса. Если есть что-то после смерти — в чем он сильно сомневается, — то сейчас они должны идти где-нибудь вдвоем, где-нибудь, где нет мертвой воды, темноты и страха, рядом — девочка и собака. Девочка треплет собаке шерсть разжавшимися пальцами, а собака трется об ее ноги.

Дерек стоит над ними, не в силах двинуться с места. Нужно спешить, они уже умерли, и им ничем не поможешь, может, пока он тупит тут, кто-нибудь еще умирает. Ты же не хочешь еще раз стоять вот так над теми, к кому опоздал? Пошел отсюда, кретин, вытащить тела — второе по важности дело, за него можно приниматься только тогда, когда спасены все живые. Хватит развешивать сопли, пошел отсюда, пошел, пошел. Если они есть. Если они есть, эти живые. Если не все плавают вот так, закатив глаза. Тело не слушается. Чем яростнее он приказывает себе валить дальше, тем труднее сделать шаг. Почему-то эта девочка с собакой убивает его сильнее, чем все остальное, что он видел в жизни. Что-то есть в них такое, после чего никак, никаким образом невозможно жить по-старому.

Дерек не мальчик, он бывал в зоне военных действий и революций, помогал делать прививки в пандемию менингита и принимать беженцев в лагерях. Он видел труп мусульманской девочки лет пятнадцати, которую сначала изнасиловали солдаты, а потом забили камнями собственные односельчане. Он видел миротворцев с выколотыми глазами и без языков, трупы людей, посаженных на кол, беременную африканскую женщину, которую пригвоздили к забору штыком древней винтовки, воткнув его прямо в ее острый живот, прямо в ребенка, которого она носила. Он плакал и разбивал кулаки о стены, он блевал от ужаса и отчаяния, он едва не сдох от менингита, потому что увлекся, делая прививки другим, и забыл сделать себе. Все это было чудовищно, невыразимо страшно. Мир был наполнен болью, страданиями, страхом и отчаянием, земля была красной от пролитой крови, мировой океан состоял из слез уже, наверное, больше, чем наполовину. И все-таки он собирался и переживал это. А эту девочку с этой собакой не сможет пережить. Уже сейчас не может. Идут драгоценные минуты, в соседних домах тоже навалом

работы, возможно, там еще удастся кого-то спасти, а он стоит тут и смотрит на плавающие перед ним тела, не в силах даже моргать.

Пошевелиться получается, только когда за спиной раздаются торопливые шаги — хлюп, хлюп, хлюп — и ставший за эти три дня родным голос Арчи, двадцатипятилетнего добровольца из Нью-Йорка, в обычной жизни работающего продавцом в книжном магазине, негромко окликает:

— Дерек, что у тебя?

Тогда ему удается повернуть голову.

Арчи смотрит на него, все понимает по лицу, очень тихо подходит ближе.

— О господи.

Дерек молчит, не сводя глаз с тел.

Арчи стоит рядом пару минут, и Дереку почему-то становится легче, а потом обнимает его за плечо и говорит:

— Пойдем отсюда. Там живые есть у ребят, совсем мало, но есть. Пойдем, поможем им.

И совсем тихо добавляет:

— Этим уже ничем не сможешь.

Эти слова почему-то окончательно добивают Дерекка. Пробираясь за Арчи к условному выходу, который только что сам сделал, раскидав завал, он перестает видеть перед собой хоть что-то, кроме спины своего спутника, и вытирает слезы с лица свободной рукой.

Из облачного дневника Джаспера Кэмерона, запись только для автора, май 29, 2078

Пока я лежал в больнице, случилась самая странная вещь за всю мою жизнь. Валяться там было очень невесело, и нет слов, которые могли бы описать, как сильно я жалел, что выжил. Впереди не ожидало ничего хорошего, вокруг лежал город после бомбежки, я превратился в развалину и мрачно предвкушал цифру, которая будет написана в счете за мое лечение.

И тогда ко мне стал приходить кот. Не просто кот — тот самый идеальный важный толстый кот, о каком я всегда мечтал. Рыжий. Я всегда представлял именно рыжего. Как если бы кота вытащили в реальность прямо из моей головы. В одно поганое утро я открыл глаза и увидел его — он сидел у меня в ногах и смотрел на меня. С таким выражением на лице, как будто давно меня знает. Я решил, что это побочное действие какого-нибудь дурацкого лекарства, но в этот момент кот встал и нагло пошел по мне, демонстрируя, что он никакая не галлюцинация, а самый настоящий важный кот. И тяжелый, кстати.

Он устроился у меня на животе и уснул, а я смотрел на него и вспоминал свои последние мысли перед войной. Они не называют это войной, но это война, чтоб им всем мучительно сдохнуть. Мои последние мысли были о том, что я ни черта не сделал в жизни, даже кота не завел, хотя возможность имелась. Это вам не теории доказывать без экспериментальной базы.

Мне не так мало лет, я не верю в разную ерунду, я вообще-то ученый, хотя иногда начинаю думать, что я не ученый, а тупой неудачник. И вот в конце ноября я сидел и ждал ракеты, которая меня убьет, и жалел, что не выполнил самое простое из своих желаний — не завел нагло толстого рыжего кота. Потом выжил, получив примерно полсотни больших и маленьких ранений, валялся в реанимации, смотрел увлекательные цветные сны, а потом пришел в себя — и увидел его. Кота из моих последних мыслей. Может, я все-таки умер? И эта больница находится не в полуразрушенном Анкоридже, а в совсем другой реальности? Вот о чем я думал, глядя на спящего кота. Потом я тоже уснул, а когда проснулся, кота нигде не было. Вечером я спросил у медсестры, видела ли она его сегодня утром, на что медсестра удивленно спросила, о чем я говорю. Она не видела никакого кота и считает, что по больнице не мог вот так спокойно гулять кот. Кажется, эта

девица вообще не любит котов, судя по лицу, с которым она об этом рассуждала. Ну и не надо. Я думаю, котам она тоже не очень-то нравится.

С того дня кот стал приходить пару раз в неделю. Сначала я звал его просто Кот, потом стал перебирать имена, и на Кварк он повернул голову. С тех пор он стал для меня Кварком. Красным Кварком, если быть точным. Как еще может называться кот физика-неудачника, которого никто не видит, кроме самого физика-неудачника? Было бы ещё круче, если бы котов было три, но и так отлично. Если это шутка Вселенной, то она смешная.⁴

Кварк всегда появлялся, когда я спал — ни разу не видел, чтобы кот вошел в дверь. Выходил, правда, иногда в двери, очень вальяжной походкой. Персонал же в один голос продолжал уверять, что никакого кота не знает, не видел и считает маловероятным его появление в стенах больницы. Я уже почти решил, что или выжил из ума, или существует разная мистическая хрень, настолько это было странно. Как будто Вселенная — разумное существо, которое читает наши мысли, как говорил один мой странный одноклассник. И вот она прочитала мою мысль про кота, вытащила меня из-под горящих руин и вручила этого самого кота, скопированного прямо из моей фантазии парой кликов. Но тут меня спас приехавший Льюис. Он, конечно, тот еще скользкий тип, который умудряется говорить совершенно правильные вещи, при этом продолжая греть задницу в Совете, и поначалу, увидев его в дверях своей палаты, я был готов кричать, чтобы он убирался ко всем чертям. Но он тоже увидел кота. Пока я вдыхал побольше воздуха в свои свежештопаные легкие, чтобы послать его от души, он сделал шаг внутрь палаты и сказал: «Смотрю, у тебя уже есть один гость, я не помешаю, если стану вторым?» Я переспросил, что за гость. «Так вот же он. Это гость поважнее меня». С этими словами Льюис показал на Кварка, который как раз лежал на своем любимом месте у меня в ногах и грыз ногти (коты тоже грызут ногти, я как-то забыл об этом за годы, проведенные без их общества). Тогда я убедился, что не сошел с ума и кот действительно существует, а персонал больницы просто хлопает ушами. И еще понял, что не могу послать Льюиса. Он видит кота, и кот ему нравится. Он считает, что кот важнее него. Глупо, да? Я не послал человека, работающего в организации, из-за которой чуть не сдох, потому что тот с должным уважением отнесся к моей котогаллюцинации. Это еще одна история, иллюстрирующая всю мою жизнь. Правда, потом оказалось, что его и не стоило посылать. Мы довольно хорошо пообщались, и он помог мне выбраться из состояния, в котором хочется только смотреть в потолок и думать, что больше не будешь разгадывать загадки Вселенной, потому что ненавидишь ее: тебе совершенно не важно, как она устроена, тебе хочется, чтобы она перестала существовать.

Кварк пришел за день до моей выписки. Был еще важнее обычного. Я взял его на колени, вежливо потеревил (нельзя невежливо теревить кота, если тебе больше четырех лет), сказал, что буду очень счастлив забрать с собой, потому что всегда о таком мечтал. Он сказал «мрррр», потерся о мою руку своей большой головой и прыгнул на пол. Я очень расстроился, но постарался не подавать вида. Сказал, что не буду настаивать, но, если он передумает и придет, буду просто счастлив. Кварк снова сказал «мрррр» и ушел. Теперь я думаю, что бы это могло значить. И каждый день просыпаюсь с мыслью: а вдруг найдет мой новый адрес и придет? Вдруг сегодня? Было бы здорово. Я скучаю по тебе, Красный Кварк.

Странная история, правда?

Лос-Анджелес, Калифорния, США, июнь 25, 2078

В тех немногих случаях, когда ему начинало всерьез хотеться покончить с собой, он звонил Стивену. Все-таки его друг был не только другом, но и профессионалом. Обычно после получаса общения с ним дурацкие мысли улечивались без следа. Но сегодня Дерек не стал ему звонить. Не потому, что ему не хотелось, чтобы его отговорили. Не потому, что он действительно решил

⁴ Слово «кварк» (устаревшее английское «каркать») Марри Гелл-Ман, исследователь элементарных частиц, почерпнул в книге «Поминки по Финнегану» Дж. Джойса, в стихике со строчкой «Три кварка для мистера Марка». Вероятно, Марк подразумевал три «кварты» (емкость в 1,14 л) — но, под влиянием уже выпитого, испытывал сложности с артикуляцией.

умереть и не собирался обращаться за помощью. Ему просто казалось, что Стивену не намного лучше. Грузить человека, которому, может быть, хочется покончить с собой еще сильнее, чем тебе, неправильно. Может, Льюис держится из последних сил, а тут он со своим нытьем. Дружба дружбой, профессионализм профессионализмом, но границы видеть нужно. Да и потом, что это будет за разговор? «Весь мир дерьмо» — «Ну да»; «Я не хочу жить» — «И я»? Отлично. От такого покончит с собой даже тот, кто не собирался.

Дерек сидит на полу в спальне на втором этаже своего дома, не слишком шикарного для рок-звезды с миллионными заработками, рядом стоит бутылка виски, из которой он время от времени делает хороший глоток. На улице чудесный солнечный день, но шторы в комнате задернуты так, что темнота почти ночная. Он уже основательно нажрался и в ближайшее время просто заснет, в лучшем случае уговорив себя переместиться на кровать, а в худшем отключившись прямо здесь. Или покончит с собой. Он не глядя протягивает руку, нащупывает бутылку и делает очередной глоток. Конечно, ничего он не сделает. Отрубится, проснется завтра, выгащит себя на пробежку, ему полегчает. Наверное. Перестанут везде мерещиться белые глаза мертвой девочки, вцепившейся в труп собаки.

С того дня, когда он обнаружил их в затопленном доме, прошел месяц. За это время он успел уйти в первый за всю жизнь настоящий запой, выйти из него, слетать на Аляску и в Индию, получить пару миллионов долларов для своего благотворительного фонда, сыграть два концерта и выпить с Льюисом. Концерты, правда, получились удивительно дерьмовыми. И расстаться с Джилли. Конечно. Как он мог забыть одну из самых важных вещей, которая произошла за это время? Первая их ссора случилась через четыре дня после его возвращения, и он почему-то не смог перевести взгляд с ее недовольного лица на какую-нибудь другую часть тела, как делал обычно. На ноги там, или полоску загорелого живота между штанами и майкой, или на просвечивающие через майку соски. Он продолжал смотреть ей в лицо, и через несколько секунд ее слова просто перестали до него доходить. Она была ему неприятна, просто неприятна, и все. Его мало интересовало, виноват ли он в их конфликте, чего она хочет, обидится она сейчас и уйдет или останется с ним. Она не нравилась ему. Больше не нравилась. А может, и никогда не нравилась, может, это его умение смотреть на задницы и соски вместо лиц обманывало его, заставляя поверить, что она ему интересна. У него даже не нашлось сил, чтобы устроить красивую ссору в их обычном стиле — орать в ответ, посылать ко всем чертям, хлопать дверями, просить прощения, снова посылать и снова хлопать дверями, убегать в ночь и сидеть до рассвета на берегу океана, глядя на линию горизонта. Он просто стоял и смотрел на нее. Джилл что-то говорила, раздражаясь все сильнее от его нетипичной реакции; почему-то его спокойствие вывело ее из себя сильнее, чем крики и оскорбления. А Дерек все отчетливее понимал, что или это последняя их встреча в таком качестве и максимум общения в будущем — случайно увидеться на каком-нибудь из гадких мероприятий, которые он посещал ради фонда, или в следующий раз он просто убьет ее на месте. Или себя.

Когда она сделала паузу и ему удалось вставить слово в ее тираду, этим словом было «все». И это действительно было все. Она хлопнула дверью, ушла, на следующий день позвонила, но он не смог даже просто ответить на звонок. От этого ему стало еще противнее. Оба они хороши, все хороши, все люди на этой долбаной планете хороши. Джилли пару недель поугovarивала его «начать все сначала» и «дать их отношениям еще один шанс», а потом отстала. Конечно, это был правильный шаг. Ни во что хорошее их так называемые отношения превратиться не могли. Он молодец, что нашел в себе силы их разорвать. И все-таки после того, как Дерек остался один еще и в самом примитивном смысле, жить стало еще труднее. Джилл связывала его с миром нормальных людей. С миром, где смеются, пьют не для того, чтобы сделалось не так больно и омерзительно, а для чтобы стало еще легче и веселее, где покупают платья и плавают в океане. Где перед людьми днем и ночью не встают мертвые девочки с глазами из одних белков.

И вот прошел уже месяц, он сидит на полу в темной комнате, нажравшись в одно лицо. Остаться пьяным наедине с самим собой — удивительное занятие. Оказывается, ты совсем не такой, каким привык себя считать. Оказывается, тебе давно осточертели дурацкие шуточки и оригинальные мелодические ходы, тебе даже спасать людей как следует осточертело. Ты просто хочешь... а хрен его знает. Ты просто хочешь, чтобы ужас закончился. Везде. Одновременно, как будто боженька проснулся, посмотрел вниз со своего облака, в ужасе схватил себя за бороду, отыскал кнопку

«остановить ужас» и нажал ее. А если это невозможно — а это очевидно невозможно, нет никакого боженьки и никакой кнопки, есть только реки крови, соплей и слез, — то тогда вообще ничего не надо. Сходить сейчас за пистолетом, который у него зачем-то есть, валяется в ящике стола, почему-то кухонного, там же, где ножи. Наверное, по принципу потенциального вреда, который с их помощью можно нанести человеку. Сходить за ним и выстрелить себе в голову. Или в сердце. Даже записок никаких не оставлять. Что тут скажешь, в этой записке? Ничего.

Конечно, он не сделает этого. Потому что, пока он есть, какому-то ничтожно маленькому количеству людей может стать лучше. К одной девочке он не успел, а другую вытащил из-под завала, когда она уже почти не дышала и не звала на помощь, просто тихо лежала и ждала смерти. И у нее потом даже нашелся живой отец. Его в ночь наводнения не было дома, уехал к родственникам. И они оба плакали, когда ее ему привезли.

И все-таки очень приятно иногда разрешать себе думать про пистолет.

Дубна, Центральная Российская республика, июнь 18, 2078

Сразу пропасть из отделения она не смогла — наверное, формальности занимали какое-то время, — или не захотела, и еще пару месяцев они виделись на занятиях. Игорь старался максимально пользоваться своим правом трехдневного отсутствия, она старалась держаться на приличном расстоянии от него — в общем и целом, жить было можно. Общаться они, конечно, даже не пытались. Иногда говорили друг другу «привет», когда встреча происходила на глазах кого-нибудь особенно активного, кто ни за что не упустил бы шанс посплетничать о том, почему лучшие друзья вдруг перестали здороваться, и на этом все. А потом начались каникулы, и они больше не виделись и в Академии. Жить стало еще чуть легче. Но жить ему окончательно расхотелось, и легкость ничего не значила. Теперь он думал о самоубийстве не только в минуты особенно острого отчаяния, а каждый день, с утра до вечера. Думал и тогда, когда настроение было не таким уж паршивым и даже хотелось что-то делать. Думал совершенно спокойно, так, как другие люди думают о поездке в отпуск.

На улице разошлось лето, люди радовались жаре, доставали из шкафов самые открытые летние вещи, все невыносимо цвело и благоухало, и чем прекраснее становилось все вокруг, тем хуже делалось ему. Он вообще терпеть не мог это время. Если зимой он носил свои длинные рукава и высокие воротники и это казалось естественным, потому что так делали все вокруг, то с приходом тепла он начинал выделяться среди людей в футболках, как островок нерастаявшего снега на фоне зеленой травы в темном углу двора, куда не добирается солнце. В тот вечер он пришел домой поздно — ходил прогуляться. Вечер был жарким, как и день, и он жутко устал по дороге домой. Рубашка омерзительно липла к телу, а навстречу, как назло, одна за одной шли смеющиеся парочки. Наступит ночь, и все они займутся сексом, а потом заснут друг у друга на плече. А он пойдет сидеть на открытом окне, вытянув свои длинные ноги по подоконнику, и думать о том, не прыгнуть ли вниз. И еще о том, забыла ли она про их последнюю встречу у него дома, успокоилась ли, или все еще переживает и теперь благодаря его непроходимой тупости на ад похожа не только его собственная жизнь, но и ее жизнь тоже. И как вообще у нее дела. Возможно, ей грустно или нужно с кем-то обсудить задания, которые Академия выдала на лето, а он ничего не может для нее сделать.

Он зашел в прохладный пустой подъезд и почувствовал некоторое облегчение. Сейчас он примет холодный душ, бросит в стирку пропитанную потом одежду, и все станет намного лучше. Он открыл дверь, на ходу снимая галстук, с отвращением стащил с себя влажную рубашку и кинул ее прямо на пол, туда же полетело все остальное. Самая холодная вода, которую только можно сделать, немного привела его в чувство. Он вытерся, понял, что так торопился в душ, что не взял с собой никакой чистой одежды. Тогда он пошлепал босыми ногами в спальню, к шкафу, и краем глаза заметил собственное отражение в большом зеркале в прихожей. Почему-то именно вид этого отражения окончательно расставил все на свои места. До того как у него появилась Яна, где-то в самой темной глубине души он надеялся на чудо, хоть и никогда себе в этом не признавался. А потом чудо вдруг случилось, но за ним ничего не последовало, и оно растаяло в воздухе, как шлейф новогоднего фейерверка. В зеркале его встречал все тот же ни на что не годный тощий

алкоголик, и надеяться стало не на что. Жить с этим знанием не имело никакого смысла. С этого дня мысли о самоубийстве стали превращаться в планы.

Недели через три, в начале кошмарного жаркого июля, он окончательно принял решение. Яна, как он краем глаза видел в сети Академии, куда зачем-то иногда заходил, за это время успела улететь в Америку и засобирается оттуда куда-то еще. А он успел хорошенько подумать и решить, что этот июль будет для него последним. В этом решении не было уже никакого надрыва, никаких эмоций, никакой жалости к себе.

Приняв решение, Игорь стал выбирать способ. Первым делом он отмел вены. Конечно, в том, чтобы распороть руки прямо по старым шрамам и все-таки сдохнуть — не получилось с первой попытки, нате вторую, — было определенное очарование, но одно дело резать в истерике, не чувствуя боли, и совсем другое в таком настроении, в каком он брался за дело сейчас. К сожалению, по техническим причинам почти сразу пришлось отказаться от пули в голову и отравления лекарствами. Он достаточно намучился за последние годы с приобретением запрещенного ему алкоголя, чтобы отравлять последние дни поисками запрещенного оружия или таблеток. Потом в корзину отправился и прыжок из окна, о котором он так часто думал все эти годы, — во-первых, слишком сильно начинало тошнить при мысли об ударе, который ждет внизу, а во-вторых, по улице ходили люди, и эти люди ничем не заслужили счастья любоваться на его внутренности и содержимое черепной коробки. Экзотику вроде распития укуса и засовывания головы в духовку, а также разные прыжки под машины, электрички и поезда метро, от которых хуже станет не только ему, но и несчастным водителям и машинистам, он не рассматривал. По понятным причинам отпадали и способы, при которых кто-то мог вмешаться в ход событий, — прыжки с моста, например. Еще не хватало, чтобы его схватил за рукав какой-нибудь добрый человек или бросились ловить спасатели.

Кажется, оставалось только одно — вешаться. Этот старый добрый способ почему-то всегда выпадал из поля его зрения, но сейчас Игорь с удивлением обнаружил, что он удовлетворяет всем его требованиям: не нужно смотреть на кровь; не придется никого пугать видом своих внутренностей; никто не сможет помешать; вполне выполнимо с технической точки зрения. Остановившись на этом способе, он осмотрел квартиру и нашел, что турник в дверном проеме, на котором он поначалу подтягивался, пока не забросил все это, вполне подходит. По крайней мере, он проверено выдерживает вес его тела. Найти веревку тем более не составляло никакого труда. Впрочем, поразмыслив, он вовсе отказался от веревки. Подходящей у него не было, лишний раз контактировать с людьми не хотелось, да и любой не слишком широкий кожаный ремень вполне годился — убираешь собачку, которая вставляется в отверстие, делаешь петлю, засунув конец ремня в пряжку, и крепишь. Ничего не может быть проще и надежнее. Остаток дня он провел, читая в интернете про то, что испытывает человек, когда вешается. Ничего хорошего не обещали. Последние минуты его жизни будут ужасными, но все-таки это лучший из доступных ему способов. Да и мало ли он уже пережил ужасных минут, чтобы испугаться еще нескольких?

Продумав детали, он вместо сомнений и жалости к себе, которых ждал с некоторой опаской, вдруг испытал огромное облегчение. Теперь он наконец-то знал, что делать. Не надо было больше думать, сомневаться, винить себя в чем-то, принимать решения, оставалось только уладить все дела, приготовить ремень, встать на стул, выдохнуть и сделать шаг. Ему даже расхотелось пить, так было легко и хорошо.

Следующие десять дней он занимается подготовкой. Прибирается в квартире, выбрасывает все ненужное, до чего не доходили руки, находит все документы и складывает их в аккуратную стопку на столе в кабинете, пишет завещание. Принять решение насчет завещания оказывается неожиданно просто, намного проще, чем он думал: все деньги, которых после операции с поддельным наследством осталось не так много, делятся пополам, и одна половина достается Оле, другая Яне. Яне не нужны деньги, но он обязательно должен что-то для нее сделать. Она придумает, как ими распорядиться, — поможет кому-нибудь, как придумала тогда помочь Оле, или просто отдаст на благотворительность, не вдаваясь в подробности. А Оле все еще нужны. Поразмыслив, он решает добавить к завещанию письма для них обеих, потому что наверняка им скажут, как он умер, и лучше будет дать какие-нибудь комментарии.

Он наливает себе кофе и берет два девственно-чистых листка бумаги. «Привет, Оля, — пишет он от руки на первом. — Я думаю, что ты порвешь это письмо не читая, но на всякий случай напишу. Знаю, что это звучит как циничная ложь, но мне было очень стыдно перед тобой все эти годы. Тому, кто уже умер, нет смысла врать. Естественно, я не думаю, что деньги могут как-то загладить мою вину, но был бы очень счастлив, если бы они тебегодились». Складывает листок, запечатывает его в конверт и подписывает. Потом берет второй. «Привет. Это не потому, что я думаю, что тебе нужны деньги. Просто ты лучше меня знаешь, как с их помощью сделать что-нибудь хорошее. Спасибо». Коротко и по существу, только чтобы прокомментировать завещание, — все остальное он напишет ей в записке, которую сядет писать, когда будет готов. В завещании, помимо распоряжений о деньгах, он просит не закапывать его в землю, а кремировать. Ужасная традиция оставлять тела гнить в земле не давала ему покоя с самого детства. С тех пор как он лежал в своей детской постели без сна и плакал, представляя, что руки его мамы, которыми она гладила его по голове и обнимала, жрут червяки.

Еще одно приготовление состоит в том, что за неделю он перестает есть и пьет только чай и воду. Наверное, это смешно и вообще страшная глупость, но он провел в дерьме большую часть своей жизни и не хотел бы снова оказаться в нем, когда умрет. Когда завещание оказывается у нотариуса, а в квартире наведен полный порядок, он понимает, что пора. Почему-то он не решается сделать это тем же вечером и переносит на следующий, оставляя себе ровно сутки.

Он сидит на подоконнике и улыбается. Все, что рассказывают о последних часах жизни, — как выясняется, правда. Садящееся за крыши солнце перестает казаться ненавистным источником жары, ветер, который треплет волосы, не раздражает, парочки внизу больше не вызывают ни злости, ни зависти, ни обиды на жизнь. И прыгать в окно не хочется, и лезть за сигаретами, и наливать выпить. Хочется сидеть вот так и смотреть на все вокруг, вниз, вверх, на окна соседних домов и белые полосы в небе от пролетающих самолетов. Он точно знает, что видит все это в последний раз, и в последний раз на все это очень приятно смотреть.